ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

КОРОЛЕВА МЕХА

СУБЛИМАЦИЯ ЧУВСТВ

16+

Элла Златогорская

Королева меха,

или

Сублимация чувств

Детективный роман

Из серии
«Юная пенсионерка расследует дело»

Книга 2

Новая Страна
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ И КНИГОТОРГОВЫЙ ХОЛДИНГ

Санкт-Петербург
2020

УДК 82-31
84(2Рос=Рус)6-445
367

Главный редактор *А. Иванникова (Дементьева)*
Редактор, корректор *Т. Оконевская;* Вёрстка *М. Дьяченко*
Художник-оформитель *А. Дьяченко*

Златогорская, Элла. Королева меха, или Сублимация чувств. Книга 2: Детективный роман. [Электронный ресурс] / **Э. Златогорская**. — Электрон. дан. — Санкт-Петербург: Издательский и книготорговый холдинг «Новая Страна», 2020. — Режим доступа: платный. — Загл. с экрана.

Представляем вашему вниманию вторую книгу с недавних пор так полюбившихся читателю детективных романов Эллы Златогорской — «Королева меха, или Сублимация чувств» из серии «Юная пенсионерка расследует дело».

На что способны люди ради денег и власти, любви и ненависти, скрывая правду во лжи? Зависть — это порок, черта характера или удобная позиция жалеть себя любимого, мол, у кого есть всё — судьба постаралась, а у кого нет ничего — не в то время родился? И насколько тяжело принять одиночество?

Главная героиня романа — Элла Глебовна — после успешного раскрытия первого дела с Александром Сергеевичем Золотарёвым, капитаном, а ныне майором, переехала в другой дом, который ей сняли её сыновья, и осталась в прекрасном курортном городке Морегорске по состоянию здоровья.

Жизнь шла тихо и размеренно, до тех пор, пока в город не приехала его уроженка — сорокапятилетняя Эмилия Александровна Белявская, московская бизнес-леди, — чтобы открыть в новом торговом центре «Полёт мечты» меховой центр под названием «Царство меха». У Милы (она же Эмилия) в родном городе проживали мама и бабушка, и в какой-то момент она решает остаться жить в Морегорске, бросив Москву, с благим желанием провести последние годы жизни близких рядом с ними... Но, увы, прекрасному будущему не сбыться, и в один из дней, после успешного открытия шоу-рума, «Королеву меха» находят убитой в собственном доме...

Кому помешала успешная женщина, одна вырастившая сына и добившаяся всего сама? Кто и за что поквитался с ней? Какие тайны она скрывала все эти годы?

За расследование берутся наши старые друзья — Золотарёв и Златогорская. Кто, как не они, талантливые сыщики, смогут размотать клубок почти тридцатилетней давности и найти убийцу...

Подписано к использованию: 17.08.2020. Размер файла: 1,39 Мб.
Адрес редакции в Москве: г. Москва, 2-я улица Энтузиастов, д. 5, офис 402/А.
Адрес редакции в Санкт-Петербурге: г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134, корп. 9, литера А, офис 304/3.
Официальный сайт: *www.nstrana.ru*
Официальная группа во ВКонтакте: *https://vk.com/nstrana*
Официальная группа Facebook: *https://www.facebook.com/groups/nstrana*
Официальная страница Instagram: *https://www.instagram.com/nov.strana/*

Адреса электронной почты: *office@nstrana.ru*, *zayavki@nstrana.ru* (для приёма заявок),
office-nstrana.msk@mail.ru (редакция Москвы)
office-nstrana.spb@mail.ru (редакция Санкт-Петербурга)

Тел.: +7 (977) 836-46-31, +7 (926) 218-99-22 (редакция Москвы),
+7 (921) 916-92-60 (редакция Санкт-Петербурга)

ISBN 978-5-907322-21-9

© Златогорская Э., текст, 2020
© Издательский и книготорговый холдинг «Новая Страна», издание, 2020

Об авторе

В современной прозе Элла Златогорская (Стелла Давыдова) новичок. Но её жизненный опыт, умение логически мыслить и много свободного времени позволили ей начать любимое дело. С раннего детства она мечтала стать следователем, ловить и наказывать преступников. Не довелось. Но выйдя на пенсию, она своеобразно осуществила свою мечту: начала писать детективы, остроумные, иронические, женские — те, которые понравятся всем и где преступник будет найден и получит по заслугам. Зло должно быть всегда наказано. В детективах автора просматриваются сюжеты, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Умная, сильная женщина с аналитическим складом ума, Элла Златогорская выступает в качестве рассказчика своих детективов. Она любит своих героев, как и своих читателей.

Глава 1

Раннее утро. Мила ещё не открыла глаза, но чувствовала, как солнышко освещает комнату сквозь кисею занавеси, а ветерок играет с тюлем, как котёнок с клубком ниток. Щемящее чувство радости пронзило её сердце. Она открыла глаза, снова зажмурилась и уже медленно приподняла веки. Как она счастлива! Она дома, в своей родной детской комнате, и сирень всё так же стучит в окошко. Спасибо тебе, Господи, за то, что даёшь почувствовать, что и в сорок пять ты, словно в пятнадцать лет, ощущаешь весну как пору пробуждения и начала новой жизни, что рядом любимые мама и бабушка, что мир прекрасен. Услышав движение в комнате, загляну-ла мама:

— Милочка, ты проснулась, детка? Быстро умываться и завтракать.

«Как в детстве, — подумала с благодарностью Мила. — Мои любимые море и горы, и мама, и бабушка. Счастье!»

Вскочив, она распахнула окно и поймала в ладони веточку сирени, так упорно стучавшую ей в окошко.

«Найду или нет?» — всё гадала Мила, выискивая маленький цветок с пятью лепестками. Нашла, сорвала и быстро проглотила, загадывая желание. Каждый год она, как и все девочки в их Морегорске, искала сиреневый лепесточек с пятью лепестками, съедала его и ждала, когда же исполнится её желание, всё надеялась, что скоро-скоро.

Надежда всегда умирает последней, а иногда и вместе с человеком...

— Милка, ты где? — это уже бабушка своим зычным трубадурским голосом зовёт её.

— Бегу, бабуля, бегу! — Мила, как и в детстве, боялась её голоса.

По случаю приезда дочери Людмила Николаевна накрыла завтрак в большой комнате, в так называемой «зале», как любила говорить бабуля. Зал, правда, был 4 на 5, всего 20 квадратов, но такой уютный, такой родной, что милее сердцу Милы не было во всех дворцах мира. Посредине комнаты стоял круглый стол (ещё из бабушкиной молодости) — дубовый, с прочными крепкими ножками, — который раскрывался. Между двумя окнами — диван, уже более современный, с подушечками разной величины, такими красивыми. Наволочки на них шила мама из обрезков разных тканей и подбирала так обдуманно и эстетично, что все любовались маминым рукоделием. У противоположной стены стоял массивный дубовый буфет, резной, со шкафчиками и выдвижными ящиками. И буфет, и стол были из одного гарнитура, и никто даже не думал менять эту мебель — с бабулей не хотелось спорить, к тому же сейчас это вообще очень модно. Лет пять назад Мила нашла в Морегорске хорошего мебельщика-реставратора, и он привёл всю эту красоту в надлежащий вид. Другую же стену занимал большой плазменный телевизор, с приставкой и спутниковой антенной. Этот Милкин подарок бабуля одобрила:

— Молодец, внучка, угодила старой бабке, хорошо всё видно, ни у кого из соседей нет такого телевизора. Как в кино. Правда, Люда?

— Да, мама, — подтвердила Людмила Николаевна. — У нас у одних на всей улице.

Сейчас Евдокия Ивановна восседала за круглым столом. «Мама уже причесала и умыла бабулю», — подумала Мила, но дурманящие запахи еды отвлекли её от мыслей.

На круглом столе, покрытом скатертью, которую связала ещё бабуля, стояла большая сковорода с яичницей из самых что ни на есть домашних яиц, своих, от курочек-рябушек. Птиц было всего пять штук, но мама любила их и называла «рябушки-голубушки». Рядом со сковородой стояло блюдо с кружевными блинчиками, уже появившаяся молодая картошка, варёная, с укропчиком и маслом, домашняя сметанка, тарелка с сырниками, тонко нарезанное сало и домашняя ветчина.

— Люда, ты где? Хватит уже. Всего на столе хватает. Молоко неси и иди кушать, а то всё стынет, — позвала дочь Евдокия Ивановна.

— Иду, мама, иду, — откликнулась Людмила Николаевна и тут же появилась на пороге. В одной руке она несла молочник, а в другой — большую тарелку с жареной барабулькой. Села между матерью и дочкой, перевела взгляд с одной на другую. Вот они, три поколения женщин их семьи. У каждой из них не сложилась женская судьба, но всё равно они счастливы вместе.

— Люда, а барабулька откуда? Неужто с утра на базар успела? — поинтересовалась бабуля. Бабушка должна была всё знать. После инсульта она плохо ходила, передвигалась только по дому и только с помощью ходулей, правая рука не работала и висела плетью, но ум был ясный, как и всегда.

— Клава принесла, мама, — покорно ответила ей дочь.

— А что, Клавка рыбачкой заделалась или купила у кого?

— Нет, мама, Серёжа наловил, с утра ходил.

— А он приехал, мама? — спросила Мила у матери.

— Да, детка. Уж несколько дней как приехал.

— Я его со школы не видела... сколько лет прошло.

— Он приезжает раз в пять лет, но у вас отпуска не совпадают, — разъяснила мать.

— Вышла б замуж за него, — вставила своё веское слово Евдокия Ивановна, — может, и счастлива была б — убивался ведь Серёжка за тобой.

— Ой уж и убивался, бабуль. Сразу же уехал в Питер в мореходку.

— А ты сразу в Москву уехала, — с обидой сказала мать.

— Мама, если бы я не уехала, то всего этого и не добилась бы.

— Ой, доченька, денег и славы добилась, а счастья — нет.

— Мама, у меня есть сын и друг.

— Какой друг? — засуетилась бабушка. — Опять какой-нибудь приспособленец.

— Мама, — поучительно сказала Людмила Николаевна, — это «альфонс» называется.

— Вот я же и говорю: как Гитлера.

— Мама, Гитлера звали Адольф.

— Чтоб ему там, в аду, ни минуты покоя не было, этому Адольфу, — запричитала Евдокия Ивановна.

— Мама, ну хватит, успокойся, — Людмила Николаевна налила маме молока. — Выпей немного молока, мама, а потом уж лекарства, после еды которые. Доченька, покушай, детка, ты так мало кушаешь, — Людмила Николаевна стала накладывать Миле в тарелку всё подряд, как в детстве.

— А Герочка когда приедет? — спросила бабушка у внучки.

— Скоро, бабуля. Герман с Еленой прилетит, а Платон — с гостями.

— Тьфу, назвала ребёнка Германом! Слышать не могу.

— Мама, ну ты же называешь его Герой, и ему это нравится, — Людмила Николаевна пыталась успокоить разбушевавшуюся мать.

— Бабуля, Платон остановится в новом доме с гостями, там уже всё подготавливают.

— Тьфу на твоего Платона! Он же на 10 лет тебя моложе, ты родить ему не сможешь. Бросит он тебя, выпотрошит всю и бросит. Людка, скажи ты дочке своей! Не девочка, чай понять должна.

— Мама, что-то ты разошлась совсем. Сто раз говорила уже, — Людмила Николаевна спокойно отвечала матери. — Не переживай, а то давление поднимется. Милочка сама всё понимает — сорок пять лет уже.

— Мам, — у Милы чуть слёзы не брызнули из глаз, — мама, мы уже пять лет вместе.

— Вот из-за него и Гера не живёт с тобой — не хочет, — Людмила Николаевна переживала за внука. — Мальчик один в большой квартире, в Москве.

— Он сам хотел один жить, вот и купила ему квартиру в центре. Женится — и с женой будет жить. Мама, ему 27 лет, он уже не маленький. И Платон тут ни при чём.

— Ты права, Милочка, — Людмила Николаевна попыталась как-то успокоить дочь. — Вот именно, женится и будет жить со своей семьёй.

— Люда, — Евдокия Ивановна уже переключилась на другое, — а Серёжка Дубов в отпуск, что ли, приехал?

— Нет, мама, насовсем, он на пенсию вышел.

— На какую это пенсию? Что ты говоришь? Он же Милкин ровесник.

— А у них, у военных моряков, пенсия ранняя, по выслуге лет, — спокойно объясняла матери Людмила Николаевна. Сразу видно — она спокойный, степенный человек с ангельским терпением.

— А семья переехала?

— Нет, мама, он развёлся с женой уже несколько лет назад. Квартиру в Ленинграде оставил жене и дочери, а сам сюда переехал к матери.

— Клавка-то, твоя подружка, рада-то, небось? — всё продолжала старушка допрашивать дочь.

— Как сказать. Что развёлся — не рада: там же ребёнок, хоть и сноху она не привечала. А что сын теперь с ней рядом — очень рада. Клава говорит, что он молодой, красивый — найдёт себе женщину у нас, в Морегорске.

Люда и Клава дружили уже около пятидесяти лет — как Клава замуж вышла в соседский дом (муж привёз её из одной из кубанских станиц), так они и подружились. А потом и дети в один класс пошли. Хоть Клава и немного помоложе Люды, но была мудра и работяща, как и все казачки.

— Найдёт, конечно, найдёт. Женщины — эшелонами, а мужчины — по талонам, — произнесла старушка свою любимую поговорку и была права. У нас, в России, дефицит настоящих мужчин. Россия — страна одиноких женщин.

Мила слушала перепалку бабушки и матери, и на душе у неё потеплело: она — дома. Жизнь состоит из таких радостных мелочей. Внутрисемейная дегустация утренних блюд подходила к концу, когда раздался стук калитки и потом распахнулась дверь.

— Эмилия Александровна дома? — раздался голос Тани Бажановой, Милкиной одноклассницы и закадычной подруги.

— Дома, дома, — ответила мать. — Заходи, Танюша, садись завтракать.

— Спасибо, тётя Люда, я уже поела. Своих накормила, отправила кого куда — и к вам бегом. Привет, королева меха! — Татьяна бросилась к Миле, и они горячо обнялись и поцеловались.

— Да уж, королева... — ворчала бабушка, но явно с затаённой гордостью.

— Здрасти, бабуля, — очнулась Таня и поздоровалась с Евдокией Ивановной. — Мила в самом деле королева, её так в Москве и называют — королева меха. Мила, ты ещё не одета? Давай быстро, у нас столько дел, мне надо с тобой

посоветоваться. Я ведь много чего не знаю, а у нас всего неделя осталась, — тараторила Татьяна.

— Не суетись, Танюша, всё успеем, — и молодые женщины, шушукаясь, прошли в комнату Милы.

Людмила Николаевна стала прибирать со стола, а Евдокия Ивановна, нацепив очки, уставилась в телевизор смотреть очередную передачу про здоровье.

Прямо в центре города на месте снесённого старого здания универмага стоял новый торговый центр «Полёт мечты». Его открытие планировалось одновременно с началом курортного сезона. Ждали много гостей из столицы, инвесторов и знаменитостей. Здание соответствовало своему названию. Семиэтажное строение из стекла и бетона с серебристой крышей, устремлённой ввысь. На крыше расставили столики для гостей, которые в самом деле могли при желании «взлететь» на один метр: вместе со стульями столы были установлены на одной платформе и нажатием рычага поднимались на определённую высоту — своеобразное развлечение для богатых посетителей. Внутри здания были бутики, фудкорты, рестораны, фонтаны и детские площадки, ледовый каток со зрительным залом для шоу-программ. Известные бренды здесь выкупили торговые места, вот и Эмилия для своего мехового шоу-рума приобрела почти половину торговой площади первого этажа. Место было престижным, и ещё на стадии строительства Мила оплатила своё долевое участие. Шоу-рум «Царство меха» уже сейчас, ещё без никаких изделий, завораживал. Вся площадь его была визуально разделена на три части. Первая — торговая, где уже стояли стойки, манекены, витрины, стеллажи и прочее торговое оборудование. Здесь будут выставлены изделия для продажи. Середина шоу-рума отдана под подиум и кресла для зрителей — здесь манекенщицы будут демонстрировать изделия. А в третьей части планировалось

меховое ателье, где скорняки станут переделывать то, что не нравится покупателям, или шить новые изделия под заказ. Внутри шоу-рума ещё работали дизайнеры, доводя всё до совершенства. Изделия должны прилететь из Москвы с Еленой Сотниковой — партнёром Милы по бизнесу — и сыном Германом.

— Милочка, — волновалась Таня, — до открытия осталось совсем мало, нам надо всё успеть. Я никак не могу хорошего механика найти.

— Танюша, не переживай, пока постоянный механик нам не нужен. На старой фабрике трикотажной — помнишь эту фабрику? — были хорошие механики. Найди их, пусть машинки наладят. Я сама проверю потом.

— Ой, Мила, этой фабрики давно уже нет... всё раскурочено, разворовано. Только пустые глазницы окон видны. Но механика найду хорошего. А как тебе подиум, дорожки, кресла?

— Великолепно. Мне нравятся. А моделей нашла?

— Нашла, Мила. У нас в городе есть модельное агентство «Стиль», договорилась с директором. Как прибудут изделия, сразу начнутся репетиции.

— Изделия привезёт Герман с Леной, через три-четыре дня будут здесь. Остальное довезёт Платон. И гости, приглашённые нами, с ним приедут. Таня, а продавцы-консультанты хорошие, обучила их?

— Хорошие, пока нашла только двух, но специалистов. Говорила с ними, как ты мне и наказывала. Но, думаю, как изделия вывесим, и ты ведь с ними поговоришь?

— Конечно, обязательно. Ну а ты? Ты же была в Москве в наших бутиках — всему ведь обучилась.

— Ой, Милочка, как я могу всему обучиться?.. Переживаю очень. Кстати, форму уже пошили всем. Охрану для шоу-рума наняли приличную, чтоб воровство на корню

пресечь. Изучала всё, что смогла. Постараюсь тебя не подвести.

Татьяну Мила назначила директором шоу-рума. Она за всё отвечала и уже почти полгода вплотную занималась организационными вопросами и обустройством. Когда Мила предложила ей эту работу и озвучила сумму зарплаты, Таня испугалась. Испугалась ответственности и слишком большой суммы.

— Милочка, у нас такую большую зарплату даже в мэрии не получают!

— А в мэрии, Танюша, не работают — штаны только протирают. Не знаю, за что им деньги платят. Там больше половины надо выгнать: раздули штаты, чтоб деньги отмыть. Набрали непрофессионалов. Чего их держать? А у нас работать надо, да так работать, чтоб за нашими шубами сюда не только со всей России приезжали, а даже из-за границы, как в Москву к нам ездят. Это тяжёлый труд, Танюша. У нас будут не только шубы, но и меховые аксессуары. Тебе придётся учиться.

— Ты же знаешь, учёбы я не боюсь. Лишь бы тебя не подвести...

— Не подведёшь. Ты упорная. Бери отпуск в своём детском саду — сколько лет там за копейки пашешь как заведённая. В общем, поговори с Мишкой — и ко мне, будешь месяц у меня жить и везде со мной ходить или с Леной. Увидишь всё своими глазами. А как наладим хорошую торговлю, так здесь и меховую фабрику откроем.

Вот так полгода назад Татьяна и решилась на такую авантюру. Муж Михаил был не против и даже помогал ей — следил за отделочниками, электриками. Татьяна горела на работе и не меньше Эмилии ждала открытия торгового центра.

...Мила прогулялась пешком до старой трикотажной фабрики «Динамо». Когда-то предприятие гремело на весь Со-

ветский Союз. Но нынешнее запустение на него навевало уныние. Старик-сторож, который охранял неизвестно что, за 500 рублей пропустил на территорию. Двухэтажное добротное здание послевоенной постройки ещё было крепким. Много чего растащили, конечно, но территория, хозпостройки и здание самой фабрики можно было реконструировать. Мила решила про себя, что переедет жить в Морегорск. Бабушка совсем уже старенькая, и держится только благодаря профессиональному уходу дочери, Людмилы Николаевны. Маме уже самой 75 лет. Она родила Милу в 30 и всю жизнь работала. А Германа они вдвоём с бабушкой до 7 лет вырастили одни, без Милкиного вмешательства. Это потом уже Гера пошёл школу в Москве. Мила, конечно, хорошо им помогает, но деньги не заменят им её присутствия. Ей надо быть здесь, с мамой и бабушкой. Она неоднократно заводила разговор об их переезде в Москву, но они воспринимали это в штыки, как личное оскорбление. Германа Мила передала все свои навыки и умение, из него выходит прекрасный руководитель и профессионал. Он останется в Москве и будет работать вместо Милы в партнёрстве с Еленой.

На Елену она могла рассчитывать как на саму себя, они знакомы почти с первых дней пребывания в Москве. Ещё Германа не было на свете, когда они вдвоём начинали мечтать о своём будущем. Потому Мила и присматривала себе хорошее помещение. Здесь она уже для себя создаст производство шикарных шуб, именно таких, о которых она мечтала — эксклюзивных, штучных, для души. И будет стоять только её имя на бирке. Их совместное предприятие — «Царство меха» — известно за пределами страны, а изделия фирмы «Эмилия» будут приобретать мировые звёзды. Осталось только выкупить эту фабрику полностью — всё дело во времени. Но она была уверена, что это ей удастся — деньги у неё были, а они в бизнесе решают многое. От этих мыслей её отвлёк сторож.

— Ну что, девушка, посмотрели? А то ненароком кто заедет?

— А что, кто-то приезжает?

— Да, бывает. То с администрации, то мэр как-то с мужиками серьёзными заходил. Может, продать хотят, может, что ещё. А вы, барышня, для каких целей смотрите?

— А я тоже, может, купить хочу.

— Да вы что? — сторож сначала с удивлением, а потом с уважением посмотрел на Милу. — Фабрика дорогая, наверное. Хорошая фабрика была. Сгубили всё, окаянные.

— До свидания, — Мила весело помахала ему рукой. — Если куплю — оставлю вас работать.

— Смотри, барышня, обещала, — сторож помахал ей в ответ.

О своих планах Мила матери ещё не рассказала. Вот откроется торговый центр, начнёт работать шоу-рум, переговорит она с Еленой и Германом, а потом уже маме всё скажет. Вдруг она вспомнила о Платоне и рассмеялась: надо же, про него даже и не подумала, как будто он вещь какая-то. Куда же ему деваться: куда она — туда и он. Он полностью от неё зависит: она ему предоставила работу, она ему платит зарплату, он живёт в её квартире. Но без Платона Мила как без рук. Она привыкла к тому, что он выполняет любое её поручение и любое её желание. Не захочет — пусть идёт на все четыре стороны: обойдётся, переболеет и пройдёт, не впервой.

Глава 2

И Мила, опять пешком через весь город, пошла к своему новому дому, который она построила на берегу моря. На том берегу стояло два десятка особняков, похожих друг на друга. Охраняемая территория, окна выходят на море. О, море, море, любимое море. Мила шла по маленькой набережной этого экопосёлка, любовалась своим морем и не могла понять, что она делает в шумной, суетной Москве, когда просто не может жить без моря. Этот маленький посёлок находился вдали от курортных центров, бесшабашного разгула и шумного веселья. Он оказался именно тем местом, которое ей было нужно. Море в начале мая особенное, оно тоже оживает, как и вся природа. Грань между небом и морем стирается — и небо, и море, ясное и чистое, как слеза младенца, становятся единым целым. Вдали виснут на горизонте корабли, словно сошли с картин любимого Милкой Ивана Айвазовского, великого мариниста. «О, некоторые смельчаки даже купаются, — удивилась Мила. — Видно, приехали с крайнего севера, где сейчас холодрыга». Любование морем её всегда успокаивало. Даже ещё будучи девчонкой, она в порыве юношеских страстей прибегала к морю и говорила с ним. А сколько раз они с Таней специально ездили в Феодосию, чтоб посетить дом-музей Айвазовского и полюбоваться его картинами, где море было живое и в шторм, и в штиль. А несколько лет назад она перечислила крупную сумму для этого музея. Указала даже на то, на что бы она хотела, чтобы были потрачены эти деньги. Ей хотелось, чтоб они пошли

на реставрацию картин малого размера, которых было великое множество у этого гениального художника. Он любил море и Крым так же, как и она, и завещал все свои картины и дома своему городу. А Мила хотела хоть что-то сделать для своего любимого города, с одной стороны окружённого горами, с другой — морем, имеющего уникальный ландшафт. Он имеет право на всё самое лучшее, и она ему подарит музей меха, фабрику меха, шоу-рум меха, она будет жить здесь и стареть здесь.

Мила поискала глазами свой дом — новенький коттедж из специального горного камня розового оттенка, светлый, с окнами до пола на террасе, с винтовой резной деревянной лестницей на второй этаж, с просторным холлом, откуда были выходы в гараж, в бассейн, на кухню, в санитарные комнаты, в каминный зал. На втором этаже — несколько спален, кабинет и открытая веранда с видом на море. Дом был полон света и воздуха — то, о чём она мечтала всегда. Все строения в этом посёлке были одинаковы на вид, а внутреннюю планировку хозяева уже делали по своему усмотрению. В этом году Мила несколько раз прилетала, чтоб принять дом окончательно. Мама нашла семейную пару, которая присматривала за ним, убирала в комнатах, во дворе, ухаживала за цветами и деревьями — в общем, хозяйничала, пока Мила отсутствовала. Мебель, шторы, жалюзи, посуду, технику — уже всё завезли и установили. Мама приходила, смотрела и контролировала. А сейчас Миле предстояло увидеть самой свой дом мечты в законченном виде. Она позвонила Вере — женщине, которая присматривает за домом, — и попросила открыть калиточку во двор со стороны моря. Открыл ей Верин муж — он возился во дворе: подготавливал к приезду гостей зону барбекю. Вера вышла встречать Милу.

— Здравствуйте, хозяйка! С приездом!

— Здравствуйте, Вера. Но я вам никакая не хозяйка. Я просто ваша работодательница, и можно называть меня Милой. Этого достаточно.

— Всё готово к встрече гостей. Осталось только закупить продукты и пригласить кухарку. Если хотите, я могу и сама приготовить.

— Хорошо. Думаю, что в первые дни, когда приедет много гостей, мы пригласим кухарку и шашлычника. А в остальное время вы и сами справитесь. Через два дня приедет моя подруга и мой сын. Сын будет у мамы, а я с подругой поселюсь здесь. Дней через пять прибудет побольше гостей, надо все спальни и гостевые комнаты подготовить, закупить много еды и напитков. Давайте мы с вами составим список, и завтра вы можете начать с мужем закупаться.

— Хорошо, Милочка! Всё будет на высшем уровне, не переживайте.

— Вера, я сейчас пойду осмотрю свою спальню и кабинет, а вы составляйте список, потом вместе обсудим.

— Хорошо, Милочка!

Мила поднялась к себе в спальню, разлеглась на большой удобной кровати и закрыла глаза. Ей было очень тоскливо, но она не скучала по Платону как другу и мужу, она скучала по его мужским рукам и страстным губам. По истечению шести лет, из которых они пять лет жили вместе, она поняла, как он ей неинтересен. Зачем столько лет она терпела его возле себя? Из-за секса или потому, что он ей стал необходим как помощник? Мила удивлялась сама себе: какая она всё-таки циничная. Но убить в себе этого мерзкого человечка, который иногда выскакивал из неё, она никак не могла. Большой бизнес и большие деньги развращают людей. Хорошо, что мама не может прочесть её мысли. Бедная, кого она вырастила? Мама такая нравственная, порядочная, а дочь вот какой вышла! Платон — красивый

молодой мужчина 35 лет, приехал в Москву за мечтой из Омска. Познакомились они очень банально. На парковке фитнес-центра она, сдавая задом на своём новеньком внедорожнике, задела чужую машину. Автомобиль был российского происхождения, похоже, не первой свежести, но Мила хорошо его ударила, при этом её внедорожник нисколько не повредился. Чужая машина не загудела, не заорала, как это обычно бывает, когда включена сигнализация. Мила вышла из авто, побила по колёсам — и опять ни звука. Никто к ней из парковщиков не подошёл — похоже, здесь их и не было. Мила очень удивилась: фитнес-центр большой, круглосуточный, на первом этаже ещё находились какие-то спортивные заведения, но никому не было дела до припаркованных здесь машин. Мила сфотографировала чужое авто, написала записку с повинной и свой номер телефона. За свои поступки она привыкла отвечать, а вина за побитую чужую машину целиком и полностью лежала на ней. Сейчас же она очень торопилась. В крайнем случае, завтра найдёт владельца автомобиля — на парковке таких непрезентабельных машин было очень мало. Абонемент в фитнес-центр стоил очень дорого даже по московским меркам, его посещать считалось престижно. Мила не стала гадать: ну что ж, подождём звонка.

Позвонили ей рано утром, вернее, по её меркам было ранее утро — 9 часов, она ещё глаза не успела продрать и даже не хотела брать трубку: номер высветился незнакомый, и она испугалась. Она всегда пугается незнакомых номеров из-за сына: а вдруг что с мальчиком случилось. Это вечное беспокойство за ребёнка не давало ей покоя.

— Да, — пробормотала она сонным голосом, — слушаю.

— Извините, — ответил ей приятный мужской голос. — Вы вчера оставили на лобовом стекле моего автомобиля записку.

— Записку... я... — она сначала даже не поняла, о чём речь. — Я написала записку?

— Да, — и на том конце трубки замолчали. — Наверное, я ошибся, — упавшим голосом произнесли и отсоединились.

И вдруг она вспомнила. «Как я могла забыть? Это же я ударила чужую машину!» Она сразу вскочила и перезвонила. Трубку немедленно взяли, как будто ждали звонка.

— Да, — прозвучал тот же бархатный мужской голос, — я вас слушаю.

«До чего сексуальный голос», — подумала Мила.

— Простите меня, я спросонья не поняла сначала. Да, это я оставила вам записку. Я ударила вашу машину нечаянно, но сигнализация не сработала, никто не вышел, и я написала записку.

— У меня нет сигнализации, — ответил обладатель бархатного баритона.

— Нет сигнализации? Это безответственно, — сразу включив руководителя, стала поучать Мила, но потом спохватилась: — Простите, я виновата и хотела бы оплатить ремонт вашего автомобиля. Как и когда мы можем это сделать?

— Я где-то через час буду на том же месте, где вы ударили машину, мы можем встретиться.

— Хорошо, — почему-то сразу согласилась она, хоть и не планировала сегодня ехать в фитнес-центр, но поплавать в бассейне можно. — Я, как подъеду, сразу вам позвоню.

Тогда была весна, как и сейчас, она была моложе на шесть лет, глупа и амбициозна тоже на шесть лет . Он был красив, строен, полон планов. В фитнес-клуб он не ходил и даже не был инструктором, он преподавал латиноамериканские танцы в возрастной группе и часто вечерами там бывал, а ещё подрабатывал в ночном клубе танцовщиком (по крайней мере, так он говорил в начале их знакомства). Потом,

посетив этот ночной клуб, Мила поняла, что он стриптизёр, увидела, как женщины млели от него. Она пришла туда с Еленой — своей подругой и партнёршей. Платон не знал, что она будет, — они инкогнито пришли. Елена, увидев, как женщины рвут его на части, сразу пыталась отговорить Милу от её безрассудной затеи начать с ним жить. Но Мила была непоколебима: как только Герман ушёл в новую квартиру, она сама предложила переехать Платону к ней. До этого они встречались то у него на съёмной квартире, то в гостиницах. Платон на самом деле по паспорту был Павлом, дома его так и звали — Паша. Но после того как стал серьёзно заниматься танцами, он сам назвал себя Платоном. Пашей он остался в Омске.

Год они встречались до того, как стали вместе жить. И за этот год Платон показал себя не только хорошим любовником, но и отличным другом: безотказным, честным, добрым, хозяйственным — он стал её правой рукой. В нём не было наглости и цинизма. Со временем Мила привыкла к Платону, как привыкают к старым разношенным тапочкам: и выбросить жалко — хорошие, удобные, — и приелись уже, раздражают. В итоге Мила, будучи фаталисткой, решила, что судьба сама всё решит за неё. Вряд ли Платон захочет жить в Морегорске. Он прекрасно понимал, что Миле изрядно поднадоел, что она ему никогда не родит. И Мила знала, что Платон готовит отходные пути и у него наверняка появилась какая-то девица. После открытия шоу-рума она объявит близким о своём решении. Сильная женщина, когда её никто не видит, — интересное зрелище. Так и Мила, приняв решение, отступать не намерена. Реакция будет у всех неоднозначная, но разная. Главное, что она будет с бабушкой и мамой в их последние годы, а Герман уже взрослый парень, он уже давно живёт самостоятельно.

Глава 3

Герман отмахивался уже от неё, а Милка всё обнимала и целовала своего взрослого сына. Елена стояла и радостно улыбалась, а её маленькая дочурка Даша хлопала в ладоши. Даше уже было 10 лет, и она выросла умненькой и доброй девочкой.

— Дашуля, какая ты уже большая и красивая! — Мила громко чмокала свою крестницу в обе её румяные щёчки.

— Хватит уже, задушишь ребёнка, — солидно высказался Герман. Он считал Дашу своей сестрёнкой, опекал её и баловал.

Потом уже очередь дошла и до Елены — партнёра и подруги, единственной, которая знала о ней всё.

— Я сделала великое дело, Ленка, — радовалась Мила, обнимая подругу.

— Какое, Милуся? — они направились к ленте встречать багаж, впереди них шли дети. Герман крепко держал Дашу за руку, она вприпрыжку топала рядом с ним и что-то без умолку болтала.

— Какое?! Самое главное! Десять лет назад я заставила тебя родить это чудо. Теперь наши дети не одни, они есть друг у друга. Мир людей безжалостен, сама прекрасно понимаешь. Нас не станет, а они будут помогать и поддерживать друг друга.

— Милочка, если бы ты знала, как я тебе благодарна. Практически ты всё тащила на себе одна, весь бизнес, пока я ходила беременная, и потом, до года Дашеньки. Всё боялась её кому-нибудь доверить.

— Ленка, ты что! Во-первых, с тобой была твоя мама. А когда я Германа носила, кто был со мной? Только ты и мама. А что у наших детей отцы «лётчики-испытатели», виноваты мы сами. Но с другой стороны, мы независимы, богаты и свободны.

— А твой Платон?

— У меня сейчас другие планы.

— Слава Богу! Неужели ты его наконец вытуришь, Мила?

— И за что вы все его не любите? Он хороший, нам сколько помогает.

— Мила, он за это получает зарплату, и очень хорошую. Живёт на всём готовом у тебя. Интересно, куда он свои деньги девает?

— Родителям в Омск отправляет — у них пенсии маленькие, работы мало.

— А мне кажется, что он себе уже успел приобрести какую-никакую недвижимость.

— Ну и хорошо. Побыстрее согласится на мои условия.

— Какие ещё условия? Мила, что ты надумала?

— Потом, Леночка, потом.

Тем временем Глеб снял с ленты пять громадных чемоданов.

— Лена, это изделия? — Мила указала рукой на чемоданы.

— Да. Ещё Платон привезёт два таких же чемодана, и Олег Шарапов — два. В одном наши изделия, в другом — его аксессуары. Для открытия вполне достаточно. Я привезла то, что будут примерять манекенщицы.

— Отлично. Тогда сразу едем в торговый центр.

Олег Шарапов — известный дизайнер, по меху он тоже работает, но только в малых формах: рукавицы, шарфы, сумочки и много другой мелочи. Он — большой друг девочек, и все кусочки меха они продают ему. Он дополняет их кол-

лекции своими аксессуарами, вот и сейчас они ему тоже выделили две витрины. Они всегда помогают друг другу. Олег тоже сам выбился в люди, как он любит говорить. Достиг определённых высот, и как дизайнер по вечерним туалетам известен даже в Европе.

Шоу-рум Лене понравился сразу, безоговорочно. Всё было сделано по уму, продумана каждая мелочь — торговая площадь позволяла развернуться. Пока Таня тискала детей, Лена уже дала команду девочкам-продавцам распаковывать чемоданы, вывешивать товар, принялась показывать, как отглаживать меха паром. Таня обнялась и с Леной, после чего стала вместе с Германом сверять накладные.

Раздался звонок.

— Да, мама. Прилетели, и мы уже в торговом центре, — отчитывалась Мила. — Да, скоро все будем. Не зайдём ни в какой ресторан. Домой обедать. Да, и Дашулю взяла. Едем, едем.

Завершив разговор, Мила обратилась к сыну и подруге:

— Мама и бабушка паникуют, ждут нас. Лена, Герман, мама нервничает, поехали. Стол накрыт, ждут нас. Танюша, ты с нами?

—Нет, конечно. Здесь столько работы. Надо всё подготовить. Завтра с утра придут модельки скакать, ещё я программиста жду — необходимо наладить кассовые программы на компьютере. В накладной все цены надо внести. Дел много. Идите, тёте Люде привет.

— Тётя Таня, может, остаться вам помочь? — спросил Герман.

— Нет, Герочка, спасибо. Мы с девочками справимся сами. А тебя бабули заждались.

— Таня, я машину забираю.

— Хорошо, Мила, она мне не нужна.

Мама встречала их во дворе. Первой бросилась в объятия бабушки Дашенька, потом — Лена, а уж затем Герман.

Людмила Николаевна целовала, обнимала своего единственного внука и плакала. То же самое повторилось и с Евдокией Ивановной. Герман привык к своим женщинам и всё принимал стойко.

— Лена, ты свои и Дашкины вещи оставь в машине, а Герман свои пусть заберёт.

— Почему это? — всполошилась мать.

— Мама, мы с Леной будем спать в новом доме, а Герман здесь. Места нам всем не хватит.

— Когда-то всем хватало... — заворчала бабуля.

— Хорошо, — согласилась мать.

Герман взял свой рюкзак и ноутбук отнёс в Милину комнату.

— Бабуля, — крикнул он из комнаты, — я ж в маминой детской?

— Да, роднуля, — бабушкин голос от счастья даже дрожал.

Счастье — это от слова часть, нужно собрать по частям своё счастье. Вот сегодня Людмила Николаевна собрала по частям: больная, но живая старая мать, любимая, умная, красивая дочь и обожаемый внук. Не это ли счастье? Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодёжи.

— Тётя Люда, что за ароматы? Я сейчас умру от этих запахов, или у меня будет голодный обморок.

— Руки помыли, или проверить? — в Людмиле Николаевне заговорила бывшая медсестра.

Все протянули ей руки по старой доброй привычке.

— Тогда за стол — бегом, — скомандовала Милина мама.

Стол был сервирован парадным сервизом. Посредине стола стоял супник с первым блюдом, а остальная еда была уже в тарелках. Людмила Николаевна приготовила всё самое вкусное и полезное. А вкусная еда человека веселит. Людмила Николаевна разлила всем по тарелкам борщ, подала к ним пампушки. От тарелок шёл пар, запах борща дурманил и сводил с ума.

— Девочки, а может, винца домашнего? Осталось вкусное, красное, ещё пятилетней давности, — предложила Людмила Николаевна. — За хорошим столом, да с вином, да в душевной компании... Давно мы так не собрались.

— Конечно, — моментально откликнулась Евдокия Ивановна. — Людка, неси вино.

Все дружно засмеялись.

— Ой, мамуля, ты у меня единственная девочка, которая никогда не откажется.

— А мне надо — врач прописал. Сказал, каждый день понемногу. А ты только по праздникам мне вино даёшь.

— Да, мама, сегодня праздник — дети все собрались.

— Да, Люда, праздник у нас, дочка, — Гера наш приехал, — Евдокия Ивановна вздохнула. — Когда в следующий раз увижу нашего мальчика — одному Богу известно, — старушка подняла глаза вверх, что-то про себя шепча.

Людмила Николаевна встала из-за стола, чтоб за вином в погреб спуститься, но Герман её опередил:

— Не надо, бабуля, я сам.

— Хорошо, мой маленький, ты сам знаешь, какое и где. Здесь всё твоё.

Даша стала посмеиваться:

— Бабушка Люда, какой же Гера маленький, он уже давно большой.

— Дашуля, для меня вы все маленькие, а ты самая маленькая.

— И мама, и тётя Мила? — Даша всё пытала Людмилу Николаевну.

— Все. Все. Ешь, деточка, ешь на здоровье. Так, поели борщ? Тарелки давайте.

— Тётя Люда, это индоутка с черносливом по бабушкиному рецепту? — Лена аж причмокивать стала. — Мне бёдрышко и чернослива побольше.

— Я знаю, что и ты, и Гера любите мою утку с черносливом, да уж готовить не могу, но Люда хорошо делает, — глаза Евдокии Ивановны радостно засветились. — А где Гера до сих пор?

— Я здесь, баба Дуся, — Герман уже шёл с бутылкой в руках.

Людмила Николаевна взяла бутылку у Германа из рук, протёрла от пыли и разлила вино по бокалам.

— Мама, скажи пару слов.

— Скажу, Люда, скажу. Главное — чтоб вы были живы и здоровы и войны никогда не было, — и взгляд старой женщины устремился к портрету, который висел на стене, где она, молодая и красивая, в самодельной фате, и молоденький лейтенант в погонах серьёзно смотрели вперёд, а в глазах светилось счастье.

Глава 4

Когда началась война, Дусе было всего 15 лет, а её младшему брату — 10. В первые же дни войны на фронт ушёл отец. Мама с детьми так и осталась в Морегорске, куда они всей семьёй переехали буквально за год до войны. Отец работал в рыболовецком совхозе, а мать санитаркой в госпитале. До этого они жили на хуторе с бабушкой и семьёй младшего брата отца, но, подумав, родители решили переехать в город — дети уже подросли, Дуся поступила в медицинское училище. Она мечтала стать акушеркой и помогать женщинам, но доучиться ей не пришлось — грянула война.

Санаторий, где работала мама Дуси, переоборудовали в эвакогоспиталь, медучилище закрыли, зато открыли медицинские курсы, куда набирали девушек старше 18 лет для обучения и отправки на фронт. Дуся рвалась туда, но её не брали и даже пригрозили, что матери скажут. Дуся помогала маме на работе в госпитале, а со временем её даже поставили на довольствие. Брат ходил в школу, и жили они в том же бараке, комнату в котором получил отец от рыболовецкого совхоза. Иногда Дуся с братом ездила на хутор к бабушке, где тётя их привечала, поила, кормила, а бабушка давала с собой корзину с провизией. У дяди была большая семья: жена и четверо детей, все мал мала меньше. Мама передавала с детьми им мыло, старые Дусины с братом вещи, из которых они выросли, пелёнки — что могла, то и отправляла. Все надеялись на то, что война быстро закончится и Красная армия выгонит вероломных захватчиков с нашей земли.

На хуторе так и думали — там жили несколько семей дальних родственников покойного Дусиного дедушки. На хуторе была тишь и благодать, как будто и вовсе войны нет, если бы не отсутствие взрослых мужчин. Остались лишь женщины, старики и дети. Как только приходила Дуся с братом, появлялись молодухи и старики.

— Дуська, что там слышно в городе? Раненых много? А наших не видела? — все задавали вопросы вразнобой, а Дуня всё отвечала.

— Раненых уйма. Все кричат, стонут, плачут. Говорят, что немцев тьма-тьмущая, — гордо рассказывала Евдокия, чувствуя себя героиней. — Хуторских никого не видела, а то бы прибежала, сказала. Я ведь уже в госпитале работаю, мне даже хлебную карточку дали.

Старушки причитали, молодухи плакали, деды на них шикали, мол, не орите, скоро войне гаплык.

В конце декабря 1941 года госпиталь эвакуировали, раненых увезли, медицинский персонал уехал тоже, остались санитарки, сторожа, прачки. Дусина мама с детьми тоже не уехала, мыкалась туда-сюда, не знала, куда приткнуться, где копеечку заработать. А после католического Рождества 1942 года торжественно, под парадный марш вошли в город фашисты. Они чувствовали себя победителями, хозяевами города. Такой лакомый кусок, как Морегорск, очень их привлекал. Многие жители эвакуировались, но Дусина семья осталась — куда им ехать, да и кто их возьмёт?.. Начали молодёжь угонять на работу в Германию. Хоть Дуся и выглядела очень молоденькой девочкой, но ей уже исполнилось 15 лет, и мама боялась, что кто-нибудь из соседей проговорится немцам, а таких «доброжелателей» было много. Говорят же: не приобретай дом — приобретай соседа. Дусина мама отправила детей на хутор. Отвезла их сама, наказала никуда не выходить, свекровь и соснош-

ницу предупредила, что будет приезжать, привозить, что сможет, и помогать по хозяйству. Так как Дуся маленькая и худенькая, пусть говорят, что ей 12 лет — в Германию угоняли девочек с 14 лет.

Санаторий, где раньше работала мать, вновь превратили в госпиталь, но только для раненых немцев. Мать забрали туда прямо из дому — кто-то проговорился, что она работала там, или нашли конторские книги в отделе кадров, где есть адреса, но за мамой явились, и ей пришлось идти ухаживать за немцами. Почти все, кто трудился в госпитале, были местными жителями, за исключением врачей. Иногда привлекали и наших врачей — старых людей, глубоких пенсионеров, у которых не было другого выхода. Нужда крепче закона. Никто их не уважал, но все всё понимали и не осуждали. Было очень тяжёлое время... Почти два года Морегорск был оккупирован захватчиками. Жители Морегорска, как и жители всей страны, перенесли большие испытания в этой проклятой войне. Дуся с братом пряталась все дни оккупации на хуторе. Весной 1944 года Морегорск освободили. Радости жителей не было предела. Правда — сильнее силы.

Через некоторое время заработала почта. И сразу Дусина мама получила похоронку на своего мужа. Письмо шло долго, целых два года. С этим письмом, с опухшим от слёз лицом мать приехала на хутор, чтоб сообщить горькую новость свекрови и забрать детей. Увидев во дворе дома соседей, она испугалась и сразу стала искать глазами дочку и сына. Те увидели мать и побежали к ней.

— Дуся, что случилось? Я вообще-то за вами, домой едем.

Сын, услышав это, обрадовался — он хотел домой, на море.

— Мамочка, — Дуся заплакала, — на дядю похоронка пришла. Бабушка лежит, причитает.

Дусина мама отправилась в дом. Свекровь встретила её стенаниями, а потом спросила:

— Ты что ж чёрный платок надела? Уже и в городе слух прошёл, что моего младшего убило?

— Нет, мама. Я чёрное по твоему старшему сыну надела. Погиб мой муж геройски, отец ваш, дети, — Дусина мать повернулась к Дусе и сыну.

Бабушка Дуси ровно сорок дней после известия о смерти сыновей лежала на кровати и не вставала. За день до смерти она вдруг поднялась, достала из сундука икону, положила на стол, зажгла свечу и стала молиться. Маленькие внуки позвали мать.

— К детям ухожу, — сказала свекровь младшей снохе. — В сундуке всё моё смертное. Держитесь друг за дружку. Детей береги.

...Под утро она умерла.

А Дусе шёл уже 17 год. На хуторе, на кашах и тесте, она поправилась, похорошела. Мама устроила её работать в госпиталь, и параллельно она училась на медицинских курсах. Раненые красноармейцы кто лечился, а кто восстанавливался после ранений. Дуся уже работала медицинской сестрой. И как-то к ним привезли целый грузовик раненых лейтенантов. Молоденькие, они всем курсом попали под артобстрел. Медсестрички самозабвенно ухаживали за этими безусыми двадцатилетними юношами. После лечения их ждал фронт, а пока они восстанавливались — флиртовали, веселились. Один из них, Николай, серьёзный молодой человек, всегда молчал, только иногда читал книги, которые приносил им медперсонал, и вспыхивал при каждом появлении Дуси. На свой день рождения, а ей исполнилось целых 17 лет, она дежурила. Мама испекла много пирожков: и с капустой, и с картошкой, и сладких. Дуся, укутав одеялом большую кастрюлю с угощеньями, принесла её в госпиталь, в котором

проходила её жизнь: здесь работали подруги, мама, и даже младший брат помогал рабочим по территории. Положив с десяток пирожков в тарелку, Дуся пошла в ординаторскую и угостила дежурных врачей. На обратном пути она увидела Николая: он потихоньку курил в коридоре, опираясь на тросточку, — левая нога у него была в гипсе.

— Больной, — строго сказала Дуся, — вам нельзя курить, тем более здесь запрещено — только за пределами госпиталя. Можете выйти во двор, хотя уже очень поздно.

— Извините, сестричка, сам до выхода не доковыляю: буду стучать палкой — разбужу всех, — оправдывался Николай, спрятав папиросу в руке.

— Немедленно затушите! Вы губите своё здоровье, — отчитывала раненого Дуся, как вдруг увидела у него в руках фото, которое он не успел спрятать. — А это чьё фото? Девушки? Покажите?

— Нет. Мамино. Вернее, наше семейное, — тихо произнёс лейтенант и протянул ей карточку.

— Ой, я вас узнала, хоть вы здесь совсем мальчик! А это папа, мама и братик, верно?

— Верно. У мамы сегодня день рождения.

— Поздравляю. И у меня, — осмелела Дуся. — Пойдёмте за мной, пойдёмте.

— Куда это? — заинтересовался Николай.

— Отметим и мой день рождения, и вашей мамы.

— Хорошо, я сейчас не прочь выпить.

— Попьём, конечно.

Сидя в тесной медсестринской комнатке, они пили чай и ели мамины пирожки.

— А я думал, что вы сто грамм нальёте, — краснея, сказал Николай.

— Я не пью и не люблю, когда другие пьют. Мой папа никогда не пил, только по праздникам.

— Отец на фронте? — поинтересовался Коля.

— Мой отец погиб в начале войны в Белоруссии.

— И мой погиб, — сказал Коля. — В 1943 году на Северном Кавказе.

— Моя мама тоже здесь работает, санитаркой. А я медсестра, правда, училище окончу через полгода, но меня взяли на работу. Квалификационная комиссия проверила и утвердила, — с гордостью тараторила Дуся — ей очень хотелось понравиться Коле.

— Вкусные пирожки, — тихо сказал Николай. — Моя мама тоже такие пекла.

— Вот приедешь после войны в свой Смоленск, и мама тебе снова напечёт.

— Не напечёт.

— Почему это не напечёт? — Дуся аж замерла в недоумении.

— Я был в казарме, когда ночью началась усиленная бомбардировка. Мама с братиком спали дома, они не успели спуститься в убежище. Погибли сразу. Утром вся моя рота расчищала завалы. Я их обоих нашёл и похоронил. Отцу написал. Но отец вскоре сам погиб. Вот так я и остался один. Извини, что тебе всё выложил.

Дуся встала, прошла к шкафчику, налила в маленькую мензурку спирта и поставила перед Колей. Он сначала не понял, потом залпом выпил. Тут кто-то позвал сестричку, они оба вышли. Дуся закрыла комнатку: нельзя оставлять открытой — военное время.

— Я тебя в коридоре подожду, тихо покурю, можно?

— Кури уж, я скоро буду, — и Дуся побежала на помощь больным и раненым.

В ту ночь им больше не удалось поговорить — приехала машина с ранеными, и Дусе было некогда.

— Ты иди в палату, Коля, — большой наплыв раненых. Я потом к тебе зайду сама.

...То, что происходит с каждым из нас, уже происходило с кем-то другим. Мы думаем, что только с нами может случиться такое чудо, как любовь, только у нас такой прекрасный, умный, добрый друг. Но всё это когда-то с кем-то было.

Теперь Дуся с ещё большим рвением спешила на работу, заменяла всех, кто ни попросит, на ночных дежурствах — ждала встречи со своим Коленькой. Все вокруг видели, что у ребят неземная любовь. Коля всё время околачивался в коридоре, высматривая Дусю. Друзья по училищу, такие же раненые офицеры, как он, дразнили вечно:

— Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй, а то барышня придёт, поцелует и уйдёт!

Коля не обижался, а только хохотал вместе с ними. Любовь его сделала добрым и счастливым.

Но вот до мамы Дуси дошли слухи.

— Евдокия, ты мне ничего не хочешь сказать?

— А что, мама?

— Не прикидывайся дурочкой, Евдокия. Весь госпиталь гудит о вашей неземной любви. «Дуся, Дуся, я в тебя влюбился». Дусенька, я же тебя предупреждала о таких случаях в нашем госпитале ещё до оккупации, когда наши девочки крутили романы, а раненые — то женатые, то обманщики. Мужикам доверия нет. До свадьбы — ни-ни. Ты же медик, сама понимаешь.

— Мама, я видел, как они целовались на лавочке за фонтаном, — вмешался брат, который тихонько стоял за дверью и подслушивал.

— Мама, — стала ныть Дуся, — что он тут стоит подслушивает? Трепло.

— Я не трепло! — надулся брат. — И не стал сразу маме говорить, я же не стукач, — и гордо удалился, при этом со всей дури хлопнув дверью: пусть знают, что он обиделся.

— Евдокия, у вас что-то было? Ты понимаешь, о чём я говорю, — мама называла дочь только Евдокией. Ей не нра-

вилось вообще имя Дуся, но муж назвал дочь в честь своей матери, и она возражать не смела, тем более свекровь у неё была хорошей женщиной, а внучку свою просто обожала.

— Нет, мама, у нас ничего не было и не будет до свадьбы. Но мы хотим пожениться. Через месяц Коле на фронт.

— Доченька, — мать даже всплакнула, — тебе только 17 исполнилось. Не рано ли? Может, подождёшь? Как приедет с войны победителем, тогда и свадьбу сыграем.

— Мамочка, свадьба мне не нужна, а приедет или нет — это ещё вопрос. Ма-а-а, у него никого нет. Я его семья, а теперь и мы, — и Дуся рассказала маме историю Колиной такой короткой, но уже горькой жизни.

Мама была разумной женщиной, она сначала пригласила Колю в гости в ближайшее воскресенье: надо познакомиться, поговорить. Потом пошла к главврачу, всё ему рассказала. Тот имел право расписать раненых по законам военного времени — это входило в его обязанности. Главврач пообещал сделать образцово-показательную свадьбу. Он позвал парторга и комсорга и обязал устроить всё как надо. Дусиной маме дал поручение сшить невесте платье и фату. Вызвал завхоза и приказал выдать матери белой ткани и марли. Оставалось только уточнить день.

Мама Дуси сходила в управление рыболовецкого совхоза, рассказала о своей вдовьей доле и о том, что дочь выходит замуж за боевого офицера, что она втроём с детьми живёт в одной маленькой комнатушке, а рядом пустует такая же, и неизвестно, когда люди приедут из эвакуации, заручилась поддержкой главврача, и эту комнату решили выделить молодым.

Коля маме понравился. Брат ходил за лейтенантом как нитка за иголкой, смотрел ему в рот и решил стать военным, но только моряком — в Морегорске все мечтали стать моряками. Свадебное платье шили всем бараком: у кого-то

нашлась тюлевая накидка на подушки, из неё сделали фату, у кого-то — обрезки кружев. Этому платью могла позавидовать любая богатая невеста.

И вот наступил долгожданный день свадьбы. В актовом зале столы, накрытые белыми простынями вместо скатертей, расставили буквой «П». На столах — праздничная еда (повара госпиталя постарались), всё было красиво и изысканно, даже торт стоял на отдельном столике. На сцене был приготовлен стол для жениха и невесты и несколько стульев для баяниста и почётных гостей. Гости — свободный от обязанностей медперсонал и раненые бойцы — уже сидели за столом. Мама и приехавшая из хутора тётя с детьми, мамины и Дусины подруги тоже сидели. Дусин младший брат, чистенько одетый и причёсанный, восседал с таким важным видом, что становилось смешно, глядя на него. Вдруг раздался гул голосов: на сцене появился главврач, одетый в военную форму и при орденах, и ещё несколько мужчин. Следом вышла какая-то девчушка и сообщила торжественно, с волнением в голосе: «Встречайте жениха и невесту!», а затем побежала к патефону и поставила пластинку с маршем Мендельсона (где она нашла эту пластинку — одному Богу известно, но факт остаётся фактом). Держа жениха под руку, очаровательная невеста вошла через главный вход в зал. Сделав несколько шагов, молодые внезапно остановились: такого величественного зрелища они не ожидали увидеть и даже подумать не могли, что им устроят такую свадьбу. Дуся еле сдерживала слёзы, но боялась расплакаться, потому что кто-то из подруг подкрасил ей ресницы бог весть откуда взявшейся тушью. Николай ещё сильнее опёрся о тросточку. Тут раздался зычный голос главврача госпиталя: «Молодые, проходите на сцену». Потом он махнул рукой девушке, чтоб выключила патефон.

— Мои дорогие Евдокия и Николай, от имени советской власти я имею полномочия зарегистрировать ваш брак. Вы являетесь примером для всех советских молодых людей. Николай — боевой офицер, и через десять дней отправляется на фронт, Евдокия — одна из лучших медсестёр нашего госпиталя. Я желаю вам счастья, а нашей стране — победы. И поэтому перед лицом стольких свидетелей объявляю вас мужем и женой. Ура, товарищи!

Вслед за главврачом все закричали: «Ура! Ура! Ура!», и главврач передал жениху свидетельство о браке.

— А теперь, — продолжил главврач, — слово предоставляется директору рыболовецкого совхоза.

— Дорогие мои жених и невеста... Прошу прощения, уже муж и жена, — раздался смешок в зале, — актив рыболовецкого совхоза выделил вам комнату. Дуся, твой отец добросовестно трудился в нашем совхозе и геройски погиб, защищая родину. Как дочери павшего бойца, мы тебе выделяем комнату.

— Спасибо большое, — тихо произнесла Дуся.

Тут слово взяла молодая девушка, комсорг госпиталя.

— Комсомольская организация госпиталя дарит вам комплект постельного белья и подушку с одеялом! Девочки, заносите.

Вошли несколько девушек и занесли какой-то тюк. Не зная, куда его деть, они замерли на сцене. Выручил их главврач: опять махнул кому-то рукой, как волшебник, — появился мужчина и отнёс тюк за сцену. В зале уже начался откровенный смех, особенно изощрялись врачи-мужчины, потешаясь над молоденькими медсестричками. Но те не стушевались, а прочли Дусе и Николаю стихотворение Константина Симонова «Жди меня». Эти молоденькие девочки читали поочерёдно так вдохновенно, что смех тотчас смолк и раздались тихие всхлипывания женщин. Потом комсорг

объявила танец молодых. Николай прислонил тросточку к стулу, баянист заиграл медленную мелодию, и молодые спустились в зал. Они скользили в вечном танце любви, музыку и слова к которому много тысячелетий назад придумала природа. Свадьба была роскошной. Роскошной в своей искренности и любви. Эту свадьбу в госпитале ещё долго помнили. Фотокорреспондент местной газеты запечатлел молодых, о них писали и местные, и краевые газеты, и даже военные агитационные листки рассказывали об их свадьбе.

Коля побыл в Морегорске с Дусей не десять дней, а целый месяц. Отправляясь на фронт, он уже знал, что они ждут ребёнка. В каждом письме он спрашивал Дусю о самочувствии. Договорились, что если родится мальчик, то назовут Виктором — победителем, а если девочка, то Людмилой — людям милой. О том, что у него родилась дочь, Николай знал и писал ей на память смешные и интересные двустишья. Говорил Дусе: «Как подрастёт дочка — дашь почитать». А Дуся писала ему: «Сам приедешь и прочтёшь». Последнее письмо было в апреле 1945 года из Венгрии. Шли кровопролитные бои у озера Балатон, и Коля обещал, что скоро доберётся до Берлина и распишется на рейхстаге. Больше от него писем не было...

Дуся ждала и верила, ходила в военкомат, выясняла. В сентябре 1945 года её вызвали и показали письмо, где было написано, что Николай героически погиб в Венгрии, но где похоронен — неизвестно, поисковики ищут. И так все 30 лет. И только перед тридцатилетием Великой Победы, в мае 1975 года, ей сообщили, что нашли останки многих солдат, в том числе и её мужа, и пригласили на открытие обелиска. Она съездила в Венгрию и лишь через тридцать лет позволила себе поверить в то, что её муж погиб и в этом земном мире она его больше не увидит — надо надеяться только на небесную встречу.

Глава 5

Эмилия с Еленой и Дашенькой поехала ночевать в новый дом. Герман остался у бабушек. Он решил прогуляться по улице, а затем спуститься к морю, полюбоваться его красотами, ведь до семи лет он жил у бабушки в Морегорске. Это потом он пошёл в школу в Москве, но всё равно каждые каникулы проводил тут. Местная необыкновенная природа завораживала его всегда. Самый узкий проход между горами и морем был уникален по своему географическому расположению, и именно здесь располагался этот маленький, но очень красивый исторический город. Любителей морского отдыха неизменно привлекал жёлтый морской песок почти на всём побережье, а романтиков и специалистов — развалины старинной крепости, катакомбы, пещеры. Герман очень любил город своего детства. Уже смеркалось, и солнце поспешило на свидание с луной. Даже издалека было видно, как солнечная дорожка сужается и исчезает, и светило, горя багряными цветами, уходит за горизонт. Обилие красок: пурпурно-красное зарево заката и синий бархат морской воды — незабываемое зрелище. Так, любуясь красотой морского пейзажа, Герман дошёл до того места, где обычно они с мамой сидели и любовались морем, болтали, смеялись, делились своими впечатлениями за день, и остановился как вкопанный — их любимый валун был занят. Какой-то незнакомый мужчина сидел на их месте и курил, глядя вдаль. Глубоко задумавшись, мужчина даже не заметил Германа.

— Здравствуйте, — обратился Герман к нему. — Вам тоже нравится это место?

— Да, — незнакомец даже не повернулся к нему. — В детстве мы часто здесь сидели, наше любимое место.

— И мы тоже. Можно присесть?

— Садись, конечно, валун большой.

— И мама всегда говорит «валун». Как только я скажу «камень», она меня поправляет. Она тоже здесь в детстве часто сидела.

— Местные дети и молодёжь любят этот валун. Все с окрестных мест здесь сидели, — мужчина наконец повернулся и внимательно посмотрел на Германа. — Курить будешь? — и протянул Герману сигареты.

— Нет, спасибо, я не курю. Как-то пытался, лет в 14, но мама поймала, долго мне всё объясняла, и я ей дал слово.

— Молодец, что слово держишь. Дал слово, тем более родителям, — держи.

— Я очень люблю Морегорск, ведь до семи лет здесь жил у бабушки, потом только к маме поехал.

— Ты вроде говорил, что мама местная.

— Да, она местная. Но только после школы уехала поступать в Москву, да так там и осталась.

— Я тоже уехал в Ленинград поступать. И домой приезжал редко, о чём очень теперь жалею.

— Здесь очень красиво. Бабули всё меня зовут сюда. Чуть что — «приезжай» и «приезжай». Мама вот часто проведывает их — они уже старенькие.

— А я приехал насовсем. Всё. Баста. Списали на землю. На пенсию вышел.

— На пенсию? Да вы же молодой для пенсионера! — Герман искренне удивился.

— Я — капитан первого ранга, у нас рано на пенсию уходят. Решил здесь остаться. Иногда жизнь ставит в такую

ситуацию, когда нужно принять обдуманное, твёрдое решение, и я принял.

— Вы, как мама, выражаетесь, — улыбнулся Герман. — Она у меня такая. Мне кажется, что она хочет тоже остаться здесь, но пока молчит.

— Знаешь, когда мой отец умер, я был в далёком походе и не смог приехать проводить его. А мать уже старенькая, не хочу её одну оставлять, да и в Питере мне нечего делать.

— Мой отец тоже умер или погиб, я даже не знаю, где он похоронен. Это произошло, когда я ещё не родился, родители не успели даже пожениться. Вот так.

— Сочувствую. Но зато у тебя хорошая мать, — мужчина участливо посмотрел на Германа, — и вырастила хорошего сына.

— Мама смеётся, говорит: «Несмотря на то что тебя вырастили одни женщины, ты стал настоящим мужчиной», — и Герман замолчал. — Не подумайте, что я хвастаюсь. Это мама так говорит.

Мужчина улыбнулся.

— Я и не думаю. Давай знакомиться. Меня зовут Дубов Сергей Петрович.

— Очень приятно. А меня — Белявский Герман Александрович.

Они пожали друг другу руки.

— Белявский? — вдруг переспросил мужчина.

— Да. Я мамины фамилию и отчество ношу, — объяснял тихо Герман мужчине.

— Ну что ж, и фамилия хорошая, и отчество, — Сергей внимательно смотрел на парня. — А маму твою случайно не Мила зовут? — вдруг неожиданно для себя спросил.

— Мила. Эмилия. Когда мама родилась, дедушка хотел назвать её в честь бабули Людмилой, но бабуля говорит: не надо Людмилой (тем более все её Людой звали). Пусть бу-

дет Милочкой, а полное — Эмилия. Дед согласился — он бабушку очень любил.

— Твой дедушка умер, когда твоя мама ещё малая была, в начальных классах училась? — опять задал вопрос Дубов.

— Да, — Герман удивлённо посмотрел на мужчину. — А вы откуда знаете?

— Откуда знаю? — Дубов рассмеялся. — Так я одноклассник твоей мамы и друг детства. Мы соседи, и наши родители всю жизнь дружили. Тётю Клаву знаешь?

— Конечно, знаю. Она бабулина подруга и вообще близкий нам человек.

— Вот я и есть сын тёти Клавы.

— Очень приятно познакомиться с капитаном первого ранга. Тётя Клава о вас много рассказывает, когда к бабуле приходит.

— А мама здесь? — поинтересовался Дубов.

— Здесь, но она ночует с подругой в другом доме, — Герман охотно всё рассказывал маминому другу детства.

— У Таньки Бажановой, что ли? Они и в детстве друг у друга ночевали.

— Вы и тётю Таню знаете?

— Конечно. Мы же одноклассники. Крепко дружили раньше. У нас хорошая компания была, — Дубов мечтательно смотрел на море. Хорошие воспоминания порой греют душу, даже иногда могут отогреть самое холодное сердце.

— Нет, не у тёти Тани. Мама построила новый дом для бабушек, но они не хотят туда переезжать. Так мама сейчас там с тётей Леной ночует, они партнёры, и по совместительству тётя Лена — моя крёстная.

— Ясно, Герман. Пойдём, что ли. Уже поздно. Бабушки беспокоятся, наверное. И моя мама не ляжет, пока я не вернусь. Кстати, я с утра завтра собираюсь на рыбалку. В 05:00 буду у валуна. Хочешь, пойдём со мной.

— Я с удовольствием. Мне только к вечеру в шоу-рум. Ой, дядя Серёжа, а у меня ни удочки, ни спиннинга.

— У меня есть запасные, возьму и на твою долю. А «шоу-рум» что такое, Герман? Я человек военный, этих терминов не понимаю.

— Это магазин такой, дядя Серёжа, где будут продаваться мамины шубы. У нас ведь в Москве большая фабрика и магазины.

— Это хорошо, что ты с мамой вместе. Вот потихоньку и дошли. Мне немного выше.

— Я знаю, я в детстве к тёте Клаве часто ходил с бабушкой.

— Тёте Люде привет, баб Дусе тоже. Пока. До завтра.

— До завтра, дядя Серёжа, — и Герман радостно потопал в дом.

...Сергей тихонько, чтоб не шуметь, открыл дверь. Но мать не спала — вышла его встречать в прихожую.

— Серёжа, ты?

— Я, мама, кто ещё?

— Никто. Просто ждала тебя. Ужин на столе, уже и остыл. Пойду согрею. Что-то ты засиделся сегодня на своём валуне. Пошёл бы в город, погулял, развеялся.

— Я на море смотрю, мама. Скучаю.

— Чего скучаешь? Всю свою жизнь на море провёл.

— Ты знаешь, мама, — Серёжа вышел из ванной и появился на кухне, — парнишку встретил, поговорили. Хороший парень. И знаешь кто?

— И кто? — Клавдия насыпала ужин сыну и любовалась, с какой охоткой он ел — проголодался, видно.

— Сын Милы Белявской, моей одноклассницы.

— Герка? На валун пришёл? Он часто туда ходит, когда здесь бывает. Видать, сегодня приехал. Милка уже несколько дней как тут.

— Герман. Один был. Без Милы.

— Милка его Германом назвала, а тётя Дуся это имя ненавидит, Герой его зовёт. Ругается с Милой за это.

— Мальчик говорит, что фамилию носит Милкину. И такой расстроенный. Где ж её московский муж, отец ребёнка?

— Какой муж? Мужа и не было в помине. Когда в Москву поехала поступать в институт, так сразу и познакомилась с парнем, таким же абитуриентом, на подготовительных курсах. За этот месяц любовь и случилась. А когда Милка очухалась и поняла, что забрюхатела, его и след простыл. Не поступил и уехал в родной город. А Милка осталась в Москве, поступила, потом на заочный перевелась, Людку к себе вызвала, родила Герку. Люда полгода там была с ребёнком. А потом его вообще сюда привезла. Мальчик здесь и жил до самой школы. Милка приезжала, уезжала. Она институт окончила, стала заниматься бизнесом, раскрутилась. В этом плане она молодец.

— Так её муж так и не объявился?

— Какой муж, сынок? У неё отродясь мужа не было. А мы как мечтали вас поженить. Обе беременные ходили, как уточки, почти одновременно родили. Сначала ты, потом Мила. И у обоих у вас жизнь не заладилась.

— Почему это не заладилась, мать? У Милки сын вон молодец какой, у меня дочь, красавица моя.

— Ага. А где ваши мужья, жёны? Твоя, курва, гуляла, пока ты в поход ходил, жизнью рисковал, деньги зарабатывал. Одно место у неё чесалось. Шалава!

— Мама, ну хватит.

— Что «мама», сынок? Сам первый начал. А что ребёнку внушает: главное для девочки — вырасти привлекательной и удачно выйти замуж. Чему она научит её?

— Мама, дочке уже семнадцать лет, и в этом году она оканчивает школу. Пускай поступает, куда хочет, я ей помогу, — Сергей уткнулся в еду и замолчал.

Неудачи на любом поприще — это очень больно, а семейная жизнь — это главное дело нашей жизни, и когда она не заладилась — вдвойне больно.

— А у Милки сейчас хахаль какой-то есть, лет пять вместе живут. Моложе её, Герка его не любит, даже ушёл отдельно жить от матери. Они пару раз сюда приезжали, но тётя Дуся такое лицо ему выдала, что он и не показывается больше. Людка его называет «альфонс несчастный». В общем, что там говорить... и Милке не повезло.

...Герман спал как ребёнок после прогулки с Дубовым. Дурманящий запах сирени щекотал ему ноздри, разноцветные сны, которые он не запоминал, всегда сулили удачу. Он знал, что после этих снов день задастся, и ожидал от него чуда. Будильник сработал вовремя, и Гера тихонько выскочил из дома, боясь разбудить бабушек. На удивление они даже не проснулись, и радостный парень вприпрыжку побежал к валуну. Дядя Серёжа уже его ждал. Так началось их мужское развлечение и работа — ведь они добывали рыбу для своих женщин. Герман получал истинное удовольствие от общения с Дубовым. Его рассказы о море, о походах, о Питере завораживали парня. Сергею было видно, что Герману не хватает мужского общения, крепкой мужской руки. Гера же рассказал Дубову о работе, о маме, об открытии шоу-рума и обещал дать два пригласительных билета на банкет в честь открытия. Дубов рассмеялся:

— Нет, парень, два билета не нужно. С кем я приду? Мне не с кем.

— Открытие через несколько дней. Вдруг ваша жена приедет к тому времени.

— Да нет у меня жены, мы с ней разошлись. А дочь приедет только в августе — она сейчас в выпускном классе учится.

— Тогда придёте с тётей Клавой. Бабушка тоже будет.

— Хорошо, приду. И Милу увижу, и Таню.

— Как здорово. Будут гости из Москвы. Дядя Серёжа, а вы можете свою форму надеть капитанскую? Китель и всё остальное.

— Да нет, Герман. Зачем это? Я же уже пенсионер.

— Я вас очень прошу, это мне надо.

— Зачем тебе это, никак не пойму, но надену, раз так просишь.

— Спасибо большое. Вечером мы не сможем увидеться, но попозже я забегу и принесу пригласительные билеты.

— Гулять идёшь? — поинтересовался Сергей — ему хотелось вечером ещё раз встретиться с парнем.

— Нет. Какой гулять, что вы. Времени нет. Надо идти в торговый центр помочь с раскладкой, в пять репетиция манекенщиц — не до гулянок.

— Смотри там, не влюбись в красоток — на море легкомысленные девчонки живут.

— Я не влюбчивый. Мне уже 27 лет, но я ни разу не влюблялся по-настоящему.

— О, я вижу, ты твёрдый орешек, — Дубову всё больше нравился этот парень — серьёзный, умный, откровенный. «Хорошего сына вырастила Милка», — подумал он про себя, а вслух сказал: — Ну что ж, пока, буду ждать тебя с пригласительными и рассказами о модельках, — и Сергей усмехнулся.

Герман прибежал домой с двумя рыбинами в ведре, которые ему дал Дубов. Баба Люда уже хозяйничала во дворе — полола грядки и сажала рассаду под плёнку.

— Герочка, где ты был с утра пораньше? А я ещё смотрю — дверь входная открыта, думала, что забыла закрыть. Заглянула к тебе в комнату, а тебя нет. Небось на море побежал, с Сергеем договорился?

— Да. С дядей Серёжей рыбу ловил. Держи, бабуля, улов. Лобань.

— Ой, спасибо, кормилец ты наш! Ты — моя надежда. Нажарю, Мила с Еленой придут, поедят. Иди, перекуси на кухне.

— Хорошо, бабуля, а потом посплю немного.

Когда Герман пришёл в шоу-рум, там уже были все: и мама, и Елена, и тётя Таня, и много красоток. Женским вниманием Гера не был обделён и смазливых мордашек видел много, но местные девочки были вне конкуренции. Их красота была естественной, сочной, непосредственной. Девочки не жеманились, не кокетничали, и при этом несли себя как королевы. Четыре красотки дефилировали по подиуму в изделиях их фирмы, а Мила что-то им говорила. Елена вела беседу с продавцами-консультантами. Даша уселась на первый ряд и с открытым ртом разглядывала девушек. Герман направился к Тане, чтобы помочь ей с раскладкой изделий, ценниками и т. д. Работы было много.

— Тёть Таня, мне нужно два пригласительных на наше открытие и банкет. Остались ещё?

— Да. Есть. А для кого, если не секрет? Девочку нашёл себе?

— Да нет. Знакомому.

— А кому это? Я его знаю? Может, я уже дала билет.

— Нет, не дали. Кстати, вы его знаете — это ваш одноклассник, капитан первого ранга.

— Серёжке Дубову, что ли? Интересно, чего это он удумал пойти? На него не похоже.

— Это я уговорил. Пусть увидит, какие у нас прекрасные изделия.

Герман долго делал раскладку витрин, потом помог отпарить изделия. Как только освободились продавцы и прибежали на помощь Татьяне, он направился к подиуму,

плюхнулся в кресло рядом с Дашей и начал бесцеремонно разглядывать манекенщиц. Вдруг появилась мать, села рядом с ним, погладила его по голове, как в детстве, пригнула к себе и поцеловала в макушку.

— Я соскучилась по тебе, сынок.

— И я, мама.

— Что, девиц разглядываешь? Хорошенькие, правда?

— Хорошенькие, это да. Но я наши изделия смотрю.

— Ой, так я тебе и поверила! Девчонки все ещё школьницы, они не профессионалки.

— Видно, что молоденькие. А тебе не кажется, что наши изделия с перфорированным мехом надо снимать с производства? Они уже всем приелись.

— Не кажется. Пока пользуются спросом, надо шить. Тем более на юге они просто необходимы. Этот сезон будем шить, а там видно будет.

— Я тебе говорил о том, что Швейцария запустила новые скорняжные машины с компьютерным подбором шва?

— Говорил. Что ты решил насчёт этого? С Еленой обсуждали в Москве?

— Обсуждали. Осенью полечу в Швейцарию. В Россию эти машины не поставляют. Попробую на месте договориться.

— Какой ты у меня умный, сынок.

— Кстати, тебе привет большой.

— От кого?

— От твоего одноклассника Дубова, — и Герман, одним глазом наблюдая за подиумом, рассказал маме о своей встрече, о разговорах и ещё о многом. Как только девушки закончили репетировать, Мила подошла к ним, а следом и Герман. Он вызвался их проводить и предложил прогуляться по набережной. Положив пригласительные в планшетку, Герман догнал девушек. Он ещё этого не знал, но именно так состоялось знакомство с девушкой его мечты.

Поздно вечером все собрались у Людмилы Николаевны. Ели вкусную жареную рыбу, которую передал Серёжа Дубов, болтали обо всём. У Германа основной темой для разговора были только девушки-манекенщицы. Они все вместе гуляли очень долго, ели мороженое, катались, смеялись. Постепенно все девушки разошлись, осталась только одна. Её звали Анна, и она полностью поглотила внимание Германа. Мила слушала сына и удивлялась: «Вроде бы 27 лет, взрослый парень, образованный, умный, а рассказывает о девочке, как вчерашний школьник. Явно она ему сильно понравилась». Мила с Еленой переглянулась — мальчик влюбился, сразу видно. «Ну и хорошо, — подумала Мила, — наша девочка, местная, молоденькая, будет хорошим другом Герману». Это Милу успокоило.

— Мама, я побегу к дяде Серёже, пригласительные отдам. А не хотите со мной прогуляться до валуна?

— Нет, сынок. Завтра Платон с гостями приезжает с утра. Изделия привезут. Много дел. Мы в новый дом. Ляжем пораньше. Привет Серёжке от меня.

— Хорошо, — Герман попрощался и побежал к морю.

— Он с Серёжей подружился. Так о нём рассказывает восторженно, — Людмила Николаевна посмотрела на Милу, — и утром с ним на рыбалку ходил. Вон рыбу принёс.

— Мама, хоть Герман на вид здоровый дылда, но в душе ребёнок, мальчишка. А Серёжка военный, вот ему и интересно, — Мила пыталась успокоить мать, которая всё переживала, что парень без отца рос.

— До свидания, тётя Люда, мы пойдём, уже и Дашка носом клюёт. Спасибо за ужин, — Елена подхватила дочку на руки и понесла к машине.

— Мамуля, пока, к бабуле заходить не буду, она уже спит, — Мила чмокнула мать в щёку, и они уехали.

Глава 6

Утром я проснулась не от птичьего гвалта, который обычно доносится с моря, когда чайки и бакланы начинают перекличку, беседы и даже разборки — птицы в этом южном городе такие же темпераментные, как и люди. Я всегда сплю при открытом окне, но укрытая по самый нос тёплым одеялом. Вчера я поздно засиделась за компьютером — пыталась закончить небольшую повесть, но мысли разбредались в разные стороны, каждая строчка писалась с трудом. Иногда так бывает у нас, начинающих писателей (не побоюсь назвать себя таким громким словом — да, от скромности я точно не умру). Я — Элла Глебовна Златогорская. В этом городе я живу уже почти год, а именно в этом прекрасном доме почти полгода, и покидать его не собираюсь. Мне его арендовали сыновья. Место удивительное. Окна моей спальни и одновременно кабинета выходят на веранду, которая обрамляет второй этаж дома, и открыты всегда, так что море плещется буквально в нескольких метрах от меня. Ну, это я немного преувеличиваю, что мне свойственно, но создаётся такое впечатление. Дома-коттеджи с их задней, не парадной стороны отделяет от моря велосипедная дорожка, парапет — и вот он, золотой песок вперемежку с галькой, лежаки, зонты и водичка. Всё это чудо принадлежит посёлку, в котором пока только двадцать домов, и в одном из них живу я. Вечером ко мне на несколько дней приедет подруга Карина со своим другом. А пока я решила поспать всласть, но мне это не удалось, так как снаружи раздавались громкие весёлые молодые голоса.

Пришлось встать и топать на веранду. Никто не купался, на море штиль, и даже чайки не кричат, приветствуя друг друга. Завернув за угол дома (веранда вкруговую окружает здание), я увидела соседний двор и много молодых людей, которые, видно, только приехали. Они рассматривали двор, беседовали, катались на качелях. В общем, вели себя так, как и свойственно людям их возраста. Женщина из соседнего хутора, которая обеспечивает молочными продуктами всех жителей посёлка, говорила мне, что приехала хозяйка — известная кутюрье по меху — и отдыхает здесь со своей подругой и ребёнком. Эту информацию ей поведала Вера, которая смотрит за домом и помогает хозяйке. Видно, сейчас ещё гостей прибыло. Завтра открытие курортного сезона, день города и много других мероприятий, приуроченных к этому празднику.

Я настолько привыкла к тишине, что этот небольшой шум начал меня раздражать. Совсем стала балованная, забыла о годах, когда мы жили в тесноте. К хорошему привыкаешь быстро. Но надо встать, позавтракать — и на рынок: вечером у меня гости. Надо что-нибудь вкусненькое приготовить. Нас будет четверо. Четвёртым будет мой сосед, полковник ещё советской армии, который и нашёл мне этот чудный коттедж. С ним мы познакомились благодаря Золотарёвой Людмиле Семёновне, при этом я подозреваю, что у неё был умысел. Полковник — давний друг и сослуживец её мужа. Дети купили ему в Морегорске дом, а свою квартиру в Москве он оставил дочери. Полковник уже много лет вдовец, и Людмила Семёновна решила соединить нас. Но, как говорится, браки происходят на небесах. Человек он очень хороший, однако я свою жизнь ни с кем не собираюсь соединять, хотя, как мне сказала по секрету Людмила Семёновна, полковник надежды не теряет. Ну что ж, надежда умирает последней. На сегодняшний

ужин я решила и полковника пригласить. Вернее, на этом настаивала Карина. Аргументы у неё были железные: во-первых, Валере неудобно одному с нами сидеть — я с ним ещё не знакома, только заочно, а во-вторых, Карина хочет оценить моего поклонника. Как бы там ни было, но я позвонила и пригласила его.

К слову, Золотарёва Людмила Семёновна — это мама моего вновь приобретённого молодого друга, майора Золотарёва Александра Сергеевича. Когда мы с ним познакомились, он ещё был капитаном, но его профессиональные качества и талант сыщика быстро позволили ему подняться по служебной лестнице. Он расследовал насильственную смерть дочери хозяев дома, где я с младшим сыном жила в то время. Золотарёв говорит, что моя помощь очень ему пригодилась (всё это я описала в своей первой книге «Тени прошлого, или Синхронизация жизни»). Так мы и подружились с Александром Сергеевичем и его родителями.

Я не верю, что существует какая-та норма соответствия людей. Люди такие, какие они есть, и не надо отвечать чужим ожиданиям. Не надо делать себе же хуже и перекраивать себя, свой характер и душу. К счастью, меня всегда окружали люди, которые не изменяли своей сущности, не переиначивали себя. Как говорится, не плясали под чужую дудку. Такими и были мои новые морегорские друзья, которых я искренне полюбила. Я теперь общаюсь только с теми, кому симпатизирую.

Карина сообщила, что они уже выехали на машине и через несколько часов будут у меня. Я ждала их к позднему обеду и быстро взялась за готовку. Это я люблю и умею делать. Уже кипело мясо на зелёный борщ и варилась рыба на уху. Не зная, что любит Валера, я решила его побаловать. Свою подругу я прекрасно знаю — она вечно сидит на диетах, — только никак не пойму, зачем ей худеть, она и так тощая, как сельдь каспий-

ская (так любила говорить моя бабушка). Голубцы я приготовила разноцветные, благо фарш у меня был, и даже курочку запекла в духовке. Свежую зелень, шикарные пахучие азербайджанские помидоры, фрукты и овощи три раза в неделю нам привозит мужчина (оказывается, он азербайджанец — я это сразу поняла, я же бакинка). У этого азербайджанца всегда свежайшие овощи и фрукты, и мы с удовольствие покупаем у него и на базар за этим не ездим. Я вспомнила, как раньше в Баку по улицам ходили молодые мужчины и кричали: «Зелень, зелень!», и хозяйки выбегали к ним, копошились в пучках, выбирая самые лучшие кинзу и рейган, тархун и шпинат. А мама посылала меня с наставлениями, и я выбирала, нюхала, чмокала, как взрослая женщина, а соседки беззлобно посмеивались, глядя на меня. И помогали мне выбрать получше, чтоб мама или, не дай бог, бабушка не заругали.

Стол я решила накрыть в столовой. Всё чин чинарём, как и положено, когда встречаешь дорогих гостей.

Валера быстро сориентировался в городе и по навигатору нашёл дом. Я их встретила у ворот. Пока Валера загонял машину во двор, закрывал ворота, заносил вещи в дом, мы с Каринкой обнимались, целовались, болтали — уж очень соскучились друг по другу. Мы уже сели за стол, и Валера размышлял, с чего бы начать трапезу, как появился мой поклонник — господин полковник (так я его шутя дразнила, а он искренне возмущался и поучал меня: «Товарищ я, товарищ подполковник, а вам, Эллочка, я — друг»). Я познакомила всех между собой, Валера принял бутылку хорошего виски из рук полковника и стал разливать мужикам. Я с Кариной пила домашнее вино, которое иногда приносил полковник из своих запасов. Давно я так хорошо не сидела, и даже полковник меня не раздражал. Он вёл себя так цивильно, что я поразилась: никаких бравых словечек и командного тона.

— Элка, — Карина сразу меня атаковала, как только мы вышли на большую веранду, — ты чего кочевряжишься? Хороший мужик, берём.

— Ой, Карина, ты же знаешь, никто мне не нужен, не уживусь я ни с кем.

— Ещё как уживёшься! Ты хорошая, просто так тебе кажется, — завелась Карина. Ей всё хотелось устроить мою личную жизнь. — И живёт один, да ещё и в таком доме огромном. А твои дети для тебя снимают, денег кучу платят.

— К полковнику летом дети, внуки приезжают, но дело не в этом. Я привыкла одна, ты же знаешь, Кариша.

— Хорошо. Временно отстану от тебя, — Карина прошлась вдоль всей террасы второго этажа. — Суматоха какая-то у твоих соседей справа. А слева — тишина.

— Слева никто не живёт, тихо всё время. Через дом — полковника хоромы. А справа сегодня гости понаехали, вот и суета. Завтра же открытие курортного сезона и день города. Так что будем гулять, глазеть на всех. На людей посмотрим, себя покажем.

Мы с Кариной стали вспоминать наше знакомство, трудный период нашей жизни, когда я с семьёй переехала из любимого Баку сначала на Северный Кавказ, потом в Москву. А она из Абхазии, из Гагр. Память — страшный нестираемый документ, и тяжёлые дни особенно сильно сохраняются в этом документе, как будто скреплённые печатью жизни. Наши воспоминания прервали мужчины, которые принесли нам бокалы. Мы любовались морем, слушали его мелодию жизни, доносившуюся до нас, и наслаждались его неповторимым запахом.

Город сиял, как начищенный медный самовар. Море людей гуляло по Морегорску (могу же я выдать каламбур!). Мы тоже решили не отставать от масс и выдвинулись на

променад. Я с Кариной шла впереди, мужчины плелись сзади нас. Они пытались присесть в каждом кафе, чтоб освежиться, но побаивались наших окриков.

— Господин полковник, — начала опять я свою песенку, — ну дайте хоть до театра дойти! Там представление начинается, московские звёзды приехали.

— Эллочка, я что? Я ничего! Я полностью в вашем распоряжении, командуйте, пожалуйста, — бубнил полковник.

Карина сдержанно хихикала.

Театр в Морегорске старинный, ещё дореволюционный, построенный императором Николаем — он любил здесь отдыхать. Здание театра сохранилось, война его пощадила, только при советской власти его отреставрировали, поменяли кресла в зале, занавес. А в основном оно сохранило своё очарование и неповторимость. При театре был шикарный ресторан, который и по сей день пользовался популярностью. Классическое меню и великолепные музыканты привлекали и гостей, и хозяев города.

На театральной площади установили амфитеатром кресла для зрителей и хорошо оборудованную сцену. Мы немного запоздали и речь мэра и какого-то председателя фракции Госдумы из Москвы пропустили, но зато успели увидеть незамысловатые па и знаменитый шпагат приглашённой столичной балерины. Из обрывков речей зевак я поняла, что страх сколько денег отвалили этой балерине. Да уж, мэр постарался. Полковник сообщил, что тот намерен перебраться в Москву и сейчас планирует предвыборную кампанию по выборам в Госдуму по нашему округу. Полковник знал все политические и спортивные новости не только нашего города, но и всей страны, ему вполне можно было верить. Нам издалека было плохо видно телодвижения балерины, зато, когда мы решили покинуть наши насиженные и с трудом найденные места, чуть не попадали со стульев от страха —

раздалась громогласная музыка. Это неожиданно начал выступать военный ансамбль, и ударили в тарелки со всей дури так, что задрожали микрофоны, а мы с Каринкой заорали. Наши мужики стали ржать как боевые кони. Мы с подругой решили на них обидеться и ушли вперёд. Они нас еле догнали, при этом всё пытались оправдаться, что смеялись не над нами, а над оркестрантами. Тут мы увидели огромную толпу народа, стоящего у современного многоэтажного здания. Карина, задрав голову, прочла:

— «Полёт мечты». А что это, Элла?

— О, сегодня открытие торгового центра, суперсовременного, — мне наша молочница говорила.

— А молочница откуда знает? У вас тут молочницы крутые, — усмехнулась Карина.

— Конечно, крутые. Не хухры-мухры, как в вашем Витязево, — огрызнулась я.

— Блин, Эллочка, тебе же нравилось Витязево.

— Мне и сейчас нравится. Я пошутила. Не парься, Кариша. А молочница знает, потому что ей Вера сказала — домработница с соседнего дома. Её хозяйка здесь большой шоурум открыла меховой.

И в самом деле открытие было грандиозным: разрезали ленту и всё такое. Среди людей, стоящих на подмостках, мы увидели и знакомые лица — людей, которые крутились в соседнем дворе. Как только распахнулись двери, народ хлынул сразу на верхние этажи, где бесплатно раздавали сэндвичи и колу. Наши мужчины тоже решили пойти туда, договорились встретиться внизу. Мы же с Кариной отправились гулять по первому этажу и решили заглянуть в меховой центр. Мужчин наших бесплатная кола совершенно не интересовала, они в ресторан ринулись, чтоб что-нибудь погорячительнее принять на грудь. Карина пыталась было ринуться за ними, но я её успокоила тем, что знаю нрав полковника, и в его

компании Валере не удастся выпить лишку. Бóльшую половину зала первого этажа занимал шоу-рум «Царство меха». Он был великолепен, сиял никелем и стеклом, изделия выглядели изумительно, тихо пела молодая певица какой-то блюз, подавали шампанское. Нам даже удалось найти место перед подиумом, где молоденькие модели демонстрировали меха. Обстановка была аристократическая, каждая женщина чувствовала себя королевой, а мужчина — богачом. Лицо певицы мне показалось знакомым, но я никак не могла припомнить, где её видела. Карина вдруг вскрикнула, я даже подпрыгнула от этого:

— Что случилось? Я испугалась!

— Я вспомнила эту девицу. Она на шоу талантов выступала, я её по телевизору видела.

— Что, победила?

— Нет. Только в полуфинал вышла. И вчера она тусовалась во дворе твоей соседки, даже тискалась в уголке с каким-то парнем симпатичным. Точно она, я не ошибаюсь.

— Наверное, Эмилия пригласила.

— А Эмилия кто?

— Хозяйка шоу-рума этого. Королева меха.

— Ты её знаешь?

— Нет. Так, Вера мне сказала, её домработница.

В это время, взяв микрофон из рук певицы, молодая женщина в форменной одежде и с бейджиком на груди объявила:

— А теперь, дорогие гости, я хочу передать слово хозяйке этого великолепия — Эмилии Александровне Белявской.

Молодые манекенщицы ушли за сцену, а на подиуме появилась очень стильная молодая женщина. Ей передали микрофон, и она попросила подняться ещё двух женщин.

— Во-первых, я не хозяйка, а основатель этого дела, и я не одна всё делала, а вместе со своей лучшей подругой и партнёром Еленой Сотниковой. Мы начинали это дело

с азов, со скорняжки в прямом смысле слова. Сразу после школы мы пошли работать в шубный цех и поэтапно всё изучили. Это было давно, в Балашихе, в Подмосковье. Там же мы и поступили в пушномеховой институт. Так и пошли вместе по жизни. А вот эта девушка, — и Мила показала рукой на Таню Бажанову, — моя одноклассница и подруга детства, и это её идея открыть шоу-рум в нашем родном городе. Я — уроженка Морегорска, здесь живут мои мама и бабушка. Татьяна Бажанова — директор нашего магазина. Многие из вас её знают, можете к ней обращаться по любым вопросам. Скоро у нас в шоу-руме начнут работать представители банков по кредитованию, потому вы сможете взять любое изделие в кредит. Наши меха куплены на самых дорогих пушных аукционах мира, сшиты с любовью, а главное, профессионально.

Потом Мила передала микрофон Елене. Та рассказала об ателье, которое будет работать при шоу-руме, о заказах, об аксессуарах меховых, сшитых известным московским модельером, о показах новых коллекций их фирмы. Татьяна Бажанова поблагодарила всех присутствующих за проявленный интерес, сказала, что сейчас будет ещё один показ, а потом они с удовольствием приглашают всех в холл на фуршет, где гостей будут развлекать молодые финалисты известного телевизионного шоу.

Я всё время наблюдала за молодым человеком, который явно ухаживал за юной певицей, во всяком случае, проявлял к ней неподдельный интерес. Похоже, это их Карина видела во дворе соседского дома. А королева меха и её подруги мне очень понравились. В Эмилии не было ни капли фальши, это было заметно невооружённым глазом. Провинциальная девочка добилась таких значительных успехов и тянет на себе всю семью. Правильно говорят: если в коробку положить алмаз, она станет шкатулкой, а если огрызок, то она

станет урной. Люди, у которых есть всё, — ущербные люди, по-своему жалкие, по крайней мере, те, кому красивая богатая жизнь досталась по праву рождения, так сказать, те, что родились с золотой ложкой во рту. К сожалению, у них нет ни цели, ни стремления стать лучше, умнее, образованнее. Не у всех, но у большинства.

А Мила поехала в Москву (так называемую коробку) и сделала её своей шкатулкой, потому что сама — алмаз. Москва заблестела для неё всеми гранями только потому, что Мила приложила массу усилий к этому.

Тут объявились наши мужчины. По ним было видно, что ели они мало — больше пили. Карина засуетилась, она очень переживала за Валеру: в прошлом он был большой любитель заложить за воротник, и только встреча с Кариной поменяла его взгляды на это дело. Решили пойти к морю, прогуляться. Может, свежий морской ветер освежит наших мужчин, а то, к величайшему ужасу Каришки, у Валеры стал язык заплетаться, а полковник взялся размахивать руками и орать, как армейский прапорщик. Мы, посмеиваясь и уговаривая мужчин угомониться, тихо направились в сторону набережной.

Глава 7

Весь первый ряд перед подиумом был занят Милой и её компанией. Бабуля осталась дома, хоть и настаивала, чтоб дочь её взяла с собой. Людмила Николаевна сопротивлялась как могла, Клавдия её поддержала, и старая женщина наконец угомонилась, вкусно поела и уселась перед телевизором. Герман обещал всё снять на видео и показать ей.

Мила сидела рядом с матерью, Елена — с Дашулей. С другой стороны от мамы устроилась тётя Клава и Серёжа Дубов. Они о чём-то оживлённо беседовали с Германом. Семья Татьяны расположилась рядом с Еленой. Мила поначалу очень удивилась, когда увидела красивого статного военного в форме морского капитана, пришедшего с тётей Клавой. При их появлении Герман сразу же бросился им навстречу, крепко пожал руку мужчине и потрогал его медали. Вдруг Миле стало плохо, кольнуло где-то в груди. Такая реакция Германа на мужчин всегда её ранила: было жалко и сына, и себя. Платона Герман вообще не воспринимал, хотя тот и пытался наладить с ним дружеские отношения. Всё же Мила надеялась, что Герман повзрослел и перерос эти поиски отца в каждом мужчине. Оказывается, нет. Самое главное наше заблуждение заключается в том, что мы думаем: с возрастом все должны поумнеть, повзрослеть, помудреть. А её маленький Герман так и остался малышом, ждущим своего папу.

И только когда Танька Бажанова подошла к капитану, начала его обнимать и теребить, а он смущаться, Мила, наблю-

давшая издалека, поняла, что это её одноклассник Серёжка Дубов. Кто ж ещё с тётей Клавой придёт?

Герман поискал её глазами, а потом стал махать руками, как семафор, так что Мила вынуждена была подойти к ним. Серёжка, её друг детства, обычный мужик, вдруг стал прекрасным принцем из современной сказки, где побеждает добро и умение — по крайней мере, по рассказам Германа выходило так. Сейчас Серёжу окружала аура недоступности и странного обаяния... или форма так оттеняла его.

— Здравствуй, Серёжа! Я тебя не узнала, — Мила протянула ему руку.

— И я тебя, если б Герман не показал, — и Серёжа уверенно пожал её руку.

— Мама, вы же друзья детства, обнимитесь, — восторженно говорил Герман.

— Потом, сынок, не на глазах у всех, — Мила остудила пыл своего сына. — Неудобно как-то сейчас. Потом мы и обнимемся, и поговорим. Правда, Серёжа?

— Конечно, Милочка, — Серёжа с интересом её разглядывал.

— А теперь, сынок, проведи Сергея на его место.

И Мила поспешно удалилась в свой кабинет. Татьяна оборудовала очень уютное помещение, где можно и гостей принять, и свои мысли в порядок привести.

А мысли у Милы в голове скакали, как необузданные лошадки, играли в прятки, как шаловливые детишки, и гоняли шарики за ролики, как начинающие футболисты. Мила присела. Выпила стакан воды, достала сигарету и закурила. Серёжка очень изменился, она помнила его угловатым мальчишкой, который казался старше своих лет, но всё равно её память рисовала семнадцатилетнего мальчика, который был в неё безумно влюблён, ходил за нею, когда она разрешала. Даже, уже на выпускном, с ним переспала, пару раз, для интереса.

У Милы на тот момент уже был мужчина. О нём никто не знал, это была только их тайна. Господи, даже под дулом пистолета она никому бы не рассказала о нём. Он ей объяснил, чем ему это грозит: ей ещё нет восемнадцати лет, он на десять лет её старше, и это уголовная статья. Тогда она ждала своего восемнадцатилетия (в октябре должно было исполниться), чтобы они могли соединиться. У него была жена и ребёнок, но это Милу не останавливало: он разведётся, и они будут вместе. Она была уверенна в чувствах своего возлюбленного: он говорил такие сладкие слова, был её первым мужчиной и мечтой всех девочек их школы, а выбрал её.

В.В.В. — так называли его девочки. Он был тренером в их детской спортивной школе и вёл уроки физкультуры у них в школе у старшеклассников. Мила влюбилась в него по уши, бесповоротно. В женщинах их семьи был заложен ген любви и ей он передался по наследству. В.В.В. стал её мечтой, а благодаря мечте мы и живём. К ней не бывает лёгких путей — надо искать тропинки. Мила буквально атаковала его: она преследовала, смотрела на него глазами испуганной лани, которая ждёт приговора от охотника, и он сдался. Он тоже был мальчишка — всего 27 лет, столько же, сколько сейчас её сыну Герману. В.В.В. воспылал к ней чувствами, и когда у них произошло всё это в первый раз на грязных матах спортзала, он ужаснулся. Он просто струсил — она была девственницей, а он женатый человек, отец маленького мальчика... Он не знал, как себя вести. Зато Мила повела себя по-взрослому. Она ему объяснила, что она никому ничего не должна, что вольна исследовать этот мир теми методами, какие ей нравятся. Уверила его, что никто ничего не узнает, что она будет ждать его и примет любое его решение, каким бы оно ни было. В.В.В. поразился воле и целеустремлённости этой девочки, она даже повернула его жизнь в другое русло.

— Ты сам распоряжаешься своей жизнью, — поучала его эта малышка, — и должен самостоятельно выбирать направление, а не плыть по течению. Всё зависит только от тебя. И если тебе не нравится тренерская работа, то что ты здесь делаешь? Иди туда, где тебе будет интересно и где ты достигнешь успехов. Я уеду в Москву, отучусь, освою то, о чём мечтаю. Не знаю, откуда у меня взялась эта мечта, но я одену наших женщин в меха, и ты обо мне ещё услышишь, — Мила рассказывала ему с такой уверенностью, что он тоже поверил в её мечту.

Эта девочка подняла его самооценку, дала ему толчок, тот самый волшебный пендель, который порой меняет траекторию жизни. Он верил своим словам: что он разведётся с женой, приедет к ней в Москву, и они вместе заживут, как короли этого мира... И Мила стала королевой — королевой меха, но без короля, зато у неё появился маленький принц. А В.В.В. так и остался её мечтой, а мечта не сорняк, её нельзя выдернуть бесследно — крохотный росток всё равно остаётся. И этот росток долго жил в её сердце, пока не сгнил: его просто перестали поливать, не до него было, много других забот навалилось. И обо всём этом знал только один человек — Лена Сотникова, с которой Мила познакомилась в первый день пребывания в Москве и которая до сих пор является её другом, партнёром, сестрой. Для матери Мила придумала легенду. А Серёжа — это просто недоразумение. Они все хорошо выпили на выпускном, пошли на косу, на море, встречать рассвет, и там между скалами, в укромном местечке, у них всё и произошло. Серёжка был очень пылок и настойчив. Никаких чувств она к нему не питала, это было исключено. Ни в какое сравнение он не шёл с её В.В.В. Это был просто секс под градусом на пляже. Всё вышло неуклюже, неинтересно и даже противно. Только чего это Герман так привязался Сергею? Может, зов крови? Она поделилась

своими сомнениями с Еленой. Скрупулёзно всё подсчитав, женщины пришли к выводу, что не он. В.В.В. — вот кто отец Германа. Мила это знала и чувствовала, как любая любящая женщина. Привязанность сына Мила объясняла только одним: отсутствием рядом с сыном настоящего мужчины. Платон в счёт не шёл, он никогда не был для Германа авторитетом. На том они с Леной и порешили.

...Лена — вот кто её отдушина, вот кто её главный советчик. Они познакомились у дверей приёмной комиссии, когда сдавали документы в пушномеховой институт. Для Милы меха были мечтой, а для Лены — источником обогащения. На месячных подготовительных курсах они поселились в одной комнате в общаге. Их было четыре девочки из разных концов страны, две из них поступили в институт, а две — нет. И ими оказались Лена и Мила. Лена просто завалила математику, и всё тут. Она приехала из небольшого посёлка Ставропольского края, где почти всё население шило шапки из нутрии и ондатры, а некоторые и шубы. Кто-то занимался этим в одиночку, у кого-то был семейный подряд, а кто-то нанимал людей, создавал кооперативы. Вот именно последние и являлись примером для Лены, и сосед-кооперативщик подсказал ей идею об институте и больших перспективах на будущее. Лена ухватилась за это и приехала в Москву.

— Ни за какие коврижки не поеду назад домой, буду здесь с голоду умирать, но поступлю на следующий год, вот увидишь, — говорила она Миле, убеждая саму себя.

А Мила отравилась перед последним экзаменом, рвала всю ночь и наутро еле дышала, потому элементарно проспала экзамен — сил встать у неё не было.

— Я тоже домой не поеду. Не хочу. Буду на следующий год поступать, — дрожащим голосом поддакивала подруге Милка. — Как я маме скажу, что экзамен проспала? — и из

Милкиных огромных глаз брызнули слёзы. — Мама хотела, чтоб я в мединститут поступала. И она, и бабушка — медсестрички, их все любят и уважают в городе. А я заладила: «Меха, меха». Всё равно я поступлю.

— Да уж, — протяжно вздохнула Лена. — Надо искать работу — нас с общаги попрут к первому сентября.

Но работа их нашла сама. У института набирал девушек, которые не поступили, в свой скорняжный цех какой-то дядька. У Лены был определённый опыт работы на скорняжной машинке, а у Милы — на швейной, и у обеих — огромное желание учиться и зарабатывать. Девяностые годы были не только лихими, но и многообещающими для тех, кто мог мечтать. Дядька их повёл к себе домой, где организовал подпольный цех. Он сразу предупредил девчонок об ответственности и том, что рот надо держать на замке. В двух комнатах и подвале всё было устроено умно, организованно, продуманно. Лену сразу посадили за скорняжную машину. Дядька проверил её умение, убедился, что она легкообучаема и моментально всё усваивает, после чего сказал, что она будет пока собирать на скорняжке куски мутона. Лена вопросительно посмотрела на него.

— Мутон — это та же самая цигейка, или овчина. По-научному так называется. Лариса Михайловна, — крикнул дядька куда-то вглубь дома, — подойти сюда, дорогая.

К ним вышла приятная женщина лет пятидесяти, немного уставшая, но видно, что работа ей нравится.

— Что, девочки, провалились? — весело спросила она.

Девчонки удручённо закивали.

— Ничего, на следующий год поступите, я за вас замолвлю словечко. Те девочки, на чьё место взял вас Василий Иванович, тоже в первый год завалили экзамены, а сейчас поступили.

— Лариса Михайловна преподаёт в вашем институте и у меня работает. Она модельер-конструктор высшего класса и технолог от бога. Мех любит и чувствует.

— Ой, как я! — воскликнула Мила, а потом немного смутилась.

— Ну что ж, посмотрим, — слегка улыбнулась Лариса Михайловна и начала с ними беседу.

С общаги девочек попёрли, и Лариса Михайловна нашла им квартиру недалеко от дома Василия Ивановича. Они сняли маленький флигелёк у старушки Семёновны за мизерную плату, но при этом должны были помогать бабульке по хозяйству. Девочки много чему научились у Ларисы Ивановны. В этом цеху шился только мутон и нутрия, о норке тогда никто и не заговаривал. Иногда появлялся и лисопёс или даже настоящий песец, который шёл на воротники. Полушубки были тяжёлые, громоздкие, а шубы тем более. Выделка шкур производилась кустарная, домашняя — этим занимались Василий Иванович с сыном. А жена выносила всё на воскресную ярмарку на продажу и возила в Москву на Лужники, предлагала перекупщикам. Девочки научились многому: и комплектации меха, и набивке, и скорняжке, и посадке. Но для конструирования необходимо было больше знаний. Начинать всё надо с азов, как говорила Лариса Михайловна, а у них были поверхностные навыки.

Через месяц Мила поняла, что беременна. Скорее Лена это смекнула и втолковала подруге. Мила запаниковала: в октябре у неё восемнадцатилетие, и мама хотела приехать. В.В.В. так и не объявился. Она даже осмелилась позвонить в школу, но ей сказали, что он там больше не работает, то же самое сообщили и в спортивной школе. Дома у него телефона не было, а писать «на деревню дедушке» она не решалась. Мила поняла, что она ему совершенно не нужна,

и кляла себя за свою первую любовь, за потерянную невинность и, главное, за последствия, о которых она и не подумала. Она корила себя как могла, но разве можно упрекать любовь? Объект любви можно, но саму любовь — это эфемерное чувство, которое заполняет каждую твою клеточку, — нельзя ни в чём упрекнуть, оно приходит независимо от твоего желания. Это событие в жизни каждого человека, а события нам не подвластны — лишь отношение к ним. Ради объекта любви человек готов скомкать свою жизнь, растоптать и принести в жертву. Это любовь. Но Лена видела лишь один вариант — аборт.

— Ты понимаешь, что твой В.В.В. — просто законченный бабник! Трахнул молоденькую девчонку и смылся. Ты не справишься здесь с ребёнком одна, надо ехать домой тогда.

Мила всё рассказала Лене, всё, кроме того, что она по пьяни на выпускном пару раз занялась сексом со своим одноклассником. Но этот секс она не считала серьёзным: он неумёха, она нетрезвая — глупость, да и только.

— Всё расскажем Ларисе Михайловне. Она найдёт врача, сделаешь аборт. Делов-то — на пять копеек, — продолжала её уговаривать Лена. — Жизнь себе испортишь, Мила.

— Нет, Лена. Я должна переварить эту мысль о ребёнке. Мне нужно подумать об этом, так что пока никому ничего не говорим. Для мамы придумаем другую версию. Поклянись, что никому ничего не расскажешь.

И девушки, как в настоящих романах о вечной дружбе, поклялись друг другу на крови.

Сейчас, вспоминая всё это, этот их юношеский максимализм, Милка всё время подхихикивает, а у Ленки наворачиваются слёзы на глаза. Прошло почти тридцать лет, что они только ни пережили, а дружбу свою сохранили. Это судьба зарифмовала быть им вместе по жизни, а от судьбы не уйдёшь, не сбежишь никуда.

«Судьбу не обманешь. Это решение твоего ангела», — любила говорить бабушка Милы. А Мила считала, что если человек сам не в состоянии строить свою судьбу, то он просто одноклеточное. Какой ориентир привьют человеку сызмальства, по такому он в основном и действует. Дети очень наблюдательны и поступают так, как их родители. А Мила помнит, как папа каждую пичужку побитую, каждого котёнка блохастого в дом приносил и говорил, что это — тварь божья; как бабушка упрекала маму, что она больше не родила, а детей в доме должно быть много; как мать всегда оправдывалась, что, мол, не получилось, но Мила обязательно родит много детишек, и желательно мальчиков. И сейчас сделать аборт, как говорит Лена, — значит убить ребёнка, и потом, есть вероятность, что она никогда не родит.

Мила решила рассказать всё матери и услышать её вердикт. Они придумали очень трогательную историю, легенду об отце ребёнка проработали до основания. Подруги всё делали основательно. Мама приехала в середине октября, ровно в день Милкиного рождения. Навезла кучу всяких вкусностей, банки с домашним вареньем и соленьями, копчёных куриц и вяленой рыбы, фруктов и овощей. Как она всё это таскала — одному богу известно. В тот день они с Ленкой отпросились у Ларисы Михайловны и поехали на Курский вокзал встречать Людмилу Николаевну. Время было трудное, не поддавалось никакому определению, так что поезда опаздывали на несколько часов, но девочки дождались состава, встретили Милину маму и, еле-еле таская эти тяжести, несколькими видами общественного транспорта доехали домой в Балашиху. Пока Мила с мамой разбирала гостинцы, Лена побежала на работу. Через несколько часов она явилась с громадным букетом чёрных роз для Милки.

— Лена, спасибо, мои самые любимые, чёрные «нарита»! Как ты их нашла?

— Лариса Михайловна подсказала, у кого взять. У них теплицы, растёт много роз и тюльпанов, можно прийти, выбрать и срезать, — радостно сообщила Ленка.

— А деньги? У нас же деньги кончились!

— У Василия Ивановича аванс взяла, сказала, что к тебе мама приехала, что у тебя сегодня день рождения. Он разрешил тебе завтра не выходить на работу.

— Вот спасибо, Леночка, побудем целый день с Милочкой, по Москве погуляем, на Красную площадь пойдём. Да, Милочка? — обрадовалась Людмила Николаевна.

— Конечно, мама, — грустно ответила Мила. Обсудив с Леной ситуацию, она решила сама всё рассказать матери, на следующий день.

Людмила Николаевна накрыла стол, он ломился от разных блюд. У девочек потекли слюнки — они ограничивали себя во многом: работа шла не очень хорошо, изделий скопилась уйма, но реализация была на нуле. Эту сторону своего бизнеса Василий Иванович плохо продумал.

— Леночка, пойди, детка, позови бабушку, у которой вы флигелёк снимаете. Надо обязательно пригласить.

Уже и шампанское открыли, и есть заканчивали, когда Людмила Николаевна вспомнила:

— Ой, Милочка, я про подарок забыла совсем! Вот бестолковая стала! Старею, что ли?

— Какая же ты старая, Николаевна, — прошамкала старушка-хозяйка, — это мне уже на покой надо.

Людмила Николаевна, как волшебник, достала из своей дамской сумочки ярко-красную бархатную коробочку, а там изумительный комплект из аметиста — серёжки и колечко.

— Вот, примерь, доченька, это от нас с бабушкой на твой день рождения.

Вдруг Мила расплакалась, за ней стала рыдать Лена, у Людмилы Николаевны тоже потекли слёзы. Старушка удивлённо на них смотрела.

— Чего ревёте, дурёхи, радоваться надо. У тебя, Николаевна, хорошие девочки, работящие, мне помогают, парней не водят, учебники какие-то учат. Ты не переживай, я за ними приглядываю.

— Спасибо вам большое, — с чувством сквозь слёзы произнесла Людмила Николаевна.

— Лена, пойдём со мной, — скомандовала бабулька, — матрас возьмёшь и подушку. Ты на пол ложись, а Николаевна с дочкой — на диван, как вы обычно спите.

Утром Лена ушла на работу, а Мила с мамой уехала в город. Не знала Мила, когда приступить к разговору — боялась говорить маме правду про беременность, но и не говорить нельзя: мама приехала всего на три дня. Решилась открыться дома. Начала издалека. Ещё в автобусе, пока они ехали из Москвы в Балашиху, она рассказала, с каким замечательным парнем из Сибири она познакомилась, как он тоже любит мех и разбирается в нём, как он много чего интересного ей рассказал о пушных зверях, и теперь она знает и о песце, и о соболе, и о кунице, и о горностае. Но, к сожалению, его срезали на первом же экзамене, и он уехал домой.

— Ничего, Милочка, не переживай, на следующий год приедет поступать. Вы же переписываетесь? Если это настоящая любовь, то вы будете вместе, — утешала дочь Людмила Николаевна.

— Нет, мама, мы не переписываемся. Я его адреса не знаю. А он должен был мне писать на адрес общаги. Но я ни одного письма не получила, хоть всех там предупредила.

— Доча, так можно ведь пойти в приёмную комиссию, попросить его адрес.

— Мама, я даже не знаю его фамилию, — вдруг расплакалась Мила. Не от своего вранья она плакала, а от того, что вынуждена говорить неправду самому близкому человеку.

— Найдётся он, детка, найдётся. Если любит, то отыщет тебя.

Уже дома Мила решилась и рассказала маме о своей беременности. Всё поплыло перед глазами у Людмилы Николаевны, её мир рухнул, она просто растерялась: её молоденькая дочь беременна неизвестно от кого. И что говорить и делать в этом случае, Людмила не знала. Не возраст делает человека мудрее, а исключительно опыт, только вот опыта никакого в подобных вопросах у неё не было. О том, чтобы звонить матери и спрашивать у неё совета, не могло быть и речи — та просто не выдержала бы этого. Но Людмила знала только одно: никакого аборта, о котором талдычит Мила, она не допустит.

— Собирайся, Мила, поедешь со мной домой. Там и родишь.

— Нет, мама, домой не поеду и вас позорить не буду.

— А что, есть другие варианты? Аборт я запрещаю делать.

— Мама, я не буду делать аборт. Скажешь дома, что я вышла замуж и ты приехала на мою регистрацию брака. Рожу здесь. Мне поможет Лена, да и ты меня не бросишь, я знаю, — твёрдо, беспрекословно ответила маме Мила. Она была убедительна. Другого выхода Людмила Николаевна не видела, она поняла, что дочь права.

— Мила, я тебя считала умной, думала, что мы с бабушкой воспитали тебя порядочной девушкой, а ты отдалась первому встречному-поперечному, имя которого даже не знаешь. Это разве любовь? Даже Ромео и Джульетта, которые умерли вместе, — это не любовь. Любовь — это история стариков, которые прожили вместе всю жизнь, вырастили детей и внуков, состарились. Вот это любовь. У моей матери так не получилось — отец погиб на войне, но она

всю жизнь его ждала. У меня тоже не получилось — твой отец рано умер. А ты, ты? Как ты так смогла? — слёзы душили Людмилу, она еле-еле закончила свой монолог. Каждое слово ей давалось с трудом.

Пришла Лена с работы, накапала валокордина, успокаивала, как могла, Людмилу Николаевну, подтвердила слова Милы. Всё то, что происходит с каждым из нас, уже происходило когда-то с кем-то другим, и они выжили. Мила была уверена, что у неё всё будет хорошо.

«Никогда, даже в страшном сне не думала, что Мила, моя любимая дочь, умница-разумница, преподнесёт такой сюрприз. За что? Я не могу этого понять. Мой отец погиб на войне, мама и бабушка вырастили, всё было для меня. Тяжёлое было время, послевоенное, но я была всегда сыта и одета-обута, купалась в их любви. У меня было счастливое детство, если так можно сказать про детей моего поколения. И Милка моя выросла в любви и достатке. Что же я не так сделала, раз жизнь решила меня наказать? Хотя что я болтаю, дура старая! Разве ребёнок наказание? Это радость нам всем. А нам с мамой игрушка на старости лет. Как мой Саша говорил, чтоб я была оптимисткой: Бог видит, что я карабкаюсь, и поможет мне. И если мой стакан наполовину пуст, то надо перелить содержимое в стакан поменьше и перестать ныть. На Милке и так нет лица, она не знает, куда провалиться от стыда. Да и Леночка, хорошая девочка, помогает как может. И если этот подлец-малолетка не объявится, то и флаг ему в руки, сами вырастим!» Такие невесёлые мысли крутились у Людмилы в голове. Она даже всплакнула вместе с Милочкой. В итоге всё-таки решили придерживаться легенды о её скоропалительном замужестве. Главным образом для Евдокии Ивановны, чтоб она не нервничала. Мама Люды — человек старых взглядов, и рождение ребёнка вне брака для неё было бы тяжёлым ударом.

Домой Людмилу Николаевну провожала одна Мила. Договорились, что она будет звонить раз в неделю, а писать ещё чаще — сообщать о своём здоровье и посещении врачей. Ничего лишнего писать не надо, так как бабушка любит читать-перечитывать. Уже на перроне вдруг Мила разрыдалась, стала просить у матери прощения за всё.

— Мила, доченька, ребёнок — это Божий дар. Человек предполагает, а Бог располагает. Раз так получилось, примем всё как оно есть. Всем дома скажу, что ты замуж вышла. Не надо бабушку нервировать. Перед родами приеду. Договорюсь на работе и останусь с тобой на пару месяцев, а там видно будет. Может, к лету и твой сибиряк приедет. Занимайся, ты должна обязательно поступить в институт. Кушай хорошо. Денег я буду присылать побольше.

— Хорошо, мамуля, — и Милка опять разрыдалась.

Людмила Николаевна еле себя сдерживала. Позволила себе расплакаться уже в купе, когда поезд тронулся. Под тихий мерный стук колёс вся жизнь пронеслась перед глазами. Вот она маленькая идёт с мамой в первый класс, в руках новенький портфель, на голове огромный атласный белый бант. В классе всего семь человек первоклассников, это позже всех учеников начальных классов объединили: детей мало было — в войну не рожали. Потом она, уже взрослая девушка, поступает в медицинское училище, в то же, где и мама училась. В столицу мать её не отпустила — боялась вообще от себя отрывать свою ненаглядную дочь. Может быть, благодаря дочери она стойко перенесла потерю своего любимого. Потом Евдокия Ивановна очень жалела, что оберегала дочь, воспитала её, как тургеневскую барышню, наивную до безобразия. Дочь уже работала, а так своего суженного и не встретила.

— Люда, тебе уж за 25, замуж надо выходить, детей рожать.

— Мама, за кого? Скажи. Покажи. С женатым связаться?

— Да что ты, доча! Боже упаси! Женатый — что мёртвый. Не твой, трогать нельзя.

— Вот и говорю, мама, одни женатики к нам в больницу морпорта поступают. А моих ровесников нет. Не родились они. Парочка была, и те укатили куда-то.

— Ничего, доча, жди. Бог терпеливых любит.

И Люда дождалась. Они познакомились всё в той же больнице, где работала Людмила. Он серьёзно поранился на сейнере, где работал механиком. Они ходили за рыбой в море на несколько дней, врач на небольшом сейнере не предусматривался, и потому обошлись своими силами: рану продезинфицировали спиртом и перевязали. Но рана всё-таки загноилась, и капитан собственноручно привёл своего механика в больницу, прямиком к старому хирургу.

— Петрович, посмотри-ка, что с моим механиком. Хороший парень, умный. Терять не хочу.

— Капитан, никто ещё из-под моего скальпеля на небеса не убегал, — захохотал старый хирург, — разве что во время войны.

— Да то война была, Петрович, — горестно вздохнул капитан, тоже старый морской волк. — А Сашка тогда пацанёнком был.

— Наш, что ли, парень? — заинтересовался хирург.

— Нет, балтийский. В блокаду вся семья померла, отец на фронте, а его — в детдом.

Механик ничего не говорил, только молча слушал диалог старых приятелей, как будто не о нём шла речь. Выдержка его была на лицо. И когда хирург размотал бинт и стал ковыряться в ране, терпел, сжав зубы.

— Ну что ж, капитан, ты иди домой, а механик твой у меня останется на пару дней. Дело тут нешуточное, необходимо всё прочистить, руку спасать надо. Людочка, готовь малую операционную, под местной анестезией сделаем, стоит поторопиться.

Так Люда и познакомилась со своим Александром. Она влюбилась по уши и готова была за ним хоть на край земли.

А он оказался серьёзным и обстоятельным парнем, хотел всё делать хорошо, на совесть, правильно. Это такая редкость, что Людмила даже не верила своему счастью. «Надо уметь жить настоящим, — повторяла неустанно мама, — прошлое губит человека. Вот моё прошлое не дало мне устроить свою жизнь, доча, а ты найди человека, полюби, роди». Маме Саша понравился. Никакой свадьбы они не играли: ей уже под тридцать, ему под сорок, он никогда не был женат — им не нужна была эта свадебная мишура. Пошли, зарегистрировались, и он со своим фанерным чемоданом и рюкзаком переехал жить к ним. Появления ребёнка все ждали как чуда. Дочка родилась крупной, крикливой, с золотыми волосами.

— Пусть будет Людочка в честь тебя, — настаивал Саша.

— Нет, мне не нравится моё имя, — протестовала Люда.

— Но она такая милая, такая сладкая, — возражал муж.

— Всё, хватит вести детские споры, взрослые люди ведь! — прервала их Евдокия Ивановна. — Уже две недели как ребёнок без имени, так же нельзя. Какая разница, как назвать, лишь бы здоровая была. Мила так Мила. Люда, так и запиши — Мила, раз муж хочет, — зятя Евдокия Ивановна чтила и уважала, что большая редкость.

— Мама, Мила — короткое имя. А полное имя будет Эмилия. Правда красиво, Сашенька?

— Пусть будет так. Эмилия Александровна — красиво! Но дома будем звать Милочка.

На том и порешили. Милочка была отрадой для всей семьи. В первый класс вели втроём. Умная, сообразительная, ласковая, она радовала родителей.

Беда пришла, как всегда, неожиданно. Апрель — месяц, когда природа уже проснулась и расцвела во всей красе на юге. Солнце не только светит, но и греет. Мама была дома на хозяйстве, Милочка в школе — ей уже было почти десять лет, Люда на работе, она работала всё там же. Правда,

старого хирурга уже не было — он на пенсии огородом занимался. А хирургом, с которым трудилась Люда, назначили женщину, молодого специалиста. Она поминутно консультировалась со своей операционной сестрой, зная большой опыт Людмилы, что было вовсе неправильно, и всего боялась. Она и заглянула в сестринскую, блеснула испуганными глазами: «Людмила Николаевна, к вам пришли, они в ординаторской». Увидев троих сослуживцев мужа, Люда сразу поняла, что в её жизнь пришла беда. Она внезапно обрушилась извне, и её не разведёшь руками, её надо просто принять. Но как? Этого Люда не понимала.

На сейнере произошла чрезвычайная ситуация, и ценой собственной жизни её Саша предотвратил катастрофу. Потом уже, через год, Сашино имя вписали золотыми буквами на мемориальной доске, установленной у памятника погибшим рыбакам морского флота на набережной морпорта. И Мила прибегала туда с такими же подростками, показывала свою фамилию и хвасталась тем, что её отец — герой.

— Что за судьба у женщин нашего рода? — причитала часто Евдокия Ивановна. — Одни, без мужчин растим своих детей, одни и старость доживаем. И мать моя так, со мной всю жизнь, и я, горемычная, а теперь и дочь моя. Помоги, Всевышний, внучке моей, Милочке, дай ей счастливую женскую судьбу.

— Видно, не дошли до Бога твои слова, мамочка, — тихо сквозь слёзы произнесла Людмила Николаевна.

А поезд, мерно постукивая своими железными колёсами, ехал к месту назначения. Много слёз и слов слышали стены его вагонов.

Глава 8

После всех мероприятий, проведённых по поводу открытия шоу-рума и вообще всего торгового центра, Мила с Германом, мамой, Еленой с дочкой, тётей Клавой и Сергеем поехали в их старый дом, где ждала бабушка и праздничный ужин. Платон с гостями пошёл в новый особняк, где их тоже ждал ужин и развлечения. Мила решила всех собрать и сообщить о своём решении — об окончательном переезде в Морегорск. Мнение Платона её уже не интересовало совершенно. Ему она потом сообщит.

Все уселись в минивэн, а Германа всё нет.

— Гера, ты где? — позвонила Мила сыну.

— Мамочка, можно я немного задержусь?

— Нельзя, сынок, мне надо сделать кое-какое заявление на семейном ужине.

— А без меня никак? — клянчил Герман.

— Никак, это касается непосредственно тебя. Поэтому попрощайся со своей девочкой и перенеси свидание на завтра.

— Вы езжайте, я через полчаса буду. Точно. На такси приеду.

— Без задержек, — строго наказала Мила.

Серёже нравился этот мальчик и то, как Милка его воспитала и как с ним говорила. Была в их отношениях безграничная любовь близких людей и уважение человека к человеку, что редко случается между родителями и детьми. Говорят, что доверительные отношения бывают только между матерью и дочкой, а с сыном не так. Всё это глупости, досужие

вымыслы. Это не зависит от пола ребёнка, а только от того, как он чувствует и воспринимает отношение мамы к нему, от степени доверия к родителю.

— Тётя Люда, помочь вам накрыть на стол?— спросила совестливая Елена.

— Нет, Леночка, не надо, деточка. Спасибо, иди лучше погуляй с Дашкой, вон ребёнок во дворе один качается.

Во дворе стояли самодельные качели, которые ещё отец сделал для маленькой Милочки: прочные, на двух железных столбах натянут настоящий корабельный канат, а сиденье из прочной корабельной доски — на века делал, для себя... не дожил, не увидел, как внук катается. Душа разрывалась у Людмилы Николаевны: столько лет прошло, а душа по-прежнему кровоточит. Говорят, время лечит... Неправда это, просто боль немного затихает.

— Мама, помочь тебе?

— Нет, доча. Мне Клавдия помогает, а ты приборы расставь, бокалы, к этому времени и Герочка подъедет.

— Мама, бабулю будить?

— Нет, доча, не надо. Ты лучше Серёжу развлекай.

— Тебе сказали меня развлекать — вот и развлекай, — скомандовал Сергей.

— Есть, товарищ капитан, — шутливо отдала ему честь Мила.

Слово за слово Мила вытащила из Серёжи все его планы на будущее, на жизнь в Морегорске, расспросила о прошлом, вспомнили школу.

— Мила, где отец Германа? — неожиданно спросил Сергей.

— Нету, и всё. Разве он тебе не сказал?

— Ту чушь, что он мне нёс, оставь себе.

— Мы расстались с ним ещё до рождения Германа и больше никогда не виделись.

— Я — отец Германа?

Мила опешила и чуть не уронила на пол любимый мамин хрустальный бокал, хорошо, что Серёжа успел его поймать.

— Чего ты сделала рыбьи глаза, как у камбалы прям? — Серёжа внимательно смотрел на Милу.

— Нет, Серёжа. Не ты. У нас всего разок и было с тобой, да и то по глупости.

— Дети бывают и от одного раза. А у нас пару раз. Ты думаешь, что я пацан был и не понимал ничего? Я сразу догадался, что я у тебя не первый, и с лёгкой душой отпустил.

— Серёжа, ты не отец моего сына. Он только мой ребёнок и больше ничей.

— Хорошо, Мила. Ясно. Не нервничай.

Тут послышался со двора голос Германа:

— Мама, — парень, запыхавшись, вошёл в дом. — Мама, ты где? Я пришёл, как и обещал.

— Вижу, сынок, — в его присутствии у Милы всегда замирало сердце и взгляд становился масляно-сладким. — Ты всегда держишь своё слово.

— Дядя Серёжа, помните девочку, которую я вам показал на подиуме? Она в этом году оканчивает школу и едет в Москву поступать. А знаете, какие у неё глаза: серо-голубые, и меняют оттенки в зависимости от настроения, разговора, интонации. Я внимание на это обратил.

— Здорово, когда смотришь в глаза девушки, — по ним читать можно. Это любовь, парень, — улыбнулся Сергей.

— Вы думаете? — серьёзно спросил у него Герман. — Может быть. Вот с Ларой, моей однокурсницей, не так было. Помнишь, мама?

— Помню, сынок, помню. Это была первая любовь. Она быстро проходит, — Мила подошла к сыну, обняла его и прижала к себе.

— Её зовут Аня, но она называет себя Анна. А меня теперь называет Командор. Мы теперь Анна и Командор. Она поступает в МГУ на экономфак. У неё старший брат окончил этот факультет и работает в Москве. Здорово, правда?

— Конечно, здорово. Но не забывай, сынок, что ей всего 17 лет, и нельзя пока никаких интимных отношений заводить.

— Мамочка, она скромная девушка, серьёзная, и парня у неё ещё не было. Она учится, и мама у неё такая строгая.

— Я верю тебе, сынок, и знаю, что ты у меня — настоящий мужчина. Просто нельзя начинать своё счастье со лжи. Пожалуйста, не обмани её, — с горечью в сердце сказала Мила.

— Мама, как ты могла такое подумать?! — обиженным голосом объяснял ей сын. — Она приедет в Москву, поступит в университет, я ей помогу, чем смогу, мы проверим свои чувства, а там видно будет, как нам дальше планировать свою жизнь. Я никогда её не обижу. Ты не переживай, мамочка, — Герман подошёл и обнял мать, у Милы появились слёзы на глазах.

— Я тебе верю, парень, — Сергей похлопал Германа по плечу. — Но где это наши матушки-бабушки запропастились? Кушать хочется.

— Я здесь, — Евдокия Ивановна вкатилась в зал на своей коляске, лихо крутя колёса. — Главная бабушка здесь!

Евдокия Ивановна хорошенько выспалась после обеда и решила поучаствовать в семейном ужине — как же без неё.

— Бабуля, я хотела идти тебя будить — без тебя всё равно бы не сели, — Мила подкатила бабушку к столу.

— Меня Люда подняла, умыла, а Клава на кухне возится, — Евдокия Ивановна удобно примостилась. — Вот и наши лебёдушки плывут с тарелками в руках — наготовили.

Женщины быстро накрыли стол, а на нём чего только не было.

— Праздник какой большой, Люда? — поинтересовалась Евдокия Ивановна у дочери.

— Да, мама. Я ж тебе говорила: торговый центр открыли, и в нём большой шоу-рум наших девочек для их изделий.

— Это что ж за шоу? Что, петь и танцевать будут в шубах, как Киркоров? В ваших шубах артисты станут выступать?

— Нет, бабушка, — попытался Гера объяснить старой женщине термин, — наш шоу-рум — это бутик для шуб такой.

Евдокия Ивановна недоумённо посмотрела на правнука.

— Евдокия Ивановна, — Сергей улыбнулся, — это магазин обыкновенный, где шубы девчат продаваться будут, ничего такого страшного. Только современный, красивый.

— Понятно, Серёженька. Спасибо, что хоть ты объяснил. Вот что значит мужик настоящий. Тогда наливай.

— А давайте, Евдокия Ивановна! Я — водочки, а вам что?

— Мне тоже водочки немного. Вина не хочу, пусть девчата пьют.

Все проголодались. Стали есть, пить, тосты говорить.

Герман прервал трапезу:

— Мама, ты хотела нам что-то сказать. Не дала мне погулять с девчонками.

— Успеешь ещё, сынок. Вся жизнь впереди, — Мила откашлялась, как будто доклад собиралась сделать: — Мои дорогие и любимые, я приняла решение, что остаюсь жить в Морегорске навсегда.

— Я так и знала, — Елена чуть не заплакала, — всё к тому шло.

— Леночка, родная моя, ты мне ближе, чем сестра, ты для меня — всё. Если бы не ты, я бы и Германа не выносила,

и эту жизнь собачью московскую не вынесла, но я не могу оставить маму и бабушку одних. Уже и мама в возрасте, — Мила повернулась к матери и бабушке: — Простите меня, я сколько вам хлопот доставила, вы мне сына такого вырастили, и я прекрасно понимаю, что деньги, которые я даю, вам совсем не нужны. Вам нужна я. Для кого я дом построила? Я хочу с вами там жить, хочу, чтоб нам было хорошо. Гера, Лена с Дашулей будут к нам приезжать. Вы рады?

— Ой, Милочка, такое счастье! А я всё думала: когда ты решишься на переезд? — Людмила Николаевна не знала, что сказать от радости — она этого и не ожидала.

— Мамочка, шоу-рум открыли, теперь фабрику здесь отстроим, уже помещение присмотрела. Лена в курсе. Буду здесь работать и жить.

Вдруг Евдокия Ивановна как грохнет кулаком по столу — чуть тарелка на пол не упала, а Клава подскочила от неожиданности.

— Никуда я отсюда не уйду! Я с твоим Адольфом жить не буду, и точка! Поняла, Людка? — почему-то она обратилась к дочери.

— Да, мама, поняла. Только он не Адольф, а Платон.

— Да и шут с ним, — Евдокия Ивановна зло ответила дочери. — Мне всё одно, кто есть кто.

— Бабушка, я решила с Платоном порвать. И потом, не для того он в Москву стремился, чтоб в провинцию переезжать.

Герман от радости аж руки потёр. Сергей внимательно смотрел на парня.

— Значит, ты даёшь Платону отставку, мама?

— Да, сынок, сбылась твоя мечта, — улыбнулась Мила.

Даже Дашка обрадовалась, подошла к Сергею:

— Дядя капитан, женись на Миле. Если не хочешь на ней — тогда на моей маме.

Этими словами малышка разрядила обстановку. Все засмеялись и ещё долго говорили, говорили и даже песни пели весёлые и печальные про море и любовь.

Мила с Леной пошла в новый дом, ребёнок заснул, и его оставили на попечении Людмилы Николаевны. Мила всё рассказала подруге о швейной фабрике. Договорились о том, что Герман составит бизнес-план, и с ним уже Мила пойдёт на приём к мэру. Елене очень не хотелось, чтоб Мила уезжала из Москвы, но она прекрасно понимала: за пожилыми женщинами нужен уход, и Мила обязана быть рядом с ними в последние годы их жизни.

— Мила, ответь мне, только честно: что ты решила с Платоном? Когда я тебя уговаривала не строить с ним жизнь, втолковывала, что он не твой человек, ты меня не слушала, и вот сейчас переезд тебя заставляет с ним порвать. А вдруг он решит остаться с тобой здесь?

— Нет, Лена. Разве я от тебя что-нибудь скрывала? Он мне в самом деле уже не нужен. Я поступаю по отношению к нему плохо. Ему надо жениться, семью завести. Из меня не выйдет ему жены. И главное — я его разлюбила... Может, и не любила вовсе. А он живёт сейчас со мной из-за денег, из-за работы. Я чувствую, что у него кто-то есть: стал часто в свой фитнес-клуб ходить, рад моим отъездам. Признаться, я уже совсем к нему охладела. Вот, наконец, хороший повод появился.

В доме было темно, только во дворе горела иллюминация. Девочки переоделись, приняли душ и в махровых халатах вышли на верхний балкон. Говорили, попивали вино, вспоминали себя молодыми и глупыми. Говорят, что чужая глупость повышает самооценку разумного человека, но и свой глупый поступок тоже может обрадовать, если ты осознал степень его тупости и принял как факт.

— Как хорошо, Мила! Мы за этой московской суетой не замечаем главного.

— Да, Лена. А воздух — хоть режь и на хлеб намазывай вместо масла, — Мила глубоко вдохнула воздух моря и гор, воздух её детства, воздух её жизни.

— Тишина... Привкус тишины ощущаю на языке, как вкус вина, — Лена вздохнула. — Я тебе завидую, Милка.

Вдруг тишину разорвал смех, гогот, стук каблучков — пришли запоздавшие гости во главе с Платоном.

— А Эмилия Александровна вернулась? — спросил кто-то у Веры (всё-таки Платон разбудил помощницу, и она им во дворе накрывала закуски и ставила бокалы).

— Да, давно пришла вместе с Еленой Михайловной, спят, наверное, — сонным голосом ответила Вера.

— Спасибо, Вера, — послышался голос Платона, — и вы идите, мы потом всё отнесём на кухню.

Гости улетали завтра вечером, Платон же не взял обратный билет, думал остаться немного с Милой, побыть в Морегорске, подышать морским воздухом, а если повезёт и вода нагреется до нужной температуры, то и поплавать.

Платон посмотрел наверх — в спальне у Милы было темно. Лена пожелала Миле спокойной ночи и отправилась к себе, а Мила с балкона наблюдала за гостями. Платон хорош собой, может себя вести в обществе, но она не ощущает себя счастливой рядом с ним. Мужчина, твой мужчина, — это источник счастья, а не аксессуар. Мила прилегла. Спать ей не хотелось, решила дождаться Платона и поговорить с ним. Она ещё долго лежала с открытыми глазами, повернувшись набок и любуясь небом. Балконные двери она всегда оставляет открытыми, смотрит на небо, считает звёзды, слушает морской прибой, при этом укрывается с ног до головы пуховым одеялом. Во дворе стихла музыка, голоса. Видно, гости наконец-то устали и пошли спать. Сейчас и Платон явится. «Не буду сейчас ему ничего говорить, завтра, всё завтра. А сейчас обниму его, прижмусь, пусть меня

приласкает — может, и усну потом». Но Платона всё не было. «Наверное, в бассейн отправился. Всё равно не спится, пойду-ка и я поплаваю. Всё никак не привыкну к этой роскоши. Строила для себя, для Германа».

Деньги дают большие возможности, чувство свободы в определённом плане, но для Милы они никогда не являлись культом, и в этом была особенность её характера, её свобода духа. Чувства и долг — вот те две категории, которые определяли её натуру. Накинув халат, Мила спустилась в цокольный этаж. Там был красивый, но небольшой бассейн, вода дезинфицировалась в нём современными методами, а ещё Мила оборудовала крошечный хамам и мини русскую баню (сауну она не любила). В бассейне тихо играла музыка и кто-то вальсировал в воде, как в синхронном плавании. Мила сразу всё поняла, кто там и чем занимается, но замерла и стала внимательно наблюдать. Она редко завидовала людям, почти никогда, просто потому что редко кто заслуживал её зависти. Но сейчас она до боли в сердце позавидовала этой молодой женщине, которая танцевала и пела в воде, как наяда, а Платон поднимал её над водой и смотрел на её нагое тело восхищённым взглядом. Они не замечали Милу, увлечённые своим танцем любви. И лишь когда он стал целовать девушку, её взор упал на Милу. Девушка вскрикнула, стремительно вышла из воды, схватила полотенце, закуталась и умчалась.

— Очень быстрая, эта певица-финалистка телевизионного конкурса. И поёт неплохо, и хороша собой, — это Мила и сказала Платону.

Он сделал попытку выйти из бассейна, но Мила остановила его жестом.

— Не сейчас. Обо всём поговорим завтра. Успокой девушку, она не виновата ни в чём. Кстати, возьми билет на один рейс с ней. Всё. Разговор окончен. И не смей заходить в мою спальню. Завтра соберёшь вещи.

И Мила решительным шагом покинула бассейн. Вот и повод появился. Не надо морочить себе голову.

Она взяла сигарету и вышла на балкон. Она редко курит, но пачка ментолового Vogue всегда лежит у неё в сумочке. Мила жадно курила и смотрела на море. Его не было видно, зато она его слышала, своё любимое море. «Господи, как же я люблю море! Как могла столько лет жить вдали от него?!» Волны перекатывались и пели ей колыбельную, а ей не спалось. Тихо, в белой ночнушке, как привидение, к ней подошла Лена и обняла за плечи.

— Ленка, так же и сердечный приступ недолго получить!

— Не спится тебе? Где ходила? Что случилось?

— Как ты догадалась, что что-то случилось?

— Ты в халате и куришь. Я тебя давно не видела с сигаретой.

— Ах ты, мой Шерлок Холмс, — Мила положила голову Ленке на плечо и всё рассказала.

— Главные ценности у человека — ум и тело. Это всё дано человеку от рождения и до смерти. Кто-то развивает ум, а кто-то — тело. Платон развивает тело, увы. Он не понимает, что оно тоже когда-то дряхлеет, но ум очень редко. Бывает, что человек теряет разум, как ребёнок, но это нечасто, лишь на старости лет. Свою старость ты с Платоном не сможешь прожить, не тот он человек, хоть и взял себе такое громкое имя.

— Да, ты права, — у Милы задрожал голос от обиды. С Леной она могла быть самой собой.

— Дай мне тоже сигарету, Мила, вот и повода не надо придумывать, — и они расхохотались громко, в голос, так, что, кажется, море им ответило, а лёгкий ветерок разнёс их заливистый смех по всему побережью.

— В сорок пять — баба ягодка опять. Ах ты, ягодка моя, — говорили они друг другу и опять хохотали, как когда-то, когда были молоды и смелы.

Гости ещё спали, когда утром Вера накрыла стол на веранде Миле и Елене. Мила решила показать подруге и сыну фабрику, чтоб они всё увидели своими глазами, а Герман уже в Москве составит бизнес-план. Но Платон с утра испортил Миле настроение. Она это предчувствовала и уже мысленно подготовила ответ своему бойфренду. Парень явно не спал всю ночь — круги под глазами и потухший взгляд выдавали в нём сумятицу мыслей и переживаний.

— Вера, налейте мне тоже чашечку кофе, пожалуйста, — попросил Платон домработницу. — Мила, нам нужно поговорить.

— Говори.

— Я бы хотел наедине.

— У меня от Лены нет секретов, — раздражённо ответила Мила.

Тактичная Вера поставила перед Платоном чашку с ароматным напитком и тут же ушла.

— Прости за вчерашнее. Глупость вышла, бес попутал, — парень чувствовал себя неловко и с трудом выговаривал слова. — Я сам...

— Стоп, — Мила даже не дала ему договорить, — меня это не интересует. У меня к тебе давно нет никаких чувств, я хотела об этом сказать тебе ещё в Москве. Ты парень хороший, молодой, тебе надо жениться и родить детей. Строй свою жизнь, но без меня. Сегодня же уезжай с гостями. Я буду в Москве дней через десять. Будь любезен, найди себе другое жильё. Когда я приеду, тебя не должно быть в моей квартире. Машину оставь себе. А насчёт работы — пусть решает Лена. Как она посчитает, так и будет.

— Мила, но ты меня даже не хочешь выслушать, — голос Платона предательски задрожал.

— Я это решение приняла давно, и эта певичка и твоя аквааэробика с ней совсем тут ни при чём. Я всё уже дав-

но решила для себя. Прощай, Платон. Лена, я поднимусь в спальню и быстро переоденусь. Ты готова?

— Да. Я тебя во дворе подожду, — и Лена встала из-за стола вслед за Милой.

Платон удручённо смотрел в одну точку.

Мила закрыла ещё одну страницу своей нелёгкой жизни. Она не привыкла воспринимать её в полутонах, даже сейчас, будучи взрослой женщиной, матерью взрослого сына. «Не гневи Бога, Милка, — говорила она сама себе, — жизнь может повернуться так, что эта мелкая проблема с Платоном будет казаться настоящим счастьем».

Глава 9

Дав сторожу опять деньги, Мила с Леной и Германом проникла на территорию фабрики. Запустение, разгром удручали, но основные корпуса имели вполне приличный вид, все коммуникации были на месте, даже электричество работало. Герман потёр руки — этот его излюбленный жест говорил о высшей степени его заинтересованности.

— Берём, мать! Всё не так плохо, как я думал. Составлю бизнес-план. Шикардос!

— Понятно, сынок! Что думаешь, Лена?

— Работы много, конечно, но будет интересно. Придётся тебе потрудиться. Помощники есть — Таня, капитан, Танин муж. Найдёшь единомышленников.

— Лена, а при чём тут капитан?

— Как при чём? Это же твой друг детства. Непристроенный... в смысле работы, — засмеялась Лена. — Рот закрой, а то глаза выпучила, как вобла. У него есть руководящий опыт во время службы на море, а это тебе не суша —экстремальных ситуаций, думаю, хватало. Пусть работает. Чего сидит рыбу ловит, как старый хрыч.

— Молодец, тётя Лена! Дядя Серёжа хороший и умный, он тебе поможет, мама.

За руль сел Герман, женщины устроились сзади.

— Идти надо сразу к мэру, Мила. У тебя есть имя в меховом мире, ты бизнес-леди. Купим. Думаю, город много не запросит. У нас есть прибыли неплохие, да и можно взять кредит под наш бизнес-план. Целевой кредит нам всегда дадут. Наш банк нас знает.

— Есть проблема, Лена. Сторож говорил, что мэр с московскими гостями солидными несколько раз приходил, смотрели, вынюхивали.

— Ну не купили же! Мила, иди прямо к мэру. Я знаю, что ты сможешь. Надо брать.

Мила немного успокоилась. Попросила, чтоб её отвезли в торговый центр, а Лена с Германом поехала к бабулям — Дашутка была там.

***

...В.В.В. расслабил узел галстука, потом встал и снял пиджак, снова сел. Галстук раздражал его, он снял и бросил его перед собой, прямо на рабочий стол, нажал на кнопку, вызвал секретаря.

— Тамара, большую чашку крепкого кофе, как всегда.

Практически тут же вошла секретарь с чашкой в руке. Она работает с ним уже больше десяти лет, взрослая, умная женщина, хороший специалист, у которой всегда рот на замке. Одна воспитала прекрасного сына, которого В.В.В. тоже взял на работу к себе, как только тот окончил институт. Тамара и Павел — вот они, единственные, кому он мог довериться на этой мерзкой работе.

— Вам плохо, Владимир Васильевич? — Тамара сразу уловила его настроение. — У вас бледное лицо.

Быстрым движением Тамара убрала галстук со стола и достала из шкафа тонометр.

— Нет, Тамара, всё нормально. Никого ко мне не пускай. Звонки не переключай, ниоткуда, разве что из Москвы.

— Даже Павла Григорьевича?

— Даже его. Мне надо подумать.

— Хорошо, Владимир Васильевич. Не переживайте. Часа хватит?

— Хватит.

Тамара выскользнула из кабинета и тихонько прикрыла за собой обе двери.

Владимир Васильевич Водопьянов — мэр Морегорска — откинулся в своём рабочем кресле, заложив обе руки на затылке в замок, потом резко встал и подошёл к бару, достал графин с коньяком. Этот элитный разливной напиток из неприкосновенных запасов завода в городе Дербент ему привозил в трёхлитровом баллоне друг и по совместительству заместитель директора коньячного завода. Никакой французский коньяк и рядом не стоял с этим секретным дербентским супернапитком. Щедро налив коньяк в чашку с кофе, В.В.В. залпом выпил почти всё содержимое. Потом расстегнул несколько пуговиц на рубашке, прошёл в комнату отдыха и прилёг на диван.

Вся жизнь промелькнула перед глазами. Визит этой взрослой женщины, успешной бизнес-леди, взбудоражил его. Из самых потайных уголков своей памяти он пытался воссоздать образ той девочки, которую он знал когда-то. Но никак не мог. Он лишь помнил, что она была трепетной, как молодая лань, влюблённой в него до умопомрачения. Только сейчас он понял, что та девочка, которую он знал почти тридцать лет назад, и была той единственной женщиной, которая его любила просто так, за то, что он был, вопреки всем нравственным законам. Надо было тогда развестись с женой, забрать эту девочку и махнуть на край земли. А он струсил, элементарно испугался трудностей... ещё и маленький сын. Он отпустил эту семнадцатилетнюю девочку и, когда она уехала поступать в Москву, вздохнул полной грудью, уволился из школы и занялся совершенно другим делом.

И вот сегодня утром к нему в кабинет вошла самоуверенная, самодостаточная женщина, красивая, стильная. Первое впечатление она сумела произвести, второго случая ей для

этого не надо было. Он бы её ни за что не узнал, если бы не её имя и фамилия. Эмилия Белявская — звучало. Она всегда говорила, что будет известной, и добилась своего: её знали во всём мире — королева меха.

Это была уже не та восторженная молоденькая девочка, его ученица, школьница, влюблённая в него. Он вёл у них физкультуру, а дома его ждали молодая жена и маленький сын. Денег катастрофически не хватало, и он взял подработку — классные часы в их школе. В детской спортивной школе, где он работал тренером, была очень маленькая зарплата, им, конечно, как могли, помогали родители, но всё равно не хватало. Трудные были времена, и В.В.В. хватался за всё. Тогда он ещё следовал принципам советской морали и библейским тоже: «не воруй, не убий, не возжелай». Все девочки выпускного класса были в него влюблены, он был хорош, чего уж там говорить, — просто услада для глаз. С молоденькими учительницами он ещё флиртовал, но ученицы были табу, и он строго следовал своим правилам. Первое полугодие он продержался, но эта девочка — Мила — была так в него влюблена, смотрела так кротко своими огромными глазами, что он не устоял. Может, просто был март и инстинкт мартовского кота сделал своё дело, а может, влюбился в эту девочку, которая с восторгом смотрела на весь мир и взахлёб рассказывала о своей мечте. Он сдался в плен её любви, не устоял. А кто бы устоял? Семнадцатилетние девочки, выросшие на море, чудо как хороши. Эта малышка была невинна и неопытна и этим взяла его. Он даже думал оставить семью. Жена уже его раздражала, её нытьё и занудство точили семейную жизнь медленно, но верно, как волны точат прибрежный морской камень. Может быть, так и получилось бы, если бы тем летом Мила не уехала поступать в Москву. Он обещал к ней приехать, но жизнь сложилась по-своему. Лихие девяностые взяли

его, бывшего спортсмена, в свой оборот. Да, он до сих пор утешает себя тем, что никого не убивал своими руками, но почву и людей для этого готовил. Тихо, не спеша он богател и поднимался по служебной лестнице. Уже несколько лет как он — мэр Морегорска, уважаемый человек, отец двоих детей, прекрасный муж и семьянин. Впереди у него маячит солидная должность в Москве. Этого ждёт он, его жена, друзья и даже враги. Но вот пришла она и нарушила его покой. И вовсе не воспоминаниями о старой любви: сколько таких девочек было в его жизни — и не упомнишь. Тогда он тоже был молод, всего на десять лет старше её. Сейчас его любовница — моложе сына. Дурашка, думает, что он её в Москву возьмёт. Мила пришла к нему с конкретным предложением, которое он не сможет выполнить. Но она требовала на законных основаниях. Имела полное право принять участие в тендере на покупку швейной фабрики «Динамо», и если бы он мог, то с удовольствием продал ей останки этой фабрики, но не может, увы, не может. И он ей это объяснил. Она же не хотела это понимать. Не хотела, да и не должна. Сначала он думал, что она его не узнала. Но когда он ей отказал, Мила напомнила ему о связи с ней, семнадцатилетней школьницей.

— Уважаемый Владимир Васильевич, вам не кажется, что, если общественность узнает о вашей связи со школьницей, будучи учителем, вас не выберут не только в Государственную думу, но даже в совет нашего маленького города? Подумайте об этом. Я к вам приду через три дня.

— Мила, я обещал это москвичам. Они видели объект, это вклад города в будущие инвестиции.

— Не говорите глупости, Владимир Васильевич. Вы хотите за пять копеек отдать имущество города людям, которые проложат вам дорогу в Госдуму. Но сейчас не девяностые и даже не нулевые. Времена изменились. Я куплю это

здание за деньги, и довольно большие. Я — местная, я дам работу людям. Вот бизнес-план. Посмотрите и подумайте.

Герман составил отличный бизнес-план. Мила ждала, пока он его пришлёт, и только потом пошла к мэру.

В.В.В. встал с дивана, умылся, успокоился. Достал из стола папку с бизнес-планом. Перелистал, снова положил. Этот бизнес-план ему ни к чему. Фабрику он Миле продавать не будет. Это — единственное, что он может предложить москвичам, а главное — это то, что они хотят. У них свои планы, а у него свои, и они ему помогают. На кон поставлены большие деньги, а тут эта девчонка.

— Тамара, — он нажал на кнопку, — пригласи ко мне Павла.

— Хорошо, Владимир Васильевич.

Потом Тамара заглянула к нему.

— Вам получше? Что-нибудь надо?

— Сделай нам пару чашек крепкого чёрного чая, и я жду Павла.

— Я здесь, — раздался голос подчинённого.

В.В.В. рассказал в двух словах о появлении бизнесвумен и её желании приобрести фабрику. Разумеется, он умолчал об их далёком прошлом — Павлу об этом нечего знать, — просто попросил узнать всё о Белявской Эмилии Александровне.

— Адреса, явки, — шутливо произнёс В.В.В. — Она угрожает мне. Может, у неё в Москве лапа мохнатая есть, которая высоко сидит, а мы и не знаем. Что-то она вызывающе себя ведёт. Бизнес-планом в лицо тычет.

С Павлом они знакомы с детства, росли в одном дворе: В.В.В., Паша и Ира — жена В.В.В. Ухаживали за Ирой оба, но та выбрала Володю, хотя Паша был в неё больше влюблён, был верным слугой и получился бы лучшим мужем, наверное. Потом Паша уехал. Приезжал, уезжал — навещал родителей. Снова переехал в Морегорск лет 20 назад, когда

умер отец и старенькая мать осталась одна. Мать не хотела к нему на Дальний Восток, а бросить её он не мог. Да и ничего его там не держало: с женой развёлся, детей не было, служебную квартиру сдал — и домой, в край родной морской. Уже десять лет как он работает у В.В.В. начальником службы безопасности, а также курирует бизнес его жены. Ему В.В.В. может доверить самое ценное, что у него есть, — любимую доченьку Анечку. Старший сын уже давно живёт и работает в Москве, очень хорошо устроен — В.В.В. приложил все усилия к этому. Павел знает о нём почти всё, но о Миле Владимир не хотел ему говорить.

Рисковать ради Милкиной идеи фикс Владимир Васильевич не намеревался, да и не должен. Этот свой прыжок в Москву, и сразу на такую должность, он готовил долго. Это была большая игра больших людей, где он был фишкой. И всё разрушить из-за амбиций этой московской бизнесвумен, чувства к которой давно улетучились, и он даже её не вспомнил? Много чего произошло за это время, всё, что связывало его с Милой, давно кануло в Лету, да и она, похоже, про него забыла, но угрожает. Московская хватка появилась у девицы. Молодец Мила, но хороша, чёрт побери.

— Володя, — голос Паши отвлёк его от мыслей, — мне в Москву слетать?

— Сначала здесь всё о ней узнай, она в нашем новом торговом центре меховой шоу-рум открыла. Всё. Где живёт? С кем? Как и почему? Не мне тебя учить. Если надо — и в Москву слетай. Заодно надо перетереть с деканом факультета, куда Анечка собирается поступать. Надо окончательно всё обговорить. Ирка беспокоится, весь мозг выела.

— Хорошо. Завтра всё доложу. Я пошёл?

— Да, да. Иди, я поработаю.

В.В.В. опять плеснул коньяка в свою чашку с недопитым терпким чаем, выпил и закусил лимоном.

...Мила сразу поехала в свой новый дом. После встречи с Водопьяновым ей хотелось побыть одной. Посидеть, покурить, выпить чашечку кофе, подумать. К маме пойдёт спать. Мила не ожидала увидеть его. Только когда зашла в приёмную и прочла его фамилию, имя и отчество, осознала, что это он. Ну хоть бы сердце ёкнуло, или пронзило, или туман застил глаза и вышиб слезу. Ничего и никак. Она решительно прошла к нему в кабинет, настроилась на деловой разговор. Это он удивлённо смотрел на неё: узнал и не понимал, как себя вести. Он смотрел на неё с интересом мужским тяжёлым похотливым взглядом. Но она привыкла к таким взглядам. Все его попытки вспомнить прошлое прервала на корню, обращалась строго по имени, отчеству и такого же обращения требовала к себе.

Яркая внешность не дала ей счастья. Тяжкое бремя красоты давило на неё. Только её ум, трудолюбие и перфекционизм принесли ей успех и деньги. А деньги — это свобода, возможность делать то, что хочешь. Сейчас её Герман в том же возрасте, в каком был тогда Водопьянов. Она влюбилась до беспамятства, как и многие девочки в их школе. Но он выбрал её — он мужчина, и не мог сдержаться. Но она-то о чём думала?.. Воспитанная мамой и бабушкой в строгих правилах, она отдалась ему, ещё и умудрилась забеременеть. Сейчас-то она безумно рада, что родила своего сына, и В.В.В. благодарна за него. Но он о сыне и не знает даже. А тогда и у него был свой маленький сынок... Интересно, почему он не может продать фабрику ей? Зачем она ему? Взятка москвичам? Благодарность за место в Госдуме? Мила позвонила Лене.

— Привет. Как дела? Германа видишь? Платона уволила?

— Привет, Мила! Все нормально. Герман каждый день в офисе, через день ездит в цех. Занят. Платон ищет новую работу. Через неделю освободит квартиру и отдаст ключи. Ты что, его заблокировала?

— Да, — Мила вздохнула. — Он звонит, что-то пытается сказать, объясниться. А я не хочу этого слышать. Лена, я была сегодня у мэра. Это он!!!

— Всё-таки он... — Лена немного помолчала. — Узнал тебя?

— Да, сразу. Видимо, помнит фамилию. Смотрел, как кобель. Знаешь, Герка сейчас очень похож на него в молодости.

— Ты что, мать? — Лена удивилась. — Ты же королева меха, железная леди! Ты что, расквасилась?!

— Ну что ты, подруга моя любимая, — Мила вздохнула. — Просто мой сын вырос в трудных условиях, я не сразу смогла ему обеспечить достойную жизнь, а его сын, наверное, как сыр в масле катался. У него же был маленький ребёнок.

— Мила, забудь. Это дела давно минувших лет. У тебя вырос прекрасный сын. Гордись и радуйся. Что он сказал, твой Водопьянов?

— Водопьянов? — Мила усмехнулась. — Нет, он не мой. И мне не нужен. А продавать фабрику он мне не собирается — он обещал её другим. Фабрика — его трамплин в будущее: он в Госдуму баллотируется, и ему обещают большую должность.

— Вот как? И что ты решила? — у Лены был обеспокоенный голос. — Может, ну её, эту фабрику.

— Я его немного пошантажировала. Пусть подумает. Через три дня пойду снова к нему. Договорим.

— Мила, я за тебя начинаю переживать. Зачем тебе с ним сражаться? Они, эти спортсмены из девяностых, все безбашенные.

— Леночка, успокойся, не будет же он убивать мать своего сына.

— Милка! — Ленка заорала ей прямо в ухо, Миле даже показалось, что Лена рядом. — Ты ему про Германа скажешь?!

— Это в крайнем случае, не переживай, Ленусь. Пока, целую вас всех.

Мила успокоилась, как будто что-то окончательно решила для себя. У чиновников, как и у бизнесменов, определённый склад ума, нацеленный на зарабатывание денег. И Водопьянов был таким. Мила это сразу поняла. Залезла во всемирную паутину и всё узнала про мэра Морегорска (конечно, это надо было сделать раньше, но лучше поздно, чем никогда). Живёт всё с той же женой, и это ему большой плюс. Двое детей. Старший сын работает в Москве в какой-то госкорпорации, дочь учится в школе, в этом году заканчивает. У жены свой бизнес, связанный с красотой и здоровьем, — сеть салонов. Надо отдать должное Водопьянову, он умён и хитёр, а такие люди всегда могут договариваться. Милу отпустило, она поехала в родительский дом — там ей всегда спокойно. Родительский дом — это убежище от всех невзгод, рай лежит у ног матери.

На следующий день Павел Григорьевич Шаповалов — начальник службы безопасности мэра Водопьянова Владимира Васильевича — положил перед ним распечатку данных об Эмилии Белявской. Мэр пробежал листок глазами. Вся Милина жизнь уложилась на одной страничке. Замужем не была, есть сын, крупный бизнес в Москве. Партнёр — близкая подруга. Живёт сейчас с молодым фитнес-инструктором, судя по всему, — альфонс. В Морегорске мама и бабушка. Никакого компромата, никаких связей. Но ведёт себя очень вызывающе. С чего бы это? Что-то тут не то. Шантажировать его мимолётной связью почти тридцатилетней давности было бы глупо. Но слишком вызывающе Мила себя вела. Водопьянов потёр переносицу. Этот жест выдавал В.В.В. полностью. Павел сразу понял, что что-то тут не то и мэр от него скрывает какую-то информацию. Но какую и почему? Удивлению Павла не было границ: казалось бы, о шефе он

знал всё, начиная от скандалов с женой и заканчивая молоденькими любовницами. Опыт давно научил его, что ни одну возможность со счетов сбрасывать нельзя. Надо поглубже поизучать эту королеву меха. «Подождём её следующего визита», — так решили оба независимо друг от друга.

День был слишком насыщенным. У мамы Мила то ли поздно пообедала, то ли рано поужинала, переоделась и тут же побежала к своему валуну. Валун, отточенный задами местных ребятишек, горел алым пламенем отражающегося от него заходящего солнца. Камень был тёплым, и Мила с ногами залезла на него и уселась в позе сестрицы Алёнушки, ждущей своего брата Иванушку. И он не замедлил явиться. Правда, это был Сергей — её одноклассник и друг детства. Он сел рядом и молчал. Он всегда был молчуном, слова не вытащишь никогда, в отличие от болтушки Милки. Но и Мила упорно молчала.

— Как Герман? — не выдержав, первым заговорил Сергей. Милино молчание его насторожило.

— Нормально.

— Когда сюда приедет? — Сергей всё пытался разговорить Милу, а для матери самая любимая и животрепещущая тема — это дети.

— В конце мая. У него тут девочка появилась, она школу заканчивает. На последний звонок к ней явится.

— Молодец, хороший парень, — сдержанно, но с чувством сказал Сергей. Мила уловила его настроение.

— Серёжа, Герман не твой сын. Тот один раз по пьяни, что у нас с тобой случился на выпускном, не считается. У меня был другой мужчина, пойми это, — Мила умоляюще взглянула на него.

— Я это понял ещё тогда. Девственницей ты не была. Но откуда у тебя мужчина взялся, я никак не возьму в толк. Он отец Германа?

— Да.

— Так почему ты мальчику не скажешь, кто он? Сказки плетёшь какие-то. Парень взрослый, всё поймёт.

— Зачем, Серёжа? Зачем? Его отец не знает о нём. Он женатый человек. Никому это не надо. Гера только мой сын.

— Хорошо, Мила. Не нервничай. Тебе виднее.

И они закрыли эту тему. Говорили о родителях, одноклассниках, о море и горах.

Через три дня Мила как штык торчала в приёмной у мэра. На этот раз она очень тщательно отнеслась к своему внешнему виду. Надела шикарный деловой костюм из твида, который привезла из Милана, туфли-лодочки такого же серого цвета, что и костюм. Уложила волосы один к одному, сделала тщательный макияж (очень хорошие мастера работают в салоне красоты в торговом центре). Секретарь мэра встретила её холодным взглядом своих пронзительных острых серых глазок. Мила даже ахнула: та тоже была в сером костюме, правда, попроще. Сегодня серый цвет преследовал её повсюду. Что-то в глубине души ёкнуло, но Мила не стала обращать на это внимания. Ну подумаешь, цепь случайных совпадений. Вся жизнь и состоит из этих случайностей. Кто бы мог представить, что мэром окажется В.В.В., что через столько лет, когда она о нём и думать забудет, вдруг он объявится в её жизни таким неожиданным образом и ей понадобится его помощь. Чувств к нему она никаких не питала, обида на него давно прошла, никоим образом он не влиял на её жизнь. Только сын — в нём текла его кровь. И если мэр не пойдёт сейчас на попятную, то ему придётся об этом сказать. Ей очень нужна эта швейная фабрика, и плевать на его карьеру.

— Владимира Васильевича нет, — холодным тоном объявила секретарь, — и неизвестно, когда будет.

— Мы договаривались, — стараясь сдерживать себя, ответила Мила.

— Но вы не отмечены в списке встреч на сегодня.

— Позвоните ему, пожалуйста, и сообщите, что его ждёт Белявская Эмилия Александровна, — Мила очень старалась быть любезной с этой женщиной, которая по непонятной причине невзлюбила её.

— Он на мероприятии, и я звоню ему только в экстренных случаях, — попытка улыбки появилась на лице этой нелюбезной женщины. — Может быть, кто-то другой вам поможет?

— Вряд ли. Может, вы всё-таки позвоните? — Мила показала секретарше все тридцать два своих шикарных белоснежных зуба.

Но женщина-кремень была непреклонна. Мила вспомнила, что В.В.В. дал ей свою визитку с личным номером, покопалась в своей серой сумочке «Луи Витон» и достала заветную карточку. Вышла в коридор и перезвонила ему. Он обещал через полчаса быть. В.В.В. знал, что женщины очень мстительны, когда их обижают. Особенно те, которые когда-то были возлюбленными и которых обидели. А Милу он обидел: она была молоденькой девочкой, школьницей, а он воспользовался и бросил. Но, с другой стороны, лучше он, чем какой-то молодой шалопай. Им ведь было хорошо вдвоём, но всему приходит конец, закончилась школа — закончилась и любовь. Однако надо отдать Миле должное: она молодец, умница, храбрая девочка — никто ничего не узнал. Если бы пошла огласка, то ему не миновать бы беды. Всё закончилось благополучно для обоих, чего враждовать.

Мила решила пойти выпить кофе в буфете мэрии (внизу она видела указатель, что он находится на первом этаже). Буфет её поразил: это был настоящий современный бар-ресторан с официантом, прекрасным интерьером и превосходным кофе.

Правду надо доказывать тому, кто тебе дорог, тратит на это силы, нервы, но дорогой человек должен понять тебя. В.В.В. Миле совсем не был дорог, и она ничего не собиралась ему доказывать. Она просто поставит его перед фактом, и пусть сам решает. Звонок мобильного телефона оторвал её от мыслей.

— Ты где? — это был он. — В приёмной тебя нет, я ради тебя приехал.

— Сейчас, я здесь, в здании, пью кофе в вашем баре, — Мила удивилась тому, как ей было приятно услышать его голос.

— Выпила бы у меня в комнате отдыха. Секретарь тебе бы приготовила, — удивился он.

— Она меня невзлюбила, — коротко ответила Мила и поднялась с места, бросив на стол купюру.

— А, ясно, — хихикнул он.

Когда она вошла к нему в кабинет, он обалдел: эта роскошная женщина когда-то была его девочкой, маленькой угловатой влюблённой дурочкой. Она выглядела намного эффектнее и желаннее его молоденькой любовницы.

Мила рассмеялась:

— Рот закрой.

Она знала, какое производит впечатление, когда захочет.

— Мила, может, съездим куда-нибудь, посидим, поговорим? Здесь у нас есть такие красивые закрытые места — закачаешься.

— Мне закрытые места не нужны, а могу и на открытые съездить, если захочу, — Мила тихо рассмеялась. — Это тебе надо — ты женат. Честь тебе и хвала, на одной и той же женщине.

— Да. Уже больше тридцати лет. Сам удивляюсь, как такой срок отсидел, — он довольно хохотнул своей пошловатой шуточке.

— А помнится, ты всё грозился развестись, и одна молоденькая дурочка верила. Прости, речь не об этом, я по делу. Посмотрел бизнес-план?

— Посмотрел, Мила. Выпьешь чего-нибудь? — он встал и подошёл к бару. Он не любил наглухо закрытые двери в каком-либо вопросе, нужна была хоть какая-то щёлочка в этом разговоре с Милой, и он пытался её нащупать.

— Нет, спасибо. Я за рулём.

Он плеснул себе немного коньяка и залпом выпил.

— Хороший бизнес-план, скажу тебе, чёткий, обоснованный.

— Сын составлял, он в этом деле профи.

— Умница. Где учился?

— В МГУ, потом стажировка в Швейцарии, — гордо ответила Мила.

На самом деле Владимир Васильевич всё это знал — Павел предоставил полную информацию ему по Миле и её семье, — он просто тянул время.

Мила резко перешла на официальный тон — не хотелось говорить с ним о сыне.

— Владимир Васильевич, я пришла по поводу своего вопроса. Мне нужна эта фабрика, я хочу её купить и вернуть ей былую славу, как и нашему городу. Я переезжаю жить сюда.

— Мила, зачем тебе наша дыра? Все в Москву хотят, за границу, а ты — сюда.

— «И дым Отечества нам сладок и приятен...» Здесь бабушка, мама. Да и надоела мне Москва.

— А я вот баллотироваться буду в Госдуму и туда перееду. Сын там, дочь в этом году поступать будет. А ты мне мешаешь.

— Интересно, каким это образом я вам мешаю? — у Милы аж скулы свело, как будто она лимон откусила.

— Мила, дорогая моя, почему опять на «вы»? Мы же с тобой старые друзья, — елейным голосом даже неожидан-

но для себя заговорил В.В.В. Он никак не мог настроиться на разговор с ней. Она как будто вышибла из-под него стул. Он не знал, как ей отказать и при этом не выглядеть подлецом. Один раз он уже проделал такую штуку с ней. — Понимаешь, эта фабрика обещана людям из Москвы, они уже приезжали и смотрели её.

— Тогда почему не купили? Не оформили документы?

— Мила, ты что, ребёнок? Не понимаешь? Эти люди помогают мне в моей предвыборной кампании, способствуют моему переезду в Москву. И фабрика — им презент от нашего города.

— Вот это новость! Хорошо же ты распоряжаешься собственностью города... Не боишься последствий? — Милу аж передёрнуло.

— Мила, дорогая, нельзя всё втиснуть в определённые рамки существования. Всё это делается во благо нашего города и горожан. Ты это понимаешь? Оставь свой юношеский максимализм. Ты уже давно не юная девушка, ты взрослая женщина.

Тем, кто увлечён благородной идеей, живётся не так уж и сладко, а вот приспособленцам, которым всё дозволено, — просто шикарно. Мила всё это высказала ему в лицо, но его нельзя было ничем прошибить. Он считал город своей вотчиной, и эта фабрика была его ступенькой в высшие эшелоны власти. В Милиной голове сверлила только эта идея — фабрика, и всё. И ни на какие его другие предложения она не соглашалась. Милку охватила такая злость на этого мужчину, что если бы у неё в руке был пистолет, то она застрелила бы его. Они орали друг на друга так, что заглянула секретарь. В.В.В. жестом приказал ей уйти.

— Ну что ж, — вдруг тихо сказала Мила, взяв себя в руки, — я сделаю так, что твоя кандидатура не пройдёт в Госдуму.

— Интересно, как это? — усмехнулся В.В.В. — у него слишком сильные покровители были в Москве. — Юридически у меня всё чисто и законно. Не бузи, Милочка.

— Морально, дорогой, — его же интонацией ответила Мила.

— И что ты мне предъявишь? Что когда-то я переспал с несовершеннолетней? Я правильно тебя понял, дорогая? Поздно, Вася, пить боржоми, — и он рассмеялся во весь голос, плеснул себе коньяка в кофейную чашку и залпом опрокинул.

— Это точно не докажешь, — Мила вскочила и нервно заходила по кабинету. Мысли одна на другую наскакивали в её прекрасной головке. — Сказать или нет? — произнесла она вслух и даже этого не заметила.

— Скажи, скажи! Что ты хочешь мне сказать? — В.В.В. протянул ей бокал с коньяком. — Выпей, ты слишком возбуждена, прям как тигрица в клетке мечешься, закуси шоколадкой, — он встал и подошёл к ней.

В кабинет заглянул Павел и вопросительно посмотрел на мэра — видно, испуганная секретарь вызвала его.

— Всё нормально, — В.В.В. спокойно посмотрел на него, — занимайся своими делами.

Мила так и стояла посреди кабинета с бокалом в руке, который ей дал мэр, и даже не заметила Павла.

— Володя, сядь, — спокойно сказала Мила и сама уселась удобно. У неё был такой решительный вид, что мэр даже немного испугался, уж не маньячка ли она. — О том, что ты соблазнил малолетку лет надцать назад, я не буду говорить, и это недоказуемо, но о том, что ты бросил эту малолетку беременной, я могу сообщить всему твоему электорату.

— Что?! — зарычал В.В.В.

— Не ори, — Мила ухмыльнулась. — Я тебя не боюсь. Я уже давно ничего не боюсь. Успокойся, сядь и выслушай меня.

И она рассказала ему всё: и о том, как звонила ему куда только можно из Москвы, узнав о своей беременности, и об

отчаянии, и о попытках сделать аборт, и о радости рождения, и том, какой у неё замечательный сын. Он молчал, слушал и только цедил свой коньяк, при этом не пьянея. Она знала об этом его свойстве — организм у него был крепкий, ещё со времён спортивной молодости.

— Сколько лет мальчику и как его зовут?

— Мальчику 27 лет, — и Мила рассмеялась тихим искренним смехом, — и зовут его Герман.

— Что за имя?

— Хорошее романтичное имя. Не будь старпёром, как моя бабуля. Ей тоже не нравится его имя.

— Мальчик знает, кто его отец? — В.В.В. как будто проверял Милу.

— Нет. Герман ничего не знает о тебе и знать не должен. Для него его отец погиб. Пусть так и останется.

— А кто знает, Мила? Не поверю, что и мать не знает.

— Поверь. И мать не знает. Она думает, что это один мальчик, с которым мы вместе поступали. Абитуриент. Не поступил, уехал, — Мила задумалась. — Но знает моя подруга, мы с ней вместе с поступления. Познакомились на подготовительных курсах и до сих пор не только дружим, но и работаем. Она мой партнёр.

— Фотографии есть с собой?

— Володя, конечно, есть. Ты что, забыл — сейчас все фото в телефоне.

— Покажи.

— Зачем тебе? Не надо. Хочешь посмотреть, на кого он похож? Сейчас он в том возрасте, что и ты, когда мы познакомились. Ладно, — Мила открыла папку с фотографиями сына и протянула телефон ему.

Мэр долго рассматривал фото, листал назад, потом снова возвращался и внимательно вглядывался в лицо мальчика. Мила молча сидела, лишь попросила разрешения покурить.

В.В.В. молча кивнул и пододвинул к ней пепельницу. Потом открыл свой телефон, долго искал что-то и рассматривал пристально фото на обоих телефонах.

— Мила, дай мне сигарету. У меня нет. Я уже несколько лет как не курю.

— Тогда и не начинай.

— Нет. Хочу.

Мила протянула ему пачку. Он взял, прикурил от Милиной сигареты.

— Какую дрянь ты куришь! — в чувствах воскликнул мэр.

— Женские, слабые, — почему-то стала оправдываться Мила.

— Мальчик очень похож на моего старшего сына Костю. Очень. Между ними разница-то в четыре года. А Костя похож на меня сильно. Дочь больше в жену пошла.

Мэр долго держал театральную паузу, только смачно курил, как изголодавшийся зэк. Мила не нарушала тишину, чего-чего, а терпения ей хватало. Никто никогда не знает, что будет завтра. Вот и Водопьянов — мэр Морегорска — и предположить не мог, что сегодня услышит эту новость. А главное, не знал, радоваться ему или огорчаться. Но не так уж много времени потребовалось ему, чтобы перезагрузиться.

— Мила, тогда ты была молоденькой девочкой, соплячкой, проще говоря. А себя я считал взрослым дядькой, отцом семейства. Тогда я должен был взять ответственность за то, что сделал с тобой. Но ты меня не засудила, не опозорила. Ты поступила мудро. Видно, любила сильно. Сейчас я это понимаю. Моя жена меня не любит и никогда не любила. Я это вижу и чувствую.

— Володя, я не об этом пришла поговорить.

— Мила, не перебивай меня, выслушай. Сейчас мы сровнялись с тобой в житейской опыте, в преодолении трудно-

стей. Я тоже через много чего прошёл. И поверь мне, я очень рад, что узнал о ребёнке, и хочу с ним увидеться.

— Нет. Это исключено. У него нет отца. Его отец погиб. Ты кем хочешь выставить меня в глазах моего сына? А матери?

— Ты не поняла. Я не хочу познакомиться с ним. Я просто хочу его увидеть.

— Но он в Москве сейчас. Приедет в конце мая на последний звонок своей девушки. У него девушка тут. Влюбился мальчик, — и Мила счастливо улыбнулась.

— Это хорошо, что девушка наша, местная. У Кости в Москве какая-то москвичка есть, то живут вместе временно, то разбегаются. Никак не женится.

— Володя, зачем тебе видеть Германа, никак не пойму?

— Я через пару дней лечу в Москву и хочу его увидеть.

— Я же здесь.

— Значит, и ты полетишь. Найдёшь повод. Пусть сын тебя встретит в аэропорту, и я его увижу. Это моё условие.

— У тебя только это условие для того, чтобы я могла купить на свои же деньги почти обворованную фабрику в своём же городе?

— Нет, моя милая Мила. Есть ещё условие. Фабрику я оформлю на Германа. А то твои молодые хахали могут её у тебя отобрать.

— И откуда тебе известно о молодых хахалях? — зло спросила Мила. — Информацию собирал?

— А ты как думала? Собирал.

— Хахаля уже нет. Я с ним распрощалась.

— Этого нет, так другой появится, — почти с издёвкой сказал В.В.В.

Мэр не знал, что никогда нельзя обижать тех, кто вас искренне любит. В своей любви они беззащитны, и потому легко уязвимы. Железобетонная Мила вдруг вскочила,

схватила сумку, хотела ему что-то сказать, но не стала и направилась к выходу. Мэр в два прыжка пересёк кабинет и поймал её у самой двери.

— Прости, Мила, дурак я старый. Глупость сморозил. Разозлился, приревновал. Сядь, пожалуйста. Мы не договорили. Ты же деловой человек. Сейчас я тебе дам водички.

В.В.В. подошёл к холодильнику, достал бутылочку «Рычал-су» — хорошей дагестанской водички, её ему присылают друзья из Дагестана. Налил обоим по стакану. Стал расхваливать качество водички, пока Мила не успокоилась. Дипломат старый.

— Я не выходила замуж из-за сына. Не хотела, чтоб его воспитывал чужой дядя. Хоть мама и настаивала, забирала ребёнка. Но я без Германа не могла существовать, а он не мог существовать с чужими дядями. А хахалей-то было не так уж и много, — горько сказала Мила. — В нашей семье никто из женщин так и не обрёл своего счастья. И я очень была рада, что у меня родился сын, а не дочка. На нём и оборвётся несчастная линия судьбы наших женщин.

— Мила, ты меня прости. Я эгоист. Думал только о себе.

— Всё, Володя, закончили этот разговор, — Мила взяла себя в руки. — Твоё условие я выполню. Полечу этим же рейсом.

— Хорошо. Я возьму тебе билет и сообщу. Скинь мне на ватсап копию паспорта.

— Договорились. Тогда я пойду. Встретимся в аэропорту.

— Сядь, Мила. Не торопись, торопыжка. Я тебе не сказал основного. Отдавая тебе фабрику, я, может быть, лишусь главного — мандата депутата. Я мечтал сидеть в Думе, и мне там обещана хорошая должность. Я рискую.

— Ничего, найдёшь другие варианты. Дашь отступные, да побольше, и не только городское, но и своё.

— Ты права, милая Мила, — В.В.В. явно нравилось это выражение. — Я тебе верю и на сто процентов уверен, что Герман — мой сын. По датам всё сходится. Но мне нужен анализ ДНК.

В.В.В. внимательно посмотрел на Милу: он ждал от неё гневной тирады, возмущения, криков. Но она сказала только одно слово: «Хорошо».

Глава 10

После визита к мэру Мила сразу же поехала к своему валуну, даже не зашла к маме. В своём шикарном дорогом костюме она уселась на камень, поджав под себя ноги, и смотрела на море, без которого просто не могла жить. Сейчас она поняла это очень остро. Камень был тёплый и грел её изнутри. Свои модные туфельки она сбросила — ногам стало легче, да и голове вроде бы тоже. У неё с плеч упал такой же громадный камень, как и этот её любимый валун. Она правильно сделала, что рассказала всё Володе. В случае, если с ней что-то случится, он никогда не оставит сына. А Герману она расскажет, но позже. Когда решится полностью вопрос с фабрикой, когда Водопьянов пройдёт в Думу, переедет в Москву и всё-таки будет настаивать на знакомстве — только в этом случае она расскажет ему. «Если даже я исчезну с лица земли, наша планета не шелохнётся. Но моему сыну будет тяжко без меня, и потому я должна подстраховаться. Я обязана познакомить его с отцом. Тем более — чего уж кривить душой — Водопьянов не последний человек. Крутой мужик. А об остальном я подумаю завтра, как любила говорить моя любимая Скарлетт О'Хара», — такие мысли крутились в голове Милы, когда она окидывала взором своих прекрасных глаз любимое побережье.

Всё приходит вовремя к тому, кто умеет ждать. Недаром Мила ждала столько лет. Это сложно, иногда невыносимо, но именно сейчас её терпение отплатило ей сторицей. Это очень непросто выдержать испытание временем, столько

лет держать рот на замке. А теперь она отпустила прошлое, не побоялась расстаться с ним. Очень долго принимала решение, но приняв его, успокоилась, отошла душой, почувствовала лёгкость. На задворках её памяти хранился образ Водопьянова, слегка припудренный нафталином и присыпанный пылью. Образ был романтичный, такой любимый, несмотря на прожитые годы. Но после сегодняшнего разговора с ним она вдруг чётко поняла, что утратила всякий интерес к нему как к мужчине. Тот образ почти тридцатилетней давности просто исчез в дымке времени. А сегодня она его использовала. В конце концов, все люди используют друг друга. Мила настолько расслабилась, что даже задремала. Море и солнце убаюкали её.

Водопьянов позвонил на следующий день и сообщил номер рейса. Герману она сказала, что прилетает и хочет, чтобы он её встретил. А ещё что она останется ночевать у него, пока Платон не освободит её квартиру. Герман был очень рад приезду мамы и обещал её обязательно встретить. Сообщил, что со своей московской девицей он окончательно расстался, что по уши влюблён в Аннушку — девушку из Морегорска — и мечтает к ней приехать на последний звонок. «Ну что ж, назад полетим вместе, — обрадовалась Мила. — Побуду в Москве недельку, заодно решу несколько вопросов, и анализ ДНК будет готов». Елене Мила рассказала всё в мельчайших подробностях, хоть по телефону это и трудно было сделать, не видя реакцию Лены. Но Миле хотелось пережить весь этот разговор и забыть как страшный сон.

В аэропорту В.В.В. был не один, а со своим верным помощником и заодно телохранителем и другом детства — Павлом. Павел Милу сразу узнал: он заглядывал к мэру в кабинет, когда их разговор вёлся на повышенных тонах. Он очень внимательно смотрел на Милу, как будто изучал её через микроскоп. Милу аж передёрнуло — до чего неприят-

ный был у него взгляд. Дьявол кроется в мелочах, это Мила давно усвоила. Вот такой дьявольский взгляд был у этого Павла — цепкий, изучающий, пронзительный. Как тень, он следовал за хозяином, держа в руках дорогой саквояж. Казалось бы, он шёл рядом, и они беседовали, но всё равно дистанция между ними была видна невооружённым взглядом.

«Уже всё рассказал своему верному псу, — подумала Мила о Водопьянове. И была права. Сразу после ухода Милы В.В.В. вызвал Павла к себе и рассказал в общих чертах о разговоре с Милой.

— А ты уверен, что ребёнок твой? — засомневался Павел.

— Парню 27 лет, он всего на 4 года моложе Кости и очень на него похож, да и на меня в молодости. Я уверен. Она была совсем девчонкой, когда я с ней любовь крутил. Я был первый и единственный тогда. Но, — В.В.В. поднял указательный палец вверх, — я должен это проверить. Потому мы и летим в Москву — надо сделать анализ ДНК.

— А как ты возьмёшь биоматериал парня? — непроницаемое лицо Павла заметно изменилось.

— А ты чего разнервничался? — улыбнулся В.В.В. — Мила даст.

— Что на это скажет Ира?

— Ей об этом необязательно знать. Павел, ты понял?

— Понял, шеф, — ответил по-военному Павел.

В.В.В. рассмеялся:

— С чего это ты меня шефом назвал? Мила летит с нами. Так что пусть Тамара закажет билеты нам всем троим. Заодно встречусь там с моими покровителями московскими, так сказать, и надо окончательно решить вопрос с Аннушкиным институтом. Она ведь на медаль идёт?

— Да. Она умница, — улыбка осветила лицо Павла. — Золотая девочка моя крестница. Только сейчас это академия называется, а не институт.

— Если Герман окажется моим сыном, оформлю фабрику на него, и точка, — В.В.В. поднял руку, останавливая попытавшегося возразить Павла. — Понимаешь, 27 лет я не знал о парне и ничего не сделал. Я обязан.

— Володя, — Павел разнервничался, — москвичи хотят только эту фабрику. Если ты им не дашь, они тебя «прокатят».

— Не «прокатят», я им дам большую гостиницу и санаторий на берегу моря. Им нужна не фабрика, а территория.

— А если они не захотят?

— Захотят. В крайнем случае ещё что-нибудь добавлю.

— Зачем? Это наследство детей. Ну дай Миле одну гостиницу, и хватит. Она сама не бедная.

— Она хочет возродить фабрику и прославить наш город. Пусть дерзает, и сын молодой пусть работает. Видно, парень умный. Дети у меня удались. Хорошо, Павел, обсудим всё после результата анализа.

В самолёте Мила выпила успокоительное и немного подремала. На душе было как-то неспокойно. Она прекрасно понимала, что люди не меняются, что Водопьянов остался таким же эгоистом, как и много лет назад, но ради благополучия Германа и спокойствия матери она была готова на всё. В конце концов, добро должно быть с кулаками. Она оказалась в нужное время в нужном месте. Это просто везение, что мэром города оказался Водопьянов. Она просто не ожидала, что её первая любовь, первый мужчина и бывший спортсмен добьётся таких высот на политическом поприще, а не спортивном. Мила даже захихикала про себя. Потом посмотрела на соседа по креслу, тот крепко спал и даже не обратил внимания на её похихикивания.

Самолёт приземлился вовремя. Мила была без багажа, поэтому быстро прошла к выходу. Герман уже её ждал. За ней, буквально преследуя, шёл Водопьянов со своим верным Санчо Панса. Она так соскучилась по сыну, так горя-

чо обняла и поцеловала, как будто не видела сто лет. Рядом остановился В.В.В., а Павел подошёл к какому-то молодому человеку, и они сдержанно обнялись. Мила за этим наблюдала боковым зрением.

— Здравствуйте, Эмилия Александровна, — Водопьянов остановился рядом с ними.

«Вот же гад! — подумала Мила. — А обещал не подходить».

— Мы летели одним самолётом? — улыбался В.В.В., демонстрируя свои белоснежные импланты.

— Видимо, да, — сдержанно отвечала Мила. — Вам кто-то машет.

— Это мой сын Константин, он здесь живёт. А этот молодой человек ваш сын, я правильно понял?

— Да, правильно.

— Владимир Васильевич, — и В.В.В. протянул руку Герману.

— Герман, — ответил парень, пожав мужчине руку. — Очень приятно.

— И мне приятно, — сказал ВВВ и попрощался.

Глава 11

Элла ругалась с Малышевой Еленой Васильевной, вернее с её изображением в телевизоре. Она вещала очередную чушь, в «трубе правды» сидела очередная глупышка. А три верных мушкетёра — солидные врачи — поддакивали Малышевой. Элла — это я.

— Господи, ну что ты несёшь, Малышева?! Откуда ты это взяла? — ругалась я с телеком — больше не с кем было: я живу одна в большом доме на берегу моря. Спасибо, Господи, сбылась моя мечта.

Моя подруга Карина со своим другом уехала, а другая любимая подруга — Люся — явится только в сентябре, и мы отправимся в Ялту. В бархатный сезон в Ялте очаровательно. Обворожительная красота побережья, архитектурный магнетизм дворцов, чарующая природа привлекают взрослых людей именно в бархатный сезон, когда можно и плескаться в сине-зелёных волнах моря, и изучать крымские окрестности.

Я вчера очень поздно легла спать — засиделась за компом, писала свой очередной опус. И, соответственно, встала поздно. Пару раз позвонил полковник с приглашениями к себе на завтрак. Я отказалась, но он был настойчив. Его командный тон меня раздражал, пришлось наврать, что я себя плохо чувствую. Я всё ругалась с телевизором, когда раздался звонок.

«Господи, неужто полковник пришёл меня проведать с баночкой мёда?» — вздохнула я (дефицит общения явно сказался на моей психике), но я всё-таки, прервав свой мо-

нолог с Малышевой, подошла к домофону. Вот тебе раз — молочница, да ещё так поздно. Я открыла калитку и пригласила её в дом.

— Вы сегодня так поздно? Я думала, что вы меня не добудились.

— Здравствуйте, Элла. Можно стакан воды? Ещё нет и двенадцати, а жара уже на дворе — сил нет.

— А как вы хотели — июнь месяц, — я пригласила молочницу на кухню, налила ей водички.

— Эллочка, положите сразу вашу ряженку и творог в холодильник, а то два часа в сумке находились. Я присяду, отдышусь. Еле успокоилась.

— А что такое? — полюбопытствовала я и приготовилась слушать про её непутёвую сноху.

— А вы что, не курсе, что у ваших соседей случилось? Там милиции полный двор, уж и друг там ваш, полковник, что-то бродит. Кошмар вселенский. Убили, убили, изверги.

— Кого это убили? — у меня похолодело в груди. — Веру, что ли?

— Какой там Веру? Хозяйку, королеву эту, что шубы шьёт! Как я пришла, так меня стали допрашивать, всё выясняли, кому, что, во сколько — всё-всё записали. И про вас спрашивали. Про всех, кому молочку разношу. Кто да что. Рассказала, что знаю. Вера там отпаивала женщину одну пожилую — видно, мать королевы. Скорая помощь была. А вы соседка, и не в курсе.

От этой ужасной новости я просто онемела, а потом стала оправдываться.

— Я ведь поздно встала, и потом — сразу вниз, в душ, и кофе свой выпить. Мне соседей только с балкона второго этажа видно, да и то лишь часть внутреннего дворика — что там увидишь? А я сегодня и не выходила, — сказала я, и вдруг какое-то смутное воспоминание мелькнуло у меня

в голове. Я пыталась поднять из памяти что-то важное и не могла ухватить, поймать эту мысль за хвост. Я быстро спровадила молочницу. Вот почему полковник не явился меня проведать! Видно, шёл ко мне, а потом увидел у ворот соседей машины наших служб и потопал туда командовать по старой армейской привычке. Удивительно, что его оттуда до сих пор не выперли, а разрешают под ногами путаться. Вообще-то он ушёл в отставку в звании подполковника, но я его зову полковником — букв поменьше, и ему приятно. Подполковник звучит как-то иронично, по крайней мере мне так кажется. Я быстро оделась и вышла на улицу, надеясь поймать своего поклонника — раз он там ещё торчит, то рано или поздно объявится. И таки я его дождалась, правда, пришлось минут пятнадцать ждать, но ничего, сидела в тенёчке под платаном и изучала Инстаграм. А вот и полковник: идёт от соседского дома в какой-то новой футболке с модным принтом, весь лощёный, благоухающий — ко мне собирался явно.

— Здравствуйте, Эллочка, что вы здесь сидите?

— Вас дожидаюсь, товарищ полковник, — по-армейски отчиталась я.

— Не полковник, а подполковник. Я вам сколько раз говорил, Эллочка!

— А я вас произвела в полковники. Если будете доставать, то буду генералом называть, — чёртики так и играли в моих глазах.

— Ну, Эллочка, — тихо произнёс смущённый и покрасневший полковник, — не смейтесь надо мной, я ведь к вам шёл. Как вы себя чувствуете?

А я уже и забыла, что притворилась больной. Потому даже и не ответила на его вопрос.

— Что там случилось? У соседей. Мне молочница рассказала немного.

— Да толком ничего и не узнал. Убийство. Этот шельмец Сашка, Серёжин сын, ничего особо и не сказал. «Товарищ подполковник, проводятся следственные действия, идите пока домой»... Взрослый стал.

— Не поняла! Сашка — это кто? Капитан Золотарёв, что ли? Его не перевели ещё в Москву?

— Не капитан, а майор он уже. В сентябре переведут, обещали. А там — кто знает. Да... Он — важняк на этом убийстве. И вся его опергруппа здесь. Убитая из Москвы, но родом из этих мест, известный предприниматель. Тут уже куча народа. Как убили, когда — не знаю. Потом у Сашки узнаем. Он к вам зайдёт, вы же ближайшая соседка.

— Я хочу туда пойти.

— Думаю, что не стоит. Домработница вызвала мать. Бедной женщине плохо. Пришла подруга. Уже из Москвы вызвали сына и партнёра. Резонансное убийство. От этого ещё и перевод майора зависит, — докладывал мне мой поклонник-полковник.

— Вы правы, полковник, пойдёмте ко мне чай пить. Вы же ко мне шли? А там и Золотарёва дождёмся. Думаю, что сейчас кто-нибудь из его группы заявится. Одна не хочу быть.

— Эллочка, милая, я счастлив с вами посидеть. Из ваших рук — даже яд.

— Фу, полковник, какая банальщина.

— Ну, что поделаешь, Эллочка, я ведь вояка.

Полковник мог жить только в экстремальных ситуациях, и ему хотелось делать по-настоящему значимые дела. А тут приходится сажать зелень и цветы, выращивать виноград и готовить вино, гулять по побережью и учиться жить для себя, отдыхать... но именно этого он не мог.

Слухи по нашему коттеджному посёлку расползлись, как раковая опухоль. Полковнику звонили мужики-соседи, с ко-

торыми он иногда пиво с местной барабулькой, жаренной на огне, распивал. Бывало, и меня приглашали. А у меня из знакомых был только полковник и Вера — домработница королевы меха. Мы прошли с ухажёром ко мне в дом, я была голодна и накрыла красивый завтрак прямо на кухне, предварительно извинившись перед ним, что не в гостиной.

— Что вы, Эллочка! У вас на кухне красиво, как в музее! А вкусно-то как! — льстил мне старый вояка, сглатывая слюну. — Хоть я ел часа два назад.

— В таком случае, милый полковник, у нас будет что-то среднее между завтраком и обедом, — игриво сказала я, смотря, как краснеет полковник. Взрослый мужчина, прошедший огонь, воду и медные трубы, он краснел, как безусый юнец. Моя среда обитания не была близка полковнику, но приоритеты у нас были одни и те же. Мы, выросшие в одно и то же время, впитавшие с молоком матери идеи советского воспитания, ценили в людях не наличие денег, а порядочность, честность, доброту, были в своих порывах едины.

— Эллочка, какая рыбка прекрасная! Эллочка, а рагу — просто объедение! Эллочка, а как мясцо маринуете? Просто во рту тает, — не переставал нахваливать меня полковник.

Я даже мысленно себя поругала, что нечасто приглашаю его поесть у меня: мужик живёт один, и еда у него, соответственно, холостяцкая. А он мне то рыбки наловленной, то мёда, то овощей или ягод собственноручно выращенных. Решила, что отныне буду пару раз в неделю звать его к себе на обед... и терпеливо выслушивать его рассказы о службе и рыбалке. Отвыкла я совсем от мужчин, одичала, Каринка права.

Нашу трапезу прервал звонок в дверь. Лейтенант полицейский стоял у ворот, я не впустила и говорила по видеодомофону. Объяснила учтиво, что разговаривать буду только с майором Золотарёвым и что у меня для него есть ценные

сведения. Лейтенант всё бубнил, что все соседи дали показания, а я вот, такая-сякая, не хочу. Разозлившись, он стал кричать в домофон:

— Ваша фамилия?

— Златогорская Элла Глебовна, — со смехом в голосе отвечала я.

— Как-как? — всё переспрашивал бедный лейтенант.

— Лейтенант, скажи Золотарёву, чтоб зашёл сюда, — ответил за меня полковник, тихо возникнув за моей спиной, потом взял трубку домофона и водрузил на место. — Эллочка, как вы можете издеваться над стражем порядка? Он же при исполнении, — учтиво, почти что ласково наставлял меня полковник.

— Не права, не права. Сдаюсь, — я подняла руки вверх. — Сейчас придёт Александр Сергеевич, поставлю ему прибор. Он любит мои блюда.

— Вы знатно готовите, Эллочка, — всё льстил мне полковник, продолжая есть.

Золотарёв не заставил себя ждать, быстро появился.

— Элла Глебовна, здравствуйте! Я так и знал, что это вы отшили моего лейтенанта.

— Проходите, Александр Сергеевич. Не надо разуваться. А зачем вы прислали лейтенанта? Могли бы и сами прийти.

— Вот именно, товарищ майор, — вышел ему навстречу из кухни подполковник.

— О, и вы здесь, товарищ подполковник. Вот мама обрадуется, — улыбаясь, говорил Золотарёв, направляясь в гостиную.

— Не туда, Александр Сергеевич, — я жестом показала ему, — мы на кухне сидим.

— О, какие запахи, Элла Глебовна! С ума сойти! — и новоиспечённый майор уселся на место, которое я ему указала, сразу принявшись за трапезу.

Я с полковником переглянулась, тот усмехнулся, мол, ну что я тебе говорил: сейчас поест и потом начнёт свою беседу-допрос. Так и получилось.

— Спасибо, Элла Глебовна, вкуснотища! А чайку можно?

Я налила майору чай, заодно полковнику и себе.

— Ваш лейтенант, Александр Сергеевич, сильно рвения не проявлял. Я ему дала от ворот поворот, а он и рад. Пошёл прямохонько.

— Он подворовой обход делал. Позвонил мне, сказал, и дальше пошёл, — защищал Золотарёв своего подчинённого.

— Сашка, что случилось с соседкой? — вставил свои пять копеек полковник, не дав мне и рта открыть.

— Убили её вчера поздно ночью тяжёлым предметом по голове... Она так и осталась лежать на полу в гостиной. Если бы вовремя оказали помощь, то, может быть, спасли. Молодая, красивая — и такая нелепая смерть. Кто? Что? Ничего не знаем. Одни предположения. Проверяем телефон, связи, контакты. Поговорили с обслугой. Ночью прилетит сын с партнёршей королевы. Девчонка наша, местная. Какая там девчонка уже... — горько продолжил Золотарёв, — Сорок пять лет. Маме — семьдесят пять, бабушке — за девяносто. Всё на ней держалось, вся семья. Мать не знает, что своей матери-старухе сказать, — бабка тут же умрёт. Плачет она сразу за обеих. Причитает. Скорая обколола её, но её не берёт ничего.

Я вдруг всплакнула. Нестерпимо стало жалко именно эту женщину, потерявшую единственного ребёнка и оставшуюся со старой мамой на руках. Она — на самом деле несчастная пожилая женщина, которая не знает, как посмотрит в глаза своему внуку, какие слова утешения найдёт. Оба мужчины на меня посмотрели с удивлением, но ничего не сказали. Полковник попросил у меня сигарету и вышел во двор. Он уже давно бросил курить и с собой сигарет не носил, дабы не соблазниться.

— Веру я знаю, — вдруг я заговорила, — хорошая женщина. Она с мужем здесь давно, ещё с конца зимы, как дом достроили. Обустраивали его, мебель завозили, технику, муж следил за садом, за цветами. Сама хозяйка приехала на майские, у них гости были, сабантуй. Она здесь бутик открыла в новом торговом центре.

— Знаю. Мне рассказала Татьяна Бажанова — директор шоу-рума, одноклассница Эмилии. Подробно я её не успел допросить, так, в общих чертах.

Вошёл угрюмый полковник, попросил у меня чашку кофе.

— Элла Глебовна, а Вера вам не рассказывала, как она попала в дом к Белявской?

— Рассказывала, по рекомендации её мамы. Тем более что им жить негде с мужем, вот мама Эмилии их пристроила. Они разместились в гостевом домике и работают тут же. Очень удобно. Мила им хорошо платит, вернее, платила. Вера хозяйку всё Милочкой называла. Да, Александр Сергеевич, я вам хотела рассказать, что видела вчера ночью.

— Вы что-то видели и молчите? — Золотарёв аж обомлел, да и полковник на меня посмотрел как на умалишённую.

— Не смотрите так, я не больная на всю голову. Вчера я досмотрела программу «Время» у себя в спальне и вышла на балкон покурить. Телевизор выключила — такой тупой сериал идёт по обоим каналам, да и по другим дребедень, что решила покурить, море послушать, а потом взяться за свою писанину.

— Очередной шедевр пишете? — не сдержался, подколол майор. Понятно, он — профи, а я пишу детективы для дилетантов, зато интересные, жизненные.

— Сашка, хватит, пусть рассказывает, — поддержал меня полковник. — Что дальше, Эллочка?

— Смотрю — машина подъехала, джип такой чёрный. Мужчина вышел, походил, сделал звонок, потом достал папочку какую-то из машины и подошёл к калитке.

— Это калитка, которая выходит на море? Там же велосипедная дорожка.

— Да. Дорожка велосипедная и для мамочек с колясками — специально построили, чтоб жители могли воздухом морским дышать. На машинах редко кто подъезжает. С этой стороны ни камер нет, ни домофонов. Для личного пользования хозяев. — Дальше что? — нетерпеливо расспрашивал Золотарёв.

— Потом вышла Мила, жестом пригласила мужчину, но он отказался, передал ей папку и уехал. Она закрыла калитку и ушла.

— Вы его разглядели?

— Нет, — сказала я, зная, что разочарую майора. — Лица я его не видела, так как он стоял спиной к фонарю, а фонарь далеко, и свет тусклый. Но видно, что мужчина здоровый.

— И, конечно, номер машины не запомнили?

— Не запомнила, честное слово. Но зато точное время сказала, и то, что он ей звонил.

— А почему именно ей?

— Так калитка закрыта. Он звонил, чтоб она открыла, вышла и взяла папку. Иначе никак.

Майор задумался, потом вскочил, стал звонить куда-то, чтоб уточнили, какой номер зафиксирован во входящих у Милы в это время.

— Да, Александр Сергеевич, я видела, что он ещё один звонок сделал, прежде чем вышла Мила.

— Спасибо, Элла Глебовна. Вы меня просто выручили. Похоже, эта папка и лежала на столе в зале, где её убили. Листы были разбросаны.

Потом мужчины одновременно встали и вышли из-за стола. Уже в прихожей майор обратился ко мне:

— Элла Глебовна, у меня к вам просьба, и я знаю, что вы это можете сделать. Ваш женский ум и природное обаяние...

— Майор, хватит комплиментов, говорите. Я всегда рада вам помочь, тем более я люблю участвовать в ваших расследованиях.

— Раз вы с домработницей Верой на короткой ноге, расспросите её о вчерашнем дне хозяйки, о её муже, и почему им негде жить. Ухватитесь за что-нибудь. Я знаю, у вас получится.

— Хорошо. Сегодня я уже не пойду к ним — не до меня, да и обстановка гнетущая. А завтра проведаю Веру и всё узнаю. И вы меня держите в курсе, хорошо?

Мне было так грустно, что всё из рук валилось. Я позвонила детям, поболтала с ними — они на меня действуют как успокоительное. Потом набрала по очереди подруг. Еле удержалась, чтоб не рассказать Карине о том, что произошло в соседнем доме. Она была у меня в гостях со своим гражданским мужем и видела Милу.

На следующий день после завтрака я отправилась к соседям. Вера встретила меня любезно, пригласила в дом. Она была одна, муж куда-то ушёл. Людмилу Николаевну — маму Эмилии — отвезла домой Таня Бажанова, туда же приехали и Герман с Еленой, потому никого и не было в новом особняке. Эмилию решили хоронить здесь, в Морегорске, из родительского дома. Никого из Москвы не пригласят на похороны — только самые близкие, потому услуги Веры и её мужа там не понадобятся, они пойдут только попрощаться. Вере всё это сказала по телефону Таня сегодня утром. Потом приезжала Елена, взяла какие-то вещи Милы и ушла. В этот роковой день всё было тихо-мирно. Вот что рассказала Вера про вчерашние сутки.

Мила вызвала такси и поехала к матери. Вернулась около восьми вечера. Что-то делала у себя в комнате, поужинала

и отпустила Веру. Та отправилась в свой домик. Муж смотрел телевизор. Она слышала, что около одиннадцати ночи кто-то зашёл в дом, так как калитка заскрипела на главном входе. Когда выходили, она не в курсе — заснула. Но есть камеры видеонаблюдения, их уже изъяли, там всё видно. Это и есть убийца, по всей вероятности. Больше некому, и Вера заплакала.

— Очень жалко Милочку, хорошая была, добрая...

— Вера, а как вы к ней попали на работу, да ещё так удачно? И живёте здесь же, при доме. Вы не местная?

— Почему это? Я местная, у меня дом здесь, недалеко от города, в селе. Но я вышла замуж, а сын не принял моего мужа нового. Он категорически был против моего замужества, хотя сам уже и женат, и ребёнок есть. Муж мой моложе меня, но хороший, добрый, не обижает. Я оставила сыну дом, который ещё его отец, муж мой покойный, строил, а с новым мужем переехала сюда, в город. И как-то я на рынке, где продавала излишки с сада-огорода, познакомилась с Людмилой Николаевной. Разговорились, я ей о себе рассказала, она мне о себе. Вот так сюда и попала. Что дальше будет — не знаю. Герман придёт, скажет. Но пока ничего не знаем. Полицейский всё расспрашивал и меня, и мужа. А мы же не в курсе — спали мы.

— Ясно. Тяжёлая судьба у женщин. И дети неблагодарные, счастья матерям не желают.

— Ну что вы, Элла, сын у меня хороший. Только мужа моего не принял. Сразу невзлюбил его.

— Может, ревность сыновья?

— Может быть, — горестно вздохнула бедная женщина.

— А муж где ваш?

— Наверное, уже в дом пошёл. Мы ведь баню русскую ставим во дворе, вот с утра рано встал, доделывал — помощник его что-то сегодня не появлялся. Муж позвонил,

сказал, чтоб не приходил пока. Думал, что людей много будет. Уже неделю ставят баньку. Вот-вот должны были закончить.

Я попрощалась с Верой и ушла. Ничего нового я не узнала, кроме того, что баньку строят и помощник работает вместе с Вериным мужем — одному тяжело. Но это и майор без меня узнал, конечно.

Того, кто приносил папку Эмилии и кого я видела, вычислили сразу. Это был начальник службы безопасности мэра Морегорска Павел Григорьевич Шаповалов. А он и не отпирался, сказал, что мэр попросил его отвезти все документы Эмилии Белявской, чтоб она просмотрела. Павел узнал и папку, и бумаги. Они готовились больше месяца, это документы на приобретение фирмой Белявской фабрики. На днях должна была состояться сделка. Белявская — старая знакомая шефа, а так как шеф сейчас в больнице, он попросил отнести Павла лично. Потом Павел позвонил Ирине Михайловне — жене шефа — узнать, как себя чувствует Аннушка — его крестница. Анна уже неделю болеет, может, из-за экзаменов, может, из-за отца. Потом Павел поехал к ним, проведал — и домой. Всё это чётко, по-военному он изложил Золотарёву. А из того я всё по крупицам вытащила.

Глава 12

Елена и Герман прилетели вместе. Парень держался еле-еле. Он всё время плакал и курил. Если бы не Серёжа Дубов — друг детства и одноклассник Эмилии — Герман не смог бы просто физически перенести того горя, что свалилось на него. Такой удар не под силу выдержать даже взрослому человеку. Поэтому Елена одна пошла к Золотарёву. Майор очень извинялся, что тревожит её, пока ещё тело не предано земле, но чтоб найти убийцу, надо торопиться. Елена честно отвечала на вопросы майора:

— В тот день, когда Мила прилетела из Морегорска в Москву, её встретил Герман. Мэр Морегорска является биологическим отцом Германа. Он прилетел вместе с Эмилией, для того чтоб сделать анализ ДНК. Хотя В.В.В. безоговорочно верил Миле, но на кону была большая ставка — фабрика, которую Мила собиралась выкупить у города. Только по этой причине Мила раскрыла всё мэру — это был её козырь, поскольку он не хотел отдавать ей фабрику: у В.В.В. были свои планы на неё. К одной и той же цели ведёт множество путей. Посредством подарка, то есть фабрики, мэр хотел купить себе место в Госдуме. А Миле фабрике нужна была, чтоб закрепиться в городе, создать рабочие места. И каждый считал свою цель благородной.

Елену душил гнев, когда она рассказывала о мэре.

— Он раздаривал народную собственность для достижения своей цели, для своего благополучия. Мила поехала к Герману и осталась у него. К себе она не пошла, так как Платон ещё не освободил квартиру. Кто такой Платон? Это

бывший бойфренд Милы. Нет-нет, к убийству Милы он не имеет никакого отношения, он и вчера весь день был на работе, и позавчера. Он очень хороший специалист, благодаря ему на фабрике порядок и соблюдается техника безопасности, он — глаза и уши фабрики. Я бы его и не увольняла, если бы не Герман. Он Платона недолюбливает: сынóвья ревность, а Мила в Платоне как в мужчине своей мечты давно разочаровалась, жила с ним гражданским браком по инерции. Появился повод, и она с удовольствием и успокоением с ним разбежалась. Тест ДНК подтвердил, что Герман сын мэра. Об этом знали только Мила, сам Водопьянов, его начальник службы охраны Павел и я. Всё. На тот момент знали мы четверо.

«Да, дела... — хмыкнул про себя Золотарёв. — А что Павел Шаповалов мне об этом не сказал? Скрывал шашни шефа? Или что ещё? Тем более к убийству это не имеет никакого отношения».

— Потом Мила и Герман полетели в Морегорск вместе. Да, в аэропорту в Москве по приезду В.В.В. познакомился с Германом, просто так, шапочно: он обещал Миле ничего сыну не рассказывать, только в исключительном случае, при крайней необходимости. Герман в Морегорске подружился с девочкой, у них прям любовь-любовь была. Почему была? Слушайте, и я вам всё расскажу.

Елена рассказывала тихо, подолгу молчала, как будто пыталась штурмовать свою память, потом судорожно вставляла какие-то междометия — своё горе она прикрывала вымученной улыбкой.

— Я сейчас продолжу. На последний звонок к девушке (она оканчивала школу) Герман пошёл один. У детей были большие планы на будущее. Девушка после школы собиралась в Москву. Она очень умная, целеустремлённая. На выпускном Гера познакомился с мамой девочки, та Герману очень понравилась — стильная, интеллигент-

ная. Мама прекрасно понимала, что в Москве дочка будет встречаться с Германом, и никуда от этого не деться — запрещай, не запрещай, — и решила его пригласить на семейный ужин, чтоб познакомить с мужем, пообщаться, получше узнать парня. Целый день Герман гулял с Аней, с её подругами и одноклассниками. А вечером поехал к ней домой. Мила его наставляла и переживала очень. Сама даже купила букет цветов для матери девушки, для отца — бутылку дорогого виски и для девушки — шикарные конфеты. Герман нервничал: такое у него первый раз в жизни, но без этой встречи ему не разрешат общаться с Аней. Дом у Ани стоит на берегу моря, и это не дом в простом понимании слова — это барская усадьба с отдельностоящими постройками для гостей, для прислуги, с открытым и закрытым бассейнами, с прудами, с вековыми соснами, с собственным причалом, с кортом для тенниса и баскетбольной площадкой и всем остальным тем, что делает жизнь человека прекраснее и комфортнее. Аня ждала Германа на центральной дорожке с таким нетерпением, как будто они расстались не пару часов назад, а как минимум пару лет. Любовь окрыляет человека и одновременно застит ему глаза. Стол был накрыт в столовой. Кухарка постаралась — всё было красиво и изысканно. Молодые пошли в комнату Ани, потом она показывала ему дом. А отца всё не было. Мама сказала, что можно садиться за стол — отец позвонил, что задержится. Во время ужина велась непринуждённая беседа, как вдруг Аня вскочила и бросилась на шею вошедшему мужчине.

— Папочка, хорошо, что ты пришёл пораньше, я тебя хочу познакомить!

— Вот поэтому я и пришёл пораньше.

— Ты один? — обратилась к мужу мама Ани. — Павла нет с тобой?

— Нет. Он уехал по делам. У нас здесь своё, семейное дело. Ну, давай, доча, знакомь.

И тут, увидев Германа, отец Ани (а именно он и был мэром Морегорска) изменился в лице. Видно было, что он еле сдерживался. Герман представился, а потом вдруг сказал:

— Я вас вспомнил, мы уже с вами знакомились в аэропорту в Москве, я тогда маму встречал.

— Да, да, припоминаю.

— Папочка, Герман, правда, на нашего Костю похож?

— Правда, доча, — Водопьянов повернулся к жене. — Ира, мне что-то плоховато стало. Пойду к себе в кабинет.

— Да, конечно, — жена засуетилась. — Пойдём в кабинет, на второй этаж подниматься не надо. Может, скорую вызвать? Сейчас давление померим. Аня, вы посидите с Германом одни, поешьте.

— Хорошо, мамочка, — Аня всегда была вежливым и послушным ребёнком...

— ...Вот такие дела, товарищ майор! Все слова Милы мне вчера подтвердил Герман. Он ещё посидел у Ани с полчасика и попрощался — поехал к матери в новый дом. Обычно он ночевал всегда у бабушки, но на этот раз ему хотелось всё рассказать маме. Та его обняла и крепко поцеловала, слушая его восторженные рассказы, а ведь сама была в курсе: ей уже позвонил В.В.В. и всё рассказал. Мила в шоке: её сын влюбился в родную сестру, пусть только по отцу, но сестру! Такое только в кино можно увидеть. Вместе с В.В.В. они решили, что Мила всё расскажет Герману, и он уедет в Москву. Нужно сделать так, чтобы он прекратил всякое общение с Аней, а так как она девушка гордая, то возьмёт себя в руки и навсегда забудет о человеке, который ею пренебрёг и обманул. Конечно же, Мила жалела своего сына, щадила его чувства, но другого варианта не видела. Только так можно было вылечить их обоих от этой любви, возникшей,

как раковая опухоль на теле здорового человека: отрезать, пока не поздно. Мила ещё раз убедилась, что между детьми не было никаких близких отношений, радостно вздохнула, налила себе и сыну по чашке зелёного чая и начала свой рассказ издалека: как когда-то она, 17-летняя девушка, ученица выпускного класса, влюбилась в своего 27-летнего учителя. Неисповедимы пути твои, Господи. Герман молча выслушал свою мать. Цикличность истории — так любила говорить Мила. Всё повторилось, но сын Милы, в отличие от своего биологического отца, оказался порядочным человеком. Он улетел первым же рейсом, при Миле отправил Ане сообщение, что её не любит, что это ошибка, и заблокировал её. Герман обещал Миле, что не будет делать глупостей и с головой уйдёт в работу. Мила позвонила мне и всё рассказала. Герману было всё равно, что он узнал, кто его отец. Любовь к собственной сестре точила его изнутри. Договорившись с Милой, я отправила его в командировку в Финляндию за пушниной вместе с главным технологом, затем — в Турцию за фурнитурой. Герман мне как сын, моё сердце за него болело не меньше, чем Милино. Парень до сих пор не отошёл. И вот такое горе. О них я больше ничего не знаю. О чём вы ещё хотели узнать? Потом, потом зададите мне вопросы. Завтра похороны моей Милочки. Будем вдвоём с Людмилой Николаевной её наряжать в последний путь... — Елена встала и ушла, мигом превратившись в старушку: ей трудно было произнести эти слова, но она пересилила себя и сказала их, чтоб ещё раз осмыслить эту трагедию.

Золотарёв подписал ей пропуск и даже не встал её проводить. Никак не может он привыкнуть к людскому горю, к искренней скорби. Много он повидал на службе, и не мальчик уже, а привыкнуть не получается. Сгорит он на этой работе, сгорит... Всякий раз он говорил себе это, но и всякий раз думал: «А кто, если не я?» Каждому своё...

Утром Золотарёв позвонил мне и сразу пришёл. Я ему опять в подробностях изложила свой разговор с Верой. Александр Сергеевич сказал, что торопится очень — хочет успеть сегодня на похороны Эмилии, — и попросил меня посмотреть один видеоролик у себя на телефоне. Запись была очень плохая. Женщина стоит у ворот. Никого она мне не напомнила. Золотарёв попросил внимательно посмотреть ещё раз уже на увеличенное фото с ролика.

— Элла Глебовна, эта женщина приходила часов в 11 ночи к Эмилии. Вот она стоит у ворот, ей открыли калитку, и она вошла.

— Александр Сергеевич, миленький, не знаю её, здесь не видела. Перекиньте мне на телефон, я ещё раз посмотрю. Что-то смутно знакомое есть. Сумочка у неё фирменная, очень красивая, я где-то видела, но вспомнить не могу. А вот вдали машина, номера не различили?

— Нет, к сожалению. Мы можем объявить в поиск машину, но это долгая история.

— Вера ведь говорила, что они уже легли спать с мужем, когда она услышала скрип открывающейся калитки и как кто-то вошёл. Я вечером зайду к Вере и покажу фото, может, она узнает. А вы расспросите у сына или партнёрши, может, женщина — друг семьи или знакомая.

— После похорон сразу не смогу говорить с ними: представляете, в каком состоянии они будут? Завтра утром. А сегодня я займусь Вериным мужем, — Золотарёв нервничал. — Надо найти убийцу — дело резонансное, да и жалко эту королеву меха. Эмилия — наша, местная, родилась и выросла здесь. Её маму весь порт знает, а бабушку старожилы крепко уважают.

— Найдёте вы убийцу, Александр Сергеевич. Вы же сами говорите, что мотивов всегда несколько на все времена — помните, вы мне рассказывали? — деньги, ненависть, лю-

бовь и власть. Вот и всё. А я сегодня поговорю ещё раз с Верой и соседями.

— Деньги, деньги, деньги, — твердил как заведённый Золотарёв. — А ведь у неё ничего не пропало — мне домработница сказала.

— Александр Сергеевич, откуда домработница знает всё? Надо у сына расспросить, у матери, у партнёрши.

— Вы правы, Элла Глебовна, придётся мне сегодня всё-таки поговорить и с сыном, и с Еленой.

— Обязательно надо. Чай будете с бутербродиком вкусным? Сама лосось солила. А то до похорон ещё два часа, проголодаетесь.

— С удовольствием. Выпью и побегу. Вы же в курсе, что я вечно голодный.

— Александр Сергеевич, знаете, что я подумала? А ведь этот Шаповалов — начальник охраны мэра и, как говорят в городе (я тут у соседей поспрашивала), личный друг мэра, ещё с детства. И он наверняка знал, что сын королевы — внебрачный сын мэра, но вам не сказал. Почему?

— Я об этом тоже подумал. Но он очень умный человек, продуманный, тем более военный. Он просто отвечал на заданные ему вопросы. Лишнего не говорил. Человек знает своё дело. Я потом с ним побеседую ещё раз, когда буду всё знать о них.

— Хорошо. Я тоже хотела пойти на похороны, но решила, что я там лишний человек. Вечером поговорю с Верой и перезвоню вам.

Целый день я ходила сама не своя. Мысли угнетали меня. Каждый раз, когда я сталкиваюсь со смертью, начинаю думать о своём муже, о том, что он очень рано умер, что он исчерпал свою жизнь на этой Земле и Бог его забрал к себе — значит, он ему для чего-то нужен на небесах. Эти мои вопросы, обращённые к Богу, — риторические, и вряд

ли в этом мире я найду на них ответ. Но Милу не Бог призвал к себе, её время ещё не наступило. Кто-то другой, такое же живое существо, как и мы, решил лишить её жизни. Он взял на себя функции Бога, которые ему никто не передавал. Бог — един и всемогущ. И я уверена, что он покарает того, кто это сделал. Судя по всему, Мила — хороший человек, она ни разу не потревожила биологического отца своего сына, сама решала свои вопросы, помогала многим людям. Кто и за что её убил? Он, этот нелюдь, не знал одного закона жизни: смерть одного человека не может быть основой для счастья другого. Он никогда не будет удачлив, никогда. Не сможет спать спокойно, есть спокойно, дышать спокойно.

К Вере я пошла часов в 6 вечера. Случайно увидела с балкона, как её муж поливает деревья на заднем дворике и решила, что они наверняка уже давно вернулись с похорон. Вера была в чёрном, когда открыла мне калитку.

— Эллочка, проходите, — лицо у неё было опухшее от слёз. — Я только пришла.

— А я вашего мужа увидела, вот и решила, что вы вернулись.

— Да. Он давно пришёл, сразу после кладбища. А я на поминках помогала, потом за бабушкой ухаживала, побыла немного и ушла, — Вера опять всхлипнула. — Смотреть на Людмилу Николаевну не могу. До боли жалко. Очень она хороший человек, добрый. Такое горе.

— А как бабушка?

— Бабушке 93. Железная леди. Сама догадалась обо всём. Вывели её во двор на Милочку посмотреть. Ни слезинки. Так и сидела в своей инвалидной коляске у гроба, как статуя. Только пару раз кулаком грозилась кому-то в небо. Видно, с Богом отношения выясняла. Подруги убиваются. Сынок вообще никакой.

— Вот горе горькое. А как вы теперь?

— Даже и не знаю. Пока здесь будем. Дом же надо кому-то сдать. Муж предлагает уехать сразу же. Но я так не могу. Я должна всё хозяйство передать. И потом, мы подписку о невыезде подписали, — Вера горестно вздохнула. — И не хочу я в эту Москву.

— Муж в Москву предлагает поехать, что ли? — Вера принесла чашки для чая, конфеты, и мы сели возле их гостевого дома в маленькой беседке.

— Да. Говорит, что нечего делать нам в Морегорске. Несчастья преследуют. А в Москве у него друг есть, поможет по хорошей цене квартиру снять в Подмосковье. Будем работать.

— Знаю. Я ведь тоже из Москвы. Этот дом снимаю.

— Да, Эллочка? А я думала, что вы — хозяйка, — удивилась Вера.

— Нет. Дети мне снимают. Мне по здоровью показано у моря жить, йодом дышать.

— А сколько детей у вас?

— У меня два сына и одна сноха.

— А у меня один сын и одна сноха, — и сразу глаза Веры засветились, как будто лучики солнца появились, — и внук один. Одни мужчины у нас.

— У вас маленький дом, места нет, что ли? Почему не живёте с детьми?

— Жили, Эллочка, три месяца, но потом сын как взбрыкнул. Выгони Лёшу (Леша — мой муж), или уходите, и всё тут. Что на него напало — не знаю. Что-то они выясняли, даже подрались. Я и решила идти на квартиру. Детей проведываю, в огороде помогаю, с внуком вожусь, но без Лёши.

Пока мы с Верой беседовали, пили чай, появился муж Веры. Очень приятный мужчина, лет сорока пяти, загорелый, спортивный, сдержанно поздоровался и прошёл в их домик.

— Что, Верочка, большой дом опечатали?

— Да. Опечатали. Майор сказал, чтоб без него не заходили, бумажку не снимали. Он сам придёт с Германом. Ой, горе-то какое!

— А с банькой что? Недостроенная будет стоять?

— Нет, что вы! Завтра приятель мужа придёт, и они доделают. На несколько дней работы осталось. Материалы все есть, и деньги Милочка за работу заранее дала. Муж говорит, что закончить надо обязательно. Милочка так хотела у себя баню русскую, даже веников привезла разных из Москвы, импортных каких-то. Ой, Мила хорошая девка была, недолюбленная, так и умерла в самом соку. За что убили? Никак не пойму.

— Жизнь такая. Убийцу найдут обязательно. Майор Золотарёв — отличный специалист. У него свой кодекс чести. Он это дело так не оставит. Идите мужа кормить — вон он уже выглядывает, — а я пойду к морю прогуляюсь чуток, купаться уже не буду.

Красоту моря не описать словами. Мне хочется петь, когда я смотрю на него. Я присела на низенький деревянный парапет, любезно сделанный застройщиками для жителей коттеджей. Слышался восторженный визг детишек и окрики грозных бабулек. Море, солнце, виноград — кто же этому не рад. Правда, винограда местного ещё не было, всё-таки июнь месяц, а импортного — навалом. Но я люблю наш, местный, особенно сорт «дамские пальчики». Интересно, почему человек любит то, что ему нельзя? Запретный плод сладок. Вот так мы устроены люди-человеки...

Я позвонила Золотарёву, доложила о своём разговоре с Верой. Пыталась у него что-нибудь новенькое выведать, но бесполезно. Сказал, что завтра будет в нашем районе и зайдёт. Ой ты боже мой! Смотрю — а издалека мне полковник машет. Вот тебе раз! Ну что ж, прогуляюсь с бравым воякой.

На следующий день после обеда Золотарёв сам позвонил мне, попросил захватить паспорт и зайти в соседский дом, также сказал, чтоб я и полковнику то же передала. Я набрала номер поклонника.

— Полковник, Золотарёв просит, чтоб вы с паспортом явились в дом к убитой.

— Сам, что ли, позвонил? Или вы разыгрываете меня? Обещали сообщить, когда он придёт.

— Полковник, с чего это мне вас разыгрывать? Я серьёзно. Я уже пошла. Давайте быстро! —накричала я на бедного полковника.

— Есть, мой генерал, — ответил чётко полковник.

Думаю, что он меня догонит. Мне надо ещё подкраситься, надушиться. Привычка с юности: я даже перед тем как мусор вынести, привожу себя в порядок. Как я и предполагала, полковник был у моего дома, когда я вышла на улицу — быстрый мужик, или, как сейчас говорит молодёжь, «чёткий паря». Мы вдвоём вошли во двор к соседям, там уже был майор со своими помощниками, Елена сидела на скамейке с Верой и где-то недалеко у большого дома лейтенант беседовал с мужем Веры. Полковник подошёл к мужчинам. Майор Золотарёв поздоровался с нами и обратился ко всем присутствующим:

— Прошу всех следовать за мной, — и направился к большому дому.

У дверей он сказал конкретно нам:

— Товарищ подполковник и Элла Глебовна, прошу вас быть понятыми, и передайте свои паспорта лейтенанту.

Мы послушно передали документы.

— Обратите внимание: дверь опечатана нами и не тронута никем. Бумага на месте, сургучная печать на месте, лента не тронута, — и майор сам открыл дверь. — Значит так, лейтенант, вы с Алексеем оставайтесь на кухне и про-

должайте опрос в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, а остальные за мной на второй этаж.

Мы все поднялись и столпились у дверей спальни, совмещённой с кабинетом.

— Вера, вы знали, что в кабинете есть сейф?

— Конечно, знала. Я ведь уборку делаю в доме, да и сейф ставился при нас.

— При ком при вас?

— При мне и муже.

— Ясно, — продолжал майор. — А вы, Елена, знали о сейфе?

— Конечно.

— Прошу вас обеих пройти и показать место.

Обе женщины подошли к батарее и сдвинули в сторону деревянную обшивку. Сейф был на месте. Он закрывался на ключ и ещё был кодовый замок.

— Где ключ от замка, знаете?

Вера отрицательно покачала головой. Елена сказала, что знает и код, и где находится ключ.

— Да, мы нашли в сумке у Белявской связку ключей, один из них, видимо, и есть от сейфа. Сумочка была в гостиной, на диване, — уточнил Золотарёв и, как маг, достал из своей планшетки связку ключей. Вставил один из них в замок, но он проворачивался.

— Ясно. Замок поломан. Елена, вы знаете код замка второго?

— Да. День рождения Германа, — и Елена назвала цифры. — Мила код и не меняла — она же здесь ничего особенного не хранила.

И вдруг Елена заплакала. Слёзы лились и лились у неё из глаз. Не было им конца и края, как будто прорвало плотину.

Золотарёв открыл сейф, просто нажав на него. Тот был взломан.

— Понятые, подойдите и посмотрите. Сейф пуст. И вы, Елена, взгляните, — Золотарёв велел своим помощникам составить акт и начать осмотр всей комнаты. Нас с полковником оставили в спальне. А Веру попросили отвести Елену на кухню и привести в чувство — та всё время плакала и тихо что-то бормотала. Мы с полковником присутствовали при осмотре спальни Елены. Полицейские явно что-то искали, но не нашли ничего. Мы спустились вниз, подписали протоколы, нам вернули документы. Золотарёв был занят — он начал беседовать с Вериным мужем, с самой Верой говорил лейтенант. Елена лежала на диване с мокрым полотенцем на лбу.

— Леночка, вам какая-нибудь помощь нужна? — я подошла к молодой женщине.

— Нет, благодарю, — еле произнесла она. Выглядела женщина неважно.

Вдруг возле нас повился Золотарёв.

— Товарищ подполковник, Элла Глебовна, я вас провожу, вечером зайду к вам.

— Обязательно приходите, я что-нибудь вкусненькое приготовлю. Мы с полковником будем вас ждать.

Семья Золотарёва — родители и сын — уехали в Турцию: майор их отправил, чтоб они хоть немного отдохнули и поменяли обстановку.

— Полковник, когда ваш друг приедет? Как они там, в этой Турции? Интересно, Людмиле Семёновне понравится там?

— Какого чёрта поехали, даже не знаю... Это маленький Серёжа очень хотел — от друзей-одноклассников наслушался, — да и Люда хотела. Чем наше море им не море — никак не пойму, — ворчал полковник.

— Так тут Людмила Семёновна пашет целый день, мужчин своих обслуживает, а там хоть отдохнёт. Молодец, Александр Сергеевич, мать уважил, — разъяснила я.

—Да, Сашка — мужик. Хороший парень вырос у моего друга.

Так за разговорами мы и дошли до моего дома. Полковника я пригласила на ужин, сказав, что уточню время у Золотарёва. Дома я стала ломать голову, что бы такое вкусненькое приготовить. Открыла холодильник, изучила его. И рыба есть, уже нарезанная, готовая к приготовлению, и мясо, и овощи, и фрукты — и ходить никуда не надо за продуктами. Приметила, какая прекрасная свежайшая кефаль у меня лежит в холодильнике, любовно глянула на рыбу и стала хохотать. Со стороны я походила на сумасшедшую, хорошо хоть никто за мной не наблюдал. Я вспомнила один забавный случай. В этом доме я живу несколько месяцев, а до этого обитала на Яблоневой улице с младшим сыном. Но после одного ужасного случая (он описан в книге «Тени прошлого, или Синхронизация жизни») переехала сюда. Так вот, гуляем мы с сыном по набережной, и я так захотела шашлыка из кефали, свежей, только выловленной. Спрашиваем у всех — ни у кого нет. Даже удивительно: берег моря, а рыбы нет. Подошли к одному уличному шашлычнику, судя по всему, он из Средней Азии — много людей в курортный сезон приезжают на заработки на море. Спрашиваю:

— Кефаль есть?

Он на меня смотрит как на идиотку.

— Шашлык из рыбы есть? — опять уточняю я.

— Вот смотри, сколько шашлык, — отвечает он.

— А из кефали?

— Слушай, дэвушка, какой кафель, дорогая? Это не строительный магазин, — возмутился он моей тупости.

Мы с сыном захохотали. Услышав наш смех, на помощь подошёл другой товарищ. Он понял, о чём речь, что мы хотим рыбу, а не кафельную плитку.

— Дорогая, кефаль сегодня не ловилась, зато только что поймали шикарную осетрину — и сразу к нам.

— А где поймали осетрину, у нас?

— Конечно, рыбаки в море поймали и привезли.

— Такой вкусный шашлык, ты не представляешь, дорогая! — с таким воодушевлением, таким неподдельным восторгом говорил шашлычник, что мы с сыном переглянулись и захихикали.

— Ты знаешь, дорогой, — не выдержала я, — осётр не водится в Чёрном море, у нас его вылавливают или в Каспии, или на Волге. Запомни это навсегда. А ещё осётр не бывает первой свежести, он бывает или свежий, или никакой.

Бедолага на меня так смотрел, будто я ему доказала теорему Ферма́ (это выражение моего старшего сына). Глеб — сын — потянул меня за руку.

— Ну что ты его учишь? Он смотрит на тебя как баран на новые ворота. Ни черта не понимает, а ты хочешь всех чему-то научить. Что за совковая привычка? — возмущался он.

Вот так я вспоминала всё, напевала тихонько и готовила. Человеческая жизнь непредсказуема. В соседнем доме убили молодую красивую женщину, а здесь я напеваю. Чужое горе быстро забывается. Надо очищать свои мысли от негатива, ведь они — главный источник наших невзгод.

Полковник пришёл, как всегда, точно, минута в минуту — вот что значит военный человек. С собой принёс красивую бутылку со своим домашним вином. Он в прошлом году сам приготовил из сорта винограда «Изабелла» без единого грамма сахара. Признаюсь, вино получилось отменным, он его приносит мало, только мне.

— Ой, полковник, спасибо, удружили. Я так люблю ваше красное вино. Изысканный вкус.

— А вот на это что скажете? — и полковник протянул мне прозрачный пакет, набитый малосольными огурцами. — Вместо цветов. На газированной воде делал.

— Спасибо, милый полковник. Зачем мне цветы, когда я обожаю малосольные огурчики, — я повела его на кухню. — Александр Сергеевич звонил, сказал, что немного задержится.

Я уже накрыла стол. Рыба моя томилась в духовке, мясо — на плите, соте было готово. Я выложила огурчики, что принёс полковник, в тарелку и тоже подала на стол.

— А может, пока Сашка придёт, по бокалу вина? Он всё равно не пьёт, — предложил полковник.

— Я не против, — я взяла бокалы и тарелку с сыром. — Пойдёмте во двор, полковник. Там и дождёмся майора.

Так мы и сделали. За вином и беседами о жизни и детях прошло время. Темы убийства мы не касались — ждали Золотарёва. Он ненадолго задержался. Но когда пришёл, то сообщил, что никуда не спешит, как обычно. Мы втроём с удовольствием поели. Заметно было, что майор устал.

— Всё понравилось? — напросилась я на комплимент.

— Ещё как! — в два голоса ответили мужчины.

— Ну тогда пойдёмте в гостиную. Я вам туда и кофе подам, и десерт. Вижу, что наш майор замученный, но у нас вопросы к нему.

— Саша, мы тебя ждём. Что сегодня это было в доме у убитой? — стал расспрашивать полковник.

— А и правда, Александр Сергеевич. Да, и ту женщину нашли? — любопытничала я.

— Идём в гостиную, возьмём свой кофе, и я вам всё расскажу, — успокоил нас майор.

На следующий день после похорон Золотарёв поехал к Белявским. Он хотел поговорить с Еленой и Германом. Маму Эмилии он решил пока не трогать. Втроём они сели

в маленькой спаленке Милы. Герман и Елена устроились на кровати, а майор — на стуле, пододвинув его к письменному столу, за которым когда-то делала уроки Мила.

— Эмилию Александровну убили каминным бронзовым пятисвечником сзади. Убили нагло и цинично. И я вам обещаю найти убийцу, но мне непонятны причины. С вашей помощью я пытаюсь их выяснить. В доме были ценности, Герман?

— Нет, — тихо сказал парень, — думаю, что нет. Свои безделушки мама хранила у себя в кабинете в сейфе в Москве. Да, тётя Лена? — Герман повернулся к Елене.

— Да, — кинула Елена, — здесь у неё ничего не было. Несколько вещей она привезла с собой и подарила маме. На ней были только небольшие строгие бриллиантовые серьги — она их очень любила. Мы решили в них её и похоронить. Вы знаете, Александр Сергеевич, в день смерти Мила должна была снять пять миллионов рублей с личного счёта и положить в сейф у себя в спальне.

— Что?! Почему вы мне об этом не сказали? Вы знаете, где сейф?

— Я об этом не подумала, и потом, я не знаю, сняла или нет, — Елена еле сдерживалась.

— Тётя Лена, а зачем маме такие деньги нужны были? — Герман вопросительно посмотрел на неё.

— Она хотела внести первый взнос за фабрику. Так как мэр в больнице и этим могли бы воспользоваться, то она решила подстраховаться.

— Как вы об этом узнали? — Золотарёв полностью переключился на Елену.

— Утром в тот день она мне сказала. Я даже не в курсе была, что мэр в больнице. Мила сообщила, что ещё за день до этого заказала пять миллионов и после обеда получит.

— Какой банк? Вы знаете?

— Да, знаю.

— Ясно, — майор повернулся к Герману. — Я уже показывал Елене фото, но она не узнала эту женщину. Может, вы знаете, посмотри́те. Фото нечёткое, но узнаваемое.

Герман взял фото и сразу же сказал:

— Это Ирина Михайловна.

— Кто такая Ирина Михайловна? И вы уверены, что не ошиблись?

— Нет, я не ошибся, — убеждённо сказал парень. — Это жена мэра Морегорска.

— Она была знакома с вашей мамой? — майор нахмурился.

— По-моему, нет. Точно не знаю, — и парень совсем сник.

— Ясно. Спасибо, Герман, вы мне очень помогли. А вы, Елена, поедемте со мной.

— Хорошо, — Елена встала. — Герочка, полежи, отдохни, мой мальчик, — и вышла следом за майором...

— Остальное вы видели, — закончил свой рассказ Золотарёв.

— А жена мэра? Вы к ней ездили? — меня так и распирало от любопытства.

— Конечно, — майор улыбнулся уголками губ. — Сейчас вам всё расскажу, но обещайте мне, что никто ничего не узнает. История конфиденциальная.

Конечно, мы с полковником пообещали.

Глава 13

Золотарёв приехал к Водопьяновым около пяти вечера. Он знал, что мэр лежит в больнице, и надеялся поговорить с его супругой один на один. Прислуга долго расспрашивала, кто да что, пока сама хозяйка дома не вышла к нему. Вслед за ней появился Павел Шаповалов.

— Как вы догадались, что я здесь? Позвонили бы, и я сам бы к вам приехал, — удивлённо сказал Павел.

— А я не к вам, Павел Григорьевич, — ответил майор.

— Он ко мне, Паша, — вдруг сказала Ирина Михайловна. — А я думала, что вы пораньше придёте, на следующий день, сразу же.

— Я чего-то не знаю?! — удивлению Павла не было предела.

— Да, Паша, не знаешь. Проходите, пожалуйста, — Ирина пригласила майора в дом.

Она шла впереди, за ней майор, следом озадаченный Павел.

— Я хотел бы с вами поговорить один на один, — обратился майор к супруге мэра.

— У меня от Павла секретов нет, тем более что он начальник службы безопасности мужа и друг семьи.

— Как же нет, Ира?! — возмутился Шаповалов. — Ты очень загадочно разговариваешь с майором.

— Пройдёмте в кабинет к мужу, дочь наверху, может выйти, а я не хочу, чтоб она услышала наш разговор.

Мужчины вслед за ней прошли в кабинет, от предложенного кофе оба отказались. Ирина попросила Павла не пере-

бивать её. Ирина Михайловна Водопьянова начала свой неторопливый рассказ.

— После того как якобы Герман бросил Аню без особых причин, в доме начался ад. Дочь звонила ему со всех телефонов, бегала в торговый центр в шоу-рум, сторожила директора — подругу Белявской, выудила у неё адреса бабушки и мамы. Ходила говорить с бабушкой, которая ничего не знала и не понимала. Накупила кучу сим-карт, звонила Герману, орала ему, что не понимает, что случилось. Герман сбрасывал и блокировал. Она считала, что она в чём-то виновата и Герман теперь её презирает, но в чём — ребёнок понять не мог. У неё как раз экзамены на носу, ЕГЭ, но она об этом забыла — то она рыдала, то смеялась. Мы боялись за её психическое здоровье. Дочка за неделю похудела на 5 кг, ничего не ела, только лежала и смотрела в потолок. С нами не разговаривала. Мы приняли решение рассказать ей всё. Я созванивалась с психологами из Москвы, консультировалась — у нас это сделать невозможно: тут же пошли бы слухи, как говорится, шила в мешке не утаишь. Надо было всё рассказать ребёнку, чтоб она поняла: её вины нет в том, что парень разорвал с ней отношения, что она хорошая девочка, а не ущербная какая-то, как она себя называла и кричала на весь дом. Понимаете, неделя для нас была очень трудная, мы её одну не оставляли. То я, то муж, то Павел наблюдали за ней дома. Она забросила учёбу и сказала, что никогда не поедет в Москву. Муж договорился с гороно об её экзаменах, и мы решили отправить её на учёбу в Англию.

Но Аня была как безумная... первая любовь, понимаете? По совету психологов муж решил ей всё сам рассказать — он обожает дочь. Они закрылись в кабинете и говорили около часа. Я сидела в гостиной и ждала. Аня вышла спокойная, тихая и сказала мне, что всё поняла, она даже пошла в школу. Мы вздохнули. В доме воцарилось спокойствие. На сле-

дующий день муж уехал по своим делам в краевой центр, Павел был на работе. Когда я пошла будить дочь, то чуть не сошла с ума... я подумала, что мой ребёнок умер. Я так орала, не соображала, что делаю. Прибежала прислуга, вызвали скорую, охранника, он позвонил Павлу. Скорая и Павел приехали одновременно. Аннушка наглоталась таблеток, очень серьёзного снотворного... Препарат был очень тяжёлый, её уложили в больницу в реанимационное отделение. Павел договорился с врачами скорой помощи, чтоб скрыли факт попытки суицида. Моё сердце разрывалось от горя, которое меня охватило. Знаете, слово «счастье» произошло от слова «соучастие» в чьей-то жизни. Я — филолог по образованию, знаю, что говорю. А я не смогла принять соучастие в жизни своего ребёнка, не смогла понять свою дочь. Я даже забыла позвонить мужу в этой суматохе. Весь день мы с Павлом провели в больнице, пока главврач нас не успокоил, сказав, что Ане ничего страшного не грозит уже, но ещё пару дней она проведёт в больнице, и отправил нас домой, велел явиться утром. Всю дорогу мы ехали молча. И уже придя домой, сидя за столом и ковыряясь в тарелке с едой, Павел ударил кулаком по столу и так заорал (хорошо, что я прислугу отпустила):

— Ты должна была сказать ребёнку правду! — кричал он. — Ты чуть не угробила её!

Таким разъярённым я его давно не видела.

— Как ты себе это представляешь? А если Володя узнает? Что тогда делать? Он лишит её наследства.

— Плевал я на это наследство! У меня есть всё для единственной дочери! Она ведь из-за этого парня хотела себя убить. Она думает, что он её родной брат, но любит ведь не как брата и из-за этого жить не хочет. Из-за своих амбиций, из-за учёбы вы чуть не убили мою девочку! — и вдруг Павел заплакал навзрыд. Я таким плачущим видела его только один раз, очень давно, когда умерла его мать.

Я Пашу полюбила всей душой, увидев его заботу обо мне и сыне. Когда-то из них двоих я выбрала Володю, и Паша уехал. Он вернулся тогда, когда чувства Володи ко мне и мои к нему охладели. У нас с Пашей закрутилась безумная любовь. Паша просил, чтоб я развелась с мужем. Но я боялась, что Володя отберёт сына и что-то ужасное сделает с нами обоими — в то время он был связан с криминальными авторитетами.

Так вот, после больницы Паша так горько плакал, что я подошла к нему, наклонилась, обняла за голову и стала целовать его лицо, он сидел, а я стояла. Аплодисменты и крики «браво» оторвали меня от Паши. Володя стоял у двери и хлопал.

— Классика жанра. Жена и лучший друг. Молодцы! И как давно вы вместе? Что ещё я не знаю?

— Ты не знаешь самого главного, — я выпрямилась и пошла к нему. — Ты не знаешь того, что я тебя органически не переношу и терплю только ради детей.

Во мне кипела злость, ненависть к мужу переполняла меня. Володя это почувствовал и удивлённо смотрел на меня.

— Ух, ты, оказывается, какая темпераментная, а со мной не спишь. Наверное, Пашке отдаёшь всю любовь?

— Замолчи, Володя, — еле выговорил Павел.

— Да! — закричала я. — Уже двадцать лет, как только Паше отдаю свою любовь.

— Двадцать лет? — муж аж присвистнул. — Вот это любовь... А я и не замечал, — Володя вёл себя так, будто играл роль в спектакле без зрителей. — Что-то чересчур вы себя вольно ведёте. Ани нет дома? Где моя любимая дочь. Пусть посмотрит на свою маму. Про папу она уже все узнала. Аня, Аня! — стал звать муж.

— Не твоя дочь, — вдруг твёрдо сказал Павел. — Она не твоя дочь, а моя.

От неожиданности Володя присел за стол, налил себе большой стакан воды и залпом выпил.

— Ты следи за базаром, друг. Одно дело — ты трахаешься с моей женой, так забери её себе, эту старую клячу, а другое дело — моя дочь. Я за неё кого хочешь порву, ясно?! — Володя встал и побежал на второй этаж.

Я остановила его:

— Не беги, Ани нет дома.

— А где она?

— Она в больнице, и она не твоя дочь. Лучше бы я ей это сказала раньше...

Вдруг Павел встал, тоже залпом выпил стакан воды, потом налил себе на руки и умылся, даже не заботясь о том, что вода пролилась на паркет.

— Сядь, Володя. И ты, Ира, сядь. Нам надо поговорить. И главное сейчас — Аннушка, а не наши выяснения. Ты знаешь, Володя, какой я сдержанный, но сейчас выслушай меня. И не перебивай. Мы думали, что Аня успокоилась, когда узнала про Германа. Но мы, все трое, глубоко ошибались. Она нашла где-то или купила в аптеке серьёзное снотворное и наглоталась таблеток. Ира только утром её обнаружила. Слава Богу, её откачали. Она сейчас в больнице.

Я уже заранее подготовила Володе сердечные таблетки и воду, протянула ему, он машинально выпил.

— Как она? — Володя с надеждой посмотрел на меня.

— Ей уже ничего не угрожает. Она в реанимации. И к ней никого не пускают.

— Не вскакивай, Володя. Выслушай меня до конца, — Павел подошёл и заставил Володю сесть. — Пора сказать ребёнку правду.

— Какую правду, Паша? Бред, который вы оба несёте?! — Володя уже начал говорить с Павлом на очень повышенных тонах.

— Это не бред. Два раза мы с Ирой сделали анализ ДНК. И оба раза подтвердилось, что она моя дочь. Бумаги у меня в машине. Но год назад я сделал ещё один анализ втайне от Иры — хотел на Анино шестнадцатилетие сказать, кто её отец. Правда, не решился. Посчитал: пусть девочка окончит школу, поступит в институт — потом. Ты думаешь, почему я с тобой рядом столько лет? Только из-за дочки. У меня была масса предложений, даже от твоих врагов.

— Враг — это жена. Если жена не друг, то она — враг, третьего не дано, — горько сказал муж.

— Ты — кто? — вспылила я. — Ты вообще помнил, что у тебя есть жена? Ты мне уделял внимание? Ты что, спал со мной? Хотя бы подумал, как Аня родилась. Первые пять лет нашей жизни ещё куда ни шло, и то ты умудрился ребёнка заделать своей ученице. И ты смеешь меня упрекать?! Аннушка — Павла дочь, я это и без анализов ДНК знаю.

— Я вас прошу, пока ничего не говорите Ане. Я сам, сам, — и, пошатываясь, Володя пошёл в кабинет.

Через минуту мы услышали грохот. Видно, он хотел присесть на диван и не удержался — упал. Пока мы его откачивали, пока приехали врачи, я еле дышала — боялась, что Володя умрёт. На Павле не было лица. Из-за меня и Аня, и Володя оказались в больнице. У Володи инфаркт. Сейчас ему уже лучше, но ещё неделю лежать. Аню мы привезли домой, ничего не сказали. Она ходила к отцу со мной, всё переживала, что тот из-за неё слёг в больницу. Сама она целыми днями лежит и тупо смотрит в потолок. Обещала, что больше глупостей не наделает. Аня в Павла — однолюбка, и меня это очень волнует. У неё были такие чувства к Герману, что она от счастья чуть не захлёбывалась. Она не верила в это чудо. И вдруг узнать такое.

В тот день Павел пришёл проведать Аню, он целый день был на работе, потом у Володи, а затем заглянул к нам. Рас-

сказал мне про Эмилию, про документы, и уехал к себе. Я долго думала и решила поехать к Эмилии, чтобы поговорить о детях, рассказать ей всё. Я, конечно, понимала, что вряд ли она меня примет и поймёт, но надеялась, что хотя бы выслушает, и мы сможем как-то поспособствовать счастью наших детей. Я оделась, привела себя порядок — хотелось хорошо выглядеть. Аня уже спала, я поручила прислуге следить за ней и поехала к Белявской. Адрес я знала. Было очень поздно, но вы, наверное, и сами это знаете: камеры и у неё стоят, и у меня дома. Удивительно, могу сказать даже неожиданно для меня, но она меня приняла. Я ей сообщила в домофон, кто я. Предварительно надо было позвонить, но у меня не было номера её телефона, а у Павла я просить не хотела. Вам нужны подробности, конечно. Так вот, постараюсь всё рассказать. Эмилия не выглядела испуганной или озабоченной. Она меня спокойно приняла. Совершенно по ней нельзя был сказать, что она боится кого-то или её в эту ночь убьют. Калитка открылась, а у дверей большого дома она меня уже ждала и показала рукой, мол, проходите. Я зашла за ней следом в большой красивый холл. Белявская была уже в модной шёлковой пижаме, сейчас такой тренд. Большой стол был завален какими-то листками, очки её лежали — она, видно, что-то изучала. Я присела на диван, не знала, с чего начать. Эмилия начала разговор первой. Сказала, что изучает бумаги, которые ей только что принёс Павел, что хочет купить фабрику старую. Ещё уточнила, что ни ей, ни её сыну не нужны подачки от Водопьянова. И поинтересовалась, по этому ли поводу я пришла. Уверила меня, что из нашей семьи никакие средства не будут потрачены на её сына, чтоб я не переживала. Она решила, что я пришла, потому что переживаю, что Володя может потратить много денег на Германа, дабы искупить свою вину. Я её перебила

и сказала, что совсем по другому делу. Что отец обязан на сына тратить, что Герман ему такой же сын, как и Костя. Но у меня очень серьёзный вопрос. И рассказала всё — от начала моей жизни с Володей до сегодняшнего дня. Она меня не перебивала, слушала внимательно, только один раз пошла на кухню. Принесла бутылку воды холодной и стаканы, налила себе и мне. Потом спросила, курю ли я, и когда я утвердительно кивнула, порылась у себя в громадной сумке, достала сигареты, тут же прикурила и угостила меня. Я сделала передышку. Эмилия умеет слушать, это не каждому дано. Извините, умела. Очень трудно говорить о человеке, с которым недавно виделась и хорошо пообщалась, в прошедшем времени. Эмилия не производила впечатление женщины, которая собирает слухи. А я уверена, что молва о попытке суицида дочери мэра ходит по городу. Это глупые женщины обсуждают чужую личную жизнь, а умные имеют свою. Эмилия очень расстроилась по поводу Аннушки. Но когда она услышала, чья дочь Аня, искренне обрадовалась. И даже не скрывала своих эмоций. Она очень переживала за сына и была рада, что так получилось. Спросила, почему мы до сих пор не сообщили Ане. Я ей объяснила: Павел не хочет пока говорить, так как это воля Володи. Я попросила Эмилию всё рассказать Герману, и пусть он сам решит всё для себя. Подумав, она сообщила, что Герман на днях приедет в Морегорск — ему надо подписать документы на покупку фабрики, — и тогда все вместе соберёмся, Володя выйдет из больницы и сам всё расскажет. А пока надо поберечь Аню несколько дней. Вот и вся история моей встречи с Эмилией. Майор, вы теперь меня арестуете? Я ведь у вас подозреваемая, — Ирина посмотрела прямо в глаза Золотарёву.

— Я вас арестовывать пока не буду. Но пальчики ваши сниму.

— Майор, вы хотите, чтоб она проехала в следственный отдел? Понятно же, что Ирина не убивала королеву, — Павел вскочил и стал ходить по комнате.

— Нет, в отдел я её не заберу сейчас. Дактилоскопист скоро будет здесь и всё сделает. Как только откатают ваши пальчики, мы их сравним с теми, которые остались на орудии убийства, а там уже поговорим. Ирина Михайловна будет сидеть под домашним арестом, и никаких глупостей, Павел Григорьевич. Адвокат тоже вам сейчас не нужен. Я сам вам скажу, если понадобится. Скоро подъедут мои помощники и начнут оформлять документы.

— Спасибо, Александр Сергеевич, — Павел искренне благодарил майора. — Ира никогда в жизни даже мухи не обидела, а не то чтобы человека убить. Она будет сидеть дома. Сколько понадобится, столько и будет.

Раздался звонок на телефон майора.

— Павел Григорьевич, — обратился после разговора Золотарёв к правой руке мэра, — будьте любезны, встретьте моих помощников, чтоб их пропустили.

— Да, конечно, — и Павел вышел.

Ирина сидела, как сомнамбула, она не знала, что и говорить. Естественно, она Эмилию не убивала, но ведь она подозреваемая, и недруги мужа сделают всё возможное, чтоб это дошло до общественности. А всё это навредит и мужу, и Павлу. Об этом она сказала Золотарёву, он уверил её, что никто ничего не узнает до конца следствия. Ира глубоко вздохнула — она интуитивно верила этому майору.

— У меня к вам ответная просьба, Ирина Михайловна. Напрягите свою память, вспомните любую мелочь в доме у Белявской, мысленно проделайте весь путь. Я буду ждать от вас хоть какую-нибудь, даже минимальную информацию. Иногда и мелочь играет большую роль.

— Хорошо, Александр Сергеевич, за доверие — большое спасибо. Я из дома ни шагу. И подумаю, буду всё вспоминать. Да и Павел, я уверенна, меня в покое не оставит, будет допрашивать не хуже вашего. Может быть, что-то вспомню и обязательно позвоню.

— А вот и мои помощники. Сейчас они проведут необходимые процедуры. Вы подпишите все документы, и я пойду. Жду вашего звонка в любое время дня и ночи. Подумайте, вспомните все детали.

...Так Золотарёв рассказал нам всё, что было ему известно. Я и полковник внимательно его слушали. Дело приобретало нешуточный оборот. Золотарёв уже пил третью чашку кофе. Я в категоричной форме запретила ему продолжать в том же духе и принесла для мужчин графин с вишнёвым холодным компотом. Они любят этот чуть кисловатый, приятный на вкус напиток из свежей ягоды. Раздался звонок.

— Наконец-то, — сказал в трубку майор, — а то я уже заждался. Так долго что-то. Ладно, ладно, понял, работяги. Давай, говори, жду тебя, домой не иду. Я так и знал, её пальчики и не должны быть там. Она здесь не при делах. Спасибо, ребята. Молодцы. Оформите все документы — и домой, отдыхать. Ну вот, — доложил нам майор, поймав наши вопросительные взгляды, — нет пальчиков Водопьяновой на подсвечнике, которым ударили Эмилию. Наш эксперт сразу сказал, что бил мужчина.

— А мужа Веры проверили?

— Конечно. Это не он. Но какой-то он скользкий типок. За ним сейчас приглядывают наши ребята. Подождём. Пальчики и на сейфе, и на подсвечнике одни и те же. Эта ночь всё покажет.

— Что? — всё любопытствовала я.

— Любопытной Варваре что сделали, Элла Глебовна?

Я обиделась и больше ничего не спрашивала.

Раздался опять звонок.

— У аппарата, — острил майор — он сегодня явно был в ударе. — Да, Павел Григорьевич, слушаю вас, — майор поставил телефон на громкую связь, чтоб мы тоже слышали и потом нам всё не пересказывать. — Конечно, передайте ей трубку.

— Здравствуйте ещё раз, Александр Сергеевич, — раздался женский голос. — Я тут кое-что вспомнила. Павел всё меня допытывал, весь мой маршрут у Эмилии дома мы мысленно прошли. Даже не знаю, это существенная деталь или нет...

— Говорите, Ирина Михайловна, в деле об убийстве всё существенно.

— Понимаете, когда я зашла к Эмилии в холл, я следовала прямо за ней и обратила внимание на дверь справа от лестницы, ведущей на второй этаж. Все двери, выходящие в холл, были обыкновенные, из хорошего дерева, с матовым резным стеклом. Но эта была витражной наполовину, сделанная с художественным изыском, яркие рисунки витража навели на мысли о лете, солнце, фруктах. Я даже подумала, что, видимо, там бассейн.

— Да, вы не ошиблись, за этой дверью бассейн. Так что вы заметили? Слушаю вас.

— Я точно помню, что, когда я входила, дверь была закрыта плотно. А когда после нашего разговора Эмилия пошла меня провожать, то я ей выразила своё восхищение красотой этой двери и мы обе обернулись на неё посмотреть. Так вот, дверь была немного приоткрыта. Эмилия даже подошла и притворила её, сказав, что, видимо, домработница убиралась в бассейне и не закрыла плотно. Вот и всё.

— Вы всё это точно помните, Ирина Михайловна?

— Да. Точно. Я обратила внимание на этот витраж, он мне понравился очень. Дверь была закрыта сначала, а потом

немного приоткрыта, как будто не успели закрыть до конца. Павел сказал, что я должна вам позвонить, что это важно.

— Да. Очень важно. Спасибо.

Не успел полковник и слова вставить, как раздался ещё один звонок.

— Смольный прям, — стал бурчать полковник.

— Шеф, шеф! — чей-то мужской, почти мальчишеский голос взволнованно кричал в трубку. — Он вышел, идёт пешком, курит!

— Ясно, Макаров, не ори. Пусть твой напарник следует за ним, а ты на машине на расстоянии езжай. Смотрите, не спалитесь. Убью, если что, — Золотарёв аж руки потёр. — Ну вот, началось.

Бедный полковник опять не успел вставить слово, а явно собирался. Но Золотарёв снова звонил кому-то.

— Возьми пару оперов и дуй сюда, к королеве меха. Я понимаю, что ты уже дома, и я помню, что сам тебя отпустил. Но надо. Ты забыл, где работаешь, лейтенант? Всё, ты мне нужен. Через 20 минут жду вас. Насчёт понятых не парься. Они уже есть, утренние. Я с ними буду в доме. Быстро, быстро. Одна нога там, вторая — тут. Ну что, мои дорогие, допивайте свой компот и пошли со мной. Вы уже поняли, что опять вы понятые, — майор с улыбкой смотрел на нас. Мы с полковником дружно покивали головами и одновременно вскочили с дивана.

Майор из своей планшетки достал связку ключей и сам открыл калитку, мы зашли во двор, в окнах маленького дома горел свет — Вера не спала. Золотарёв постучал к ней в дверь. Она очень удивилась, увидев нас. У неё был очень растерянный вид. Майор сказал, что сейчас мы войдём в большой дом, попросил её следовать за нами и позвать мужа. Вера ответила, что муж вышел погулять, но она может ему позвонить. Майор остановил её, сказал, что сейчас

придут люди и помогут ему. Калитку оставил незапертой. Мы прошли в дом и приблизились к двери бассейна, о которой говорила жена мэра. Витражное окно в помещение было настоящим произведением искусства. Цветные стёкла отлично подобраны художником, в целом мозаика напоминала летнее панно. Внутри помещения тоже было красиво, но бассейн был пуст — воду спустили. Вдоль одной из стен стояли живые экзотические растения в больших кадках, напоминая субтропики. То тут, то там были расставлены ротанговые кресла и маленькие столики.

— Вера Ивановна, скажите, пожалуйста, а в день смерти Эмилии вы убирали здесь? — майор внимательно посмотрел на Веру.

— Нет, — Вера даже не задумалась. — Сейчас сюда никто не заходит, а когда гости были, в день по два раза убирала. Милочка попросила, чтоб после гостей всю воду спустили и не заливали больше. Муж так и сделал. Я убрала потом, и всё. Хозяйка сказала, что как ей понадобится бассейн, она заранее скажет.

Тут появились оперативники с шумом и возгласами. Майор цыкнул на них, отозвал в сторону, что-то сказал, и они начали везде лазить. Я и Вера присели. Полковник о чём-то беседовал с Золотарёвым, потом майор говорил по телефону. Так прошло полчаса. Вериного мужа всё не было. Она стала беспокоиться, хотела пойти в дом, где они живут, посмотреть, не пришёл ли он. Но майор попросил её посидеть и не переживать. Если муж придёт, то он позвонит ей или зайдёт в большой дом — двери открыты, он поймёт.

— Нашёл что-то! — закричал самый молодой оперативник.

— Осторожно, пальчики! — завопил лейтенант, помощник капитана.

— Я в перчатках, я знаю, — обиделся молоденький и достал с отводной трубы свёрнутые в трубочку две упаковки с пятитысячными купюрами.

И крышку от трубы, и деньги сразу положили в прозрачный пакет, чтоб никто не дотронулся. Оперативники продолжали дальше искать что-то. В это время раздался звонок. Майор вышел, поговорил.

— Лейтенант, ты оставайся здесь, составляй протокол и езжай с вещдоками в отдел, сними пальчики, а этих двоих ребят я забираю с собой. Здесь всё заканчивайте и закрывайте. Вот ключи от дома. Если что понадобится, то товарищ подполковник поможет тебе.

— Так точно, — обрадовался полковник. — Хоть в чём-то сгодился.

Золотарёв забрал с собой двоих оперативников и поспешно ушёл. А мы остались подписывать протоколы. Вера начала прибирать после полицейских, развесила полотенца, халаты, то и дело переставляла кресла и цветы. Было видно, что она нервничает.

— Вера, что с вами? Не нервничайте так. Понимаю, что смерть Милы вас очень сильно огорчила. Я слышала, как вы о ней хорошо отзывались и что её мама вам очень дорога.

— Я о муже переживаю, до сих пор его нет, — чуть не плакала она.

— Сейчас придёт. Может, вдоль моря гуляет, отдыхает, — утешала я Веру.

— Ой, Элла Глебовна, я такую совершила ошибку! Боюсь, что непоправимую.

— Так расскажите, Верочка, облегчите свою душу. Нельзя на душе держать тяжкий груз. Потом всю жизнь жалеть будете, — старалась я вызвать её на откровенный разговор.

Нам с Верой разрешили выйти во двор, я предварительно подписала протоколы, полковник тоже. Опечатав двери,

лейтенант ушёл, оставив нас троих во дворе. Вера тихо плакала и всё звонила своему мужу. Она попросила меня посидеть с ней, полковник присоединился к нам: мы всё надеялись, что вернётся Золотарёв, а Вера ждала своего мужа, периодически названивая ему. Никто не отвечал. Вдруг Вера в очередной раз стала рассказывать о том, какая замечательная была Мила, добрая и отзывчивая. Какой хороший человек Людмила Николаевна, как она помогала многим, ставила капельницы и уколы бесплатно людям дома, как к ней обращались, и она никому не отказывала. Горевала Вера о том, что не смогла сказать Миле при жизни эти добрые слова. Смерть не отменяет того зла и того добра, что сделал человек при жизни. Потому что совершённое им добро так и остаётся в памяти людей, а причинённое им зло так и будет злом, даже после смерти. Вера привыкла страдать, жизнь без страданий казалась ей неправильной. И сейчас, рассказывая о Миле, она страдала: чувствовалась в её словах какая-то недосказанность. Полковник опять попросил у меня сигаретку, благо я с собой взяла, потом отправил Веру за спичками и прошептал мне заговорщицки:

— Эллочка, она что-то недоговаривает, надо её расколоть.

Я не выдержала и рассмеялась: такой уж у него был тон — как у детей, которые играют в шпионов. Полковник обиделся.

— А вам бы только хохотать надо мной, Эллочка.

— Не обижайтесь, полковник, — утешила я его. — Вы правы, я тоже думаю, что Вера что-то скрывает.

Верочка принесла спички, с её разрешения мы закурили, благо мы сидели в беседке во дворе. Вера опять стала терзать свой телефон. Наконец ответили. Даже мы с полковником обрадовались.

— Алло, алло, Лёша, это ты? А кто? Майор? Что с Лёшей? Он жив? Задержан? — упавшим голосом спрашивала

Вера. — Я так и знала, я это чувствовала, — но в трубке уже раздались гудки. Как ни странно, но Вера не плакала. Я думала, что сейчас потекут потоки слёз, но нет, Вера тихо и твёрдо сказала нам: —Алексея задержали, мне сейчас майор Золотарёв сказал — он взял телефон мужа.

— Вера, вашего мужа задержали? — строгим голосом спросил полковник.

Вера кивнула и стала быстро-быстро говорить:

— Понимаете, это я, я виновата. Ну кто меня дёргал за язык? Но Лёша не мог убить Милочку, деньги взять — да, есть в нём эта жадность, зависть к чужому благополучию, но убить — никогда, никогда.

Кому она это доказывала — себе или нам? А может, хотела убедить себя в обратном. Вера была на грани срыва.

— Вера, кому вы что сказали? При чём тут ваш язык? — мне хотелось у неё всё выпытать.

— Понимаете, за день до смерти Милочки я услышала её разговор с Еленой. Она говорила, что заказала деньги в банке, пять миллионов, и завтра снимет, так как ей надо оплатить какой-то тендер, предоплату внести. Я даже слышала, как Елена возмущалась, а Милочка её успокаивала и говорила, что спрячет в сейфе, — Вера вдруг запричитала: — Господи, что я наделала, зачем ты меня так наказываешь? Не мог Лёша убить её из-за этих денег. Зачем я ему ляпнула? Кто меня заставил ему всё рассказать? Господи, прости меня! Это дьявол меня с пути свернул. Прости меня, Людмила Николаевна, прости меня, сынок, ты был прав.

— Вера, успокойтесь, — я, как могла, утешала её, полковник принёс водички и тихо шепнул мне, что пойдёт Сашке позвонит и всё расскажет.

Полковник вышел за калитку, чтоб позвонить Золотарёву, а я осталась с Верой. Кое-как успокоив её, накапав ей капель, я отправилась вслед за полковником. У меня уже не

было никаких сил участвовать в этой катавасии. Я хотела принять душ и лечь. Я была уверена, что потом мне майор всё расскажет: он знает, что я пишу свои любимые детективные романчики и он там — главный герой. Главное, что сейчас полковник передал ему наш разговор с Верой, да и задержал майор этого Алексея не просто так. Ну тогда почему в тайнике в бассейне было так мало денег? Всего две пачки по 500 тысяч рублей.

Вдруг молчаливого полковника прорвало, я слушала его молча.

— Главное в этой истории — отношения мужчины и женщины. В итоге в чистом виде остаются они, а всё остальное наверчено, накручено вокруг них. И деньги, и жизнь, и смерть, и политика, и искусство. Посмотрите, Эллочка, на эту Веру. Она молчала о том, что проговорилась своему мужу о деньгах. А как только поняла, что его взяли, — лишь тогда её прорвало. А ведь как много хорошего для неё сделала королева меха и её мать! Так нет, она молчала, защищая своего мужчину. Не думаю,что он убил её и деньги тут хранил. Тут кто-то ещё замешан. Завтра у Сашки всё узнаем.

— Да, полковник, вы правы. Вера гнала от себя эту неудобную, но истинную мысль о своём муже. Не хотела тревожить свою совесть, ведь тогда она вынуждена была бы принять меры, ей пришлось бы нарушить свою комфортную жизнь.

Так размышляя, я и милый полковник дошли до моего коттеджа, распрощались и разошлись по домам. Утро вечера мудренее. Завтра всё узнаем у нашего майора.

А Золотарёву было не до нас с полковником, да и отчитываться он нам не обязан. Вечером заявился мой ухажёр.

— Сашка вам не звонил?

— Нет. Александр Сергеевич не звонил, но я ему набрала недавно, он сказал, что некогда, что всё потом.

— Ясно. Парень занят. Работа такая. А давайте, Эллочка, проведаем соседку вашу, Верочку.

— Ох, и любопытный вы, полковник.

— Не любопытный, а любознательный. Она должна была пойти к мужу, может, что и разузнала.

На том и сговорились. Вера нас встретила с прохладцей, но потом немного отошла и всё время благодарила Бога за то, что отвёл Алексея от смертоубийства.

— Вера, а кто же тогда? Хотя... если бы на орудии убийства были пальцы Алексея, его бы давно посадили.

— Всё правильно вы говорите, Элла. Это Петька убивец. Это он такую беду навёл на Лёшу моего.

— Кто такой Петька? — спросил её полковник. — И кто вам всё рассказал?

— Рассказал мне всё майор ваш, а Лёша тоже признался во многом.

— А Петька? Петька-то кто?

— Петька — это приятель Алексея, баню строили во дворе у нас — здесь, имею в виду. Вот Лёша ему и проговорился про деньги. А Петька загорелся их забрать и с Лёшкой поделиться. Петька сидел с Лешой, он в этих сейфах хорошо разбирается.

— Твой муж — сиделец? — встрепенулся полковник.

— Да, было дело. По глупости пару лет отсидел, по хулиганке, — тихо, еле слышно произнесла Вера. — Потому и сын мой не любил его. Называл глупым идиотом.

— Эх, бабы, бабы... — вздохнул полковник. — А этот твой Алексей хотел дуриком проскочить везде.

Вера опять стала тихо подвывать. О горе своём плакала. О том, что предпочла эти токсичные отношения с мужчиной сыну и внуку, хорошо налаженному быту, а отношения не оправдали себя. Вера плакала о своей горькой женской судьбе.

— Вера, как это произошло? Что было при этом?

— Ничего я не знаю... Знаю, что Петька, этот убивец, ударил Милочку по голове тем тяжеленным подсвечником, а Лёша не успел перехватить его руку... Всё, что знаю.

— И что будете делать? В любом случае Лёше срок грозит.

— Хоть Людмила Николаевна и сказала, чтоб я здесь жила, присматривала... Но как я посмею? Я ей в глаза смотреть не смогу. Домой поеду, к сыну. Позвоню ему, скажу, что он был прав, не того я мужчину выбрала. Только всё это завтра. Ключи от дома майору отдам, Милочкиной маме не смогу — совесть не позволит. А сын обязательно приедет за мной, заберёт. Мальчика я хорошего воспитала, — и опять Вера заплакала навзрыд, да так горько, так жалобно, что у меня сердце закололо и слёзы на глазах появились.

Видя всё это, полковник встал.

— Пойдёмте, Эллочка. А вы, Вера, завтра позвоните, когда майору ключи будете отдавать: мы свидетелями будем, что всё чисто здесь и вы ключи передали. До свидания.

И мы ушли. Как только за нами закрылась калитка, я тут же стала пилить полковника.

— Что за ерунду вы говорите?! Вы что, Александру Сергеевичу не доверяете? Какие ещё свидетели?

— Ох, и недальновидная вы женщина, Эллочка. Я ж это для красного словца сказал, чтоб Вере зубы заговорить. Вот сами подумайте: завтра, когда Сашка придёт за ключами, мы тут как тут, перехватим его и узнаем наконец всю развязку этой истории. А так — когда мы ещё его поймаем.

— Ох, и хитрюга вы, полковник, я была о вас другого мнения.

— А вы думали, что я вояка-рубака и, кроме как солдатами командовать, ничего не знаю?

— Нет. Не совсем так, — засмущалась я и, пока полковник не стал предлагать прогулку по берегу (якобы вечерний

моцион полезен для организма, и надо йодом дышать), быстро попрощалась и пошла к себе.

Начинать отношения с мужчиной со лжи нельзя, тогда они не будут иметь продолжения. Алексей соврал Вере, что познакомился с Петей здесь, в Морегорске, не рассказал, что они вместе сидели, что Петя — начинающий медвежатник, умелец, но при этом живёт своей жизнью и кодекса так называемой чести блатных не придерживается, что запросто может убить человека, если что-то грозит его жизни. И про себя Алексей много чего не рассказал Вере: что хотел взять деньги и уехать в Москву, там затеряться, что Вера ему нужна была только как временный якорь, чтоб зацепиться в этом морском городе. Алексей всё искал пути-выходы из своего безденежного положения, а Вера как нельзя была кстати. Тут и Пётр нарисовался. Пока они искали дело, Вера, сама того не зная, дала хорошую наводку Алексею. Пять миллионов на первое время на двоих хватило бы (конечно, они бы отстегнули в общак москвичам блатным — есть к кому обратиться). Примерно так я проследила ход мыслей Алексея и завтра ждала подтверждения от майора.

На следующий день с утра пришла молочница, принесла наисвежайшую сметану, творог и молоко. Мы с ней немного посплетничали. Потом я решила заквасить мацони, а следом стала поливать цветы. Как же благоухали розы, эти вечные цветы любви! Когда сыновья предложили мне остаться в Морегорске, то при выборе дома для съёма в этом меня больше всего привлекло то, что хозяйка так же, как и я, любит розы. Цветы были посажены везде, где можно было. Хозяева часть двора не уложили тротуарной плиткой, как обычно делают, а оставили под зелёные насаждения, главным образом розы. Дурманящий запах «Славы Миру», красота «Нариты», «Голубой рапсодии», «Ванессы Белл» радовали глаз. Воистину роза — королева цветов. Так, раз-

говаривая со своими цветами, я чуть не пропустила звонок полковника.

— Эллочка, здравствуйте, что делаете?

— Здравствуйте, цветы поливаю.

— Эллочка, скоро одиннадцать, уже жарко, а вы поливать, — строго отчитывал меня полковник.

— Меня молочница отвлекла, а вчера вечером я не успела. Ещё не так жарко. Не пострадают мои розочки, — оправдывалась я.

— Не понимаю, зачем они цветы посадили, лучше бы малину да смородину.

— Да вы что, полковник, тогда бы я не сняла этот дом! Я же его выбрала только ради роз. С кустарниками бы ни в жизнь не возилась.

— А кушать любите? — не преминул съязвить полковник (что-то он не в духе с утра).

— Ну, когда вы угощаете своими целебными ягодками, то кто ж не полюбит такую прелесть, — задобрила я его. А он так и растёкся сладким сиропом.

— Видите, Эллочка, всё для вас, а вы меня не цените.

— Как это не ценю, — наигранно возмутилась я, — да вы мой лучший друг.

— Друг, друг... — ворчал он, я чуть не расхохоталась в трубку. — Скажите лучше, соседка не звонила?

— Вера, что ли? Нет, конечно, ещё рано. Я вам сразу сообщу.

— А вы разведку сделайте, Элла. Не мне вас учить, женщин хитрых.

— Ой, полковник, что это вы такой сердитый? Обязательно вам позвоню, — я положила трубку и расхохоталась.

Полковник — прекрасный человек, хороший друг. Но я же не виновата, что как мужчина он мне не нравится, да мне никто не нравится. В моём возрасте нельзя влюбиться,

по крайней мере, я так считаю. Хотя многие мои подружки талдычат, что любви все возрасты покорны, и цитируют классика. Пусть каждый остаётся при своём мнении.

Но позвонила не Вера, а майор. Попросил, чтоб я зашла к Вере к 5 часам. Я было собралась сообщить полковнику, но он не заставил себя ждать: оказывается, майор и ему позвонил. Я засмеялась.

— Мы с Тамарой ходим парой, да, полковник?

— Лучше уж шерочка с машерочкой, — полковник тоже хохотнул (явно его настроение улучшилось).

Договорились, что полковник зайдёт за мной, когда придёт время топать к соседке. Я решила приготовить что-нибудь вкусненькое и пригласить мужчин на ужин.

Я уже стояла у калитки, когда появился полковник. В руках у него был пакет с чем-то и роскошные сиреневые хризантемы, у меня аж дух захватило, до чего они были красивые.

— Сашкиной машины не видать, — полковник посмотрел в сторону соседского дома, — а чей-то «Жигулёнок» стоит.

— Наверное, Вериного сына, — предположила я. — А что за пакет у вас в руках, полковник?

— Эллочка, это вам. Бутыль вина домашнего и огурчики свежие, мои, только нарвал.

— Спасибо большое, — я взяла протянутый мне пакет. — Сейчас домой занесу, подождите меня. А цветы кому, полковник? Вере? — я всё-таки не удержалась, съехидничала.

Полковник покраснел как рак, засмущался и еле выдавил из себя:

— Вам цветы, Эллочка, забыл преподнести. Вы же любите хризантемы. У соседа нарвал, сказал, что вам.

— Спасибо. Я обожаю хризантемы. Да ещё и мой любимый цвет! — я взяла букет из его рук и понюхала, долго вдыхая. Тонкий аромат наполнил моё сердце приятной радо-

стью. Мой ухажёр от счастья опять зарделся, как молоденький солдатик. Но я сдержалась и не стала его подкалывать.

— Подождите меня, полковник, посидите на лавочке, я должна обязательно поставить эти шикарные цветы в вазу. Я быстренько.

Полковник кивнул и уселся на лавочку. Пока мой поклонник меня ждал, подъехал майор и сразу зашёл в дом, за ним и мы проскользнули.

Вера уже собралась, баулы и челночные сумки стояли у ворот, но в машину она их не укладывала — ждала майора и нас. Мы поздоровались. Рядом с Верой был парень чуть старше тридцати лет. Очень приятной наружности, с открытым добрым лицом. Парень внушал доверие. С майором они сразу разговорились, они уже были знакомы. На вопросительный взгляд Веры парень ответил сразу:

— Мама, товарищ майор приезжал к нам домой и расспрашивал про Лёшу и его приятеля. Я ему рассказал всё, что знал. И видишь, как всё сложилось... я был прав. А ты меня не послушала, и в итоге человека убили.

— Не он же, сынок, — с отчаянием оправдывала мужа Вера.

— Какая разница? Он участвовал, он грабил и не предотвратил убийство. Я прав, товарищ майор? — парень посмотрел на Золотарёва, ожидая от него поддержки. Он чувствовал ответственность за мать.

— Совершенно прав. Хорошего парня вы воспитали, Вера, — майор посмотрел на Веру с каким-то лёгким презрением, она это почувствовала и разрыдалась.

В своей жизни нужно правильно расставлять акценты. Вера не смогла это сделать, а может, просто желание любви, мужской ласки затмило ей глаза. Порой мы, женщины, не хотим видеть недостатки своих любимых, мы растворяемся в них и ничего вокруг не замечаем. Мужчина становится

богом и царём в их жизни. Вот и Вера вырастила сына, вложила в него свою любовь, а когда он женился и у него появилась своя семья, она почувствовала себя лишней. Вот тут-то Алексей и возник, выбора не было, она перенесла свою любовь на него... сублимация чувств. От жизни надо хотеть много, тогда многое и получишь. Вере достаточно было ласкового слова от Алексея, чтоб она ожила вновь.

Передав ключи от дома Золотарёву, Вера с сыном уехала. Мы ещё постояли немного во дворе у королевы меха, помолчали, я тяжко вздохнула.

— Молодая, красивая женщина, долго и трудно работала, заимела деньги и уважение, построила дом в родном городе, чтоб здесь жить с родными людьми, а встретила смерть. Как обидно.

— Что поделаешь, Эллочка, это жизнь, — полковник, как умел, старался меня утешить.

— Знаете что, идёмте ко мне, — обратилась я к мужчинам, — поужинаем. Полковник такое замечательное вино принёс. И вы, Александр Сергеевич, нам всё расскажете.

— Что там рассказывать, Элла Глебовна? Вы и так всё сами поняли.

— Саша, мы-то поняли, но подробности хотим узнать. Да, Эллочка? — полковник искал в моём лице поддержки, боясь, что майор уйдёт, а мы хотели всё знать.

— Конечно. Пойдёмте, Александр Сергеевич. Родители ещё не приехали с отдыха? Небось домашней еды и не ели сегодня.

— Ой, Элла Глебовна, я вообще сегодня практически на голодном пайке. Утром ребята пару бутербродов сварганили, вот и вся еда.

— Тем более. Пойдёмте, мои дорогие мужчины. Двое моих родных мужчин в Москве, я скучаю по моим сыночкам, я здесь вы — мои родные.

— И я, Эллочка? — полковник расцвёл, как алый мак.

Майор заулыбался, и я тоже. Полковник сконфузился и промолчал.

— Конечно, полковник. И вы. Вы — мой самый лучший друг.

— Опять друг, друг, — всё бубнил себе под нос полковник, когда мы шли ко мне.

Пока я накрывала ужин, мужчины курили во дворе. Я нарезала, подогревала, раскладывала. Потом сама залюбовалась своим произведением искусства. Всё-таки я считаю, что кулинария — это искусство не только вкусно и сытно приготовить, но постараться из минимального количества продуктов сделать эстетические шедевры.

Мужчины, как всегда, стали меня хвалить, а мне было приятно. Я очень люблю, когда меня хвалят и делают мне комплименты, и нисколько не верю людям, которые утверждают, что им это не нравится. Просто они кривят душой. Вино в самом деле было изумительное, так что я выпила даже второй бокал, и, когда уже все предварительно утолили голод, расслабились, я и полковник вопросительно уставились на майора. Он шутливо поднял руки вверх:

— Сдаюсь, сдаюсь. Вы оба на меня так смотрите — боюсь, что пронзите своими взглядами. Спрашивайте. Я отвечу.

— Нет уж, Саша, давай рассказывай по порядку, как сам знаешь, по-нашему, по-офицерски.

Полковник сегодня меня всё удивлял и удивлял: я не ожидала от него такой принципиальности и интереса. Я думала, что он вышел на пенсию, расслабился, после смерти жены потерял интерес к жизни, как он мне рассказывал, ан нет, он снова возродился к жизни как птица Феникс.

— Хорошо, — Золотарёв согласился со старшим товарищем. — Я вам расскажу вкратце то, что вы не знаете, толь-

ко не перебивайте. Так вот, было сразу ясно, что убийство совершил человек, который уже находился в доме, но это не Вера и не Алексей, а тем более не Водопьянова — жена мэра. Вера утверждала, что Алексей всю ночь спал. Ну а что она ещё скажет, ведь сама наводку дала мужу, даже не подозревая о его намерениях. Алексей вообще отнекивался, говорил, что ничего не знает, ничего не видел. Что рабочий, который строил баньку, в день убийства вообще отсутствовал. Камеры показали, что как он ушёл за день до этого, так и не появился. Тут вы, Элла Глебовна, помогли, спасибо вам большое. Ясно было: любой человек из домашних может открыть заднюю калитку и впустить кого угодно, как сделала, например, Эмилия Белявская, когда к ней приезжал Шаповалов. Алексей дал нам номер телефона этого Пети-строителя, телефон оказался отключённым, что было довольно странно. Он не отвечал и Алексею, хотя должен был выйти на работу. По показаниям Алексея, этот Петя ничего не знал об убийстве. Пока проверялись отпечатки пальцев убийцы по всем базам, я съездил к Вере домой и поговорил с её сыном. Он вспомнил этого Петра и рассказал о нём немного, описал. Сообщил, что Пётр приставал к его жене, вёл себя как хозяин, и только поэтому он запретил матери жить с Алексеем — из-за такого дружка. Пётр этот пропал. Алексей утверждал, что познакомился с ним на чёрной бирже труда (есть у нас такая в городе, где безработные мужики кучкуются, а работодатели подъезжают и забирают кого хотят). Ответа о наличии этих пальчиков в российских базах данных не было. Я посмотрел в документах Алексея, что он ещё по малолетке сидел в Казахстане, и отправил туда данные — а вдруг всплывут пальчики. Но за Алексеем установил слежку: я был практически уверен, что он замешан. Тогда я ещё не знал, что Вера проговорилась о деньгах, но чуйка моя работает хорошо. Сейф взломан, деньги уплыли,

куча отпечатков — грязно работали. Это точно не Алексей, а незнакомец, который хочет скрыться, его пальчики не волнуют. А тут ещё нашли деньги в трубе в бассейне благодаря сметливому взору Водопьяновой: дверь увидела приоткрытую. Молодец баба, хоть и мужу столько лет изменяла, и ребёнка от другого родила, но это, как говорится, их проблема. В общем, нашли деньги — вы все это видели, — обнаружили отпечатки Алексея. Можно было брать Алексея, но мои ребята его проследили. Вы же помните, как я быстро метнулся за ним? Успели. Взяли обоих — Алексея и Петра, — когда они выясняли отношения во дворе какой-то старой заброшенной хатки. В доме ещё пара людишек была. Всех замели. Алексей пришёл к нему просить полностью свою долю, как договаривались, а тот его посылал подальше. Утром мы получили сообщение из Казахстана. Я оказался прав: пальцы на орудии убийства — Петра. Он сидел ещё по малолетке с Алексеем, потом здесь, через много лет, встретились. Выжидали дело какое-нибудь хорошее, по мелочи воровали, грабили... Эти их мелкие делишки тоже всплыли. Вера была у Алексея для прикрытия, он хотел снять хороший куш и уехать в Москву. И вот этот куш и подвернулся. Алексей позвал Петра баньку начать строить, они себе потихоньку что-то ковырялись. И вот появились денежки, наличные, что сейчас редкость. Решили взять их и потихоньку уехать. Даже нашли человека, который им сделает новые паспорта с другими данными. Алексей пустил Петра в дом, тот отсиживался в бассейне — туда никто не заходит. Когда они поднялись на второй этаж брать сейф, им крупно повезло: Эмилия внизу беседовала с женой мэра, потому они могли спокойно делать своё дело. Взяли деньги, положили в старую холщовую сумку Петра вместе с его одеждой и решили выйти тихонечко через входную дверь, а тут королева с мэршей появились из гостиной. Вот они и

шмыгнули в бассейн переждать, а дверь неплотно закрыли. Выйди женщины на 5 минут позже, может быть, этой трагедии и не случилось бы. Случайность, мелочь — и такая трагедия. Недаром говорят, что дьявол кроется в мелочах. Эмилия проводила Водопьянову и пошла закрыть дверь в бассейн на ключ, но тут услышала шорох. Она увидела грабителей, вскрикнула, потом узнала Алексея и рабочего, поинтересовалась, что они делают в бассейне и вообще в доме так поздно. Пётр сказал, что сейчас всё объяснит. В бассейне был полумрак, потому они прошли в гостиную. Пакет оставили в бассейне. Пока Алексей что-то там пытался объяснить, Эмилия учуяла неладное, сказала, что сейчас вызовет милицию. В этот момент к ней сзади подошёл Пётр и ударил со всей дури каминным подсвечником. Алексей этого не ожидал. Он считает себя хулиганом, но не мокрушником. А Петру всё равно. Он с детства рос отморозком, ему было на всё и всех плевать, никаких блатных понятий он не придерживался, деньги на жизнь зарабатывал только криминальным путём. В прошлом году приехал на гастроли на море и тормознул. Блатные любят на море промышлять. Алексей испугался, но Пётр успокоил, мол, не переживай, жена тебя прикроет, и пальчиков твоих там нет, только меня не заложи, а то сам пойдёшь со мной паровозом, что, кстати, и случилось. Дал Алексею две пачки по 500 тысяч рублей, чтоб жену подогрел и так далее, а остальное, сказал, потом, после того, как паспорта получат и рванут из Морегорска. Пообещал, что сам позвонит Алексею через пару дней, пригрозил, чтоб никому ни слова. Алексей вывел Петра через заднюю калитку, перепрятал деньги и закрыл входную дверь, оставил мёртвую женщину в гостиной и спокойно пошёл к жене под бок. Вот так.

— Да... человек не меняется, — начал рассуждать полковник (сегодня у него явно было философское настроение). —

Маски свои меняет, окружение, а сущность остаётся. Как у этого зверя Петра: был маленьким зверьком Петечкой, а стал зверем Петром. Сгубил невинную душу.

— А почему Алексей к нему пошёл? — спросила я. — На что рассчитывал?

— Элла Глебовна, это же очевидно, — майор явно удивился моей непонятливости. — Он ждал ещё денег от Петра и паспорт. Пётр затянул с отъездом — уже три дня прошло, — а Алексей хотел удрать. Он думал, что Пётр ему ещё миллион даст хотя бы (понимал, что тот убил и возьмёт себе большую часть), а подельник его кинул. Он не живёт по воровским законам чести и братства, это уже давно не работает. Они всё гребут под себя и друг друга убивают, а эти двое вообще мелкие сошки. Пётр не ожидал, что Алексей вообще сунется к нему. Вот как-то так. Всё я вам и рассказал. Завтра с утра отвезу ключи от дома матери Эмилии. Сегодня уже поздно.

Эпилог

В июле ко мне приехал старший сын с женой на пару недель, погостили и вернулись обратно в Москву. Потом прикатил младшенький и обещал остаться до конца августа. А в сентябре я ждала подругу Люсю. У полковника тоже гостила дочь с семьёй. Он очень был рад своим маленьким внучатам и приходил с ними ко мне в гости. Как-то к вечеру, стоя на балконе и выкуривая свою любимую сигарету, я увидела во внутреннем дворике дома соседей каких-то людей. Они ходили по двору, суетились. Особняк был закрыт больше месяца, и я забеспокоилась, решила посмотреть, кто там шастает.

Входная калитка была открыта — значит, люди ненадолго. Свои, видимо, раз калитку не закрыли.

— Здравствуйте, люди добрые, — я решительно прошла во внутренний дворик. — Я соседка, хотела посмотреть, кто ж тут ходит. Дом стоит пустой больше месяца, никого не было.

— Проходите, проходите, — ответила мне любезно пожилая женщина в чёрном. — Так вы Милочкина соседка? А я её мама — Людмила Николаевна, а это сыночек Милочкин — Герочка — со своей невестой Аннушкой. А эта милая женщина — риелтор. Хотим дом продать. Показываем.

Девушка Германа была юна и свежа, как восходящая заря на Востоке. Хотелось всё время смотреть на неё и любоваться, просто глаз отдыхал. Я сразу поняла, что Анна — дочь Водопьяновой Ирины Михайловны. Значит, дети разобрались в хитросплетениях своего родства и остались вместе.

— Ясно. А может, не надо? Дом хороший, место — тоже, — ляпнула я, не подумав.

— Не хотим мы тут жить после того, как Милочку здесь убили. Я теперь одна в доме, мама моя, Евдокия Ивановна, на девятый день после Милочки умерла — всё к ней собиралась, вот и улетела её душа к любимой внучке. Я привыкла в своём доме, там рядом соседи, друзья. А Герочка с Аннушкой в Москве будут жить. Аннушка в институт поступила.

— Бабуля, сколько тебе говорю: поехали со мной в Москву. Там тебе и уход будет хороший. А ты вот не хочешь...

— Нет, жизнь моя, я здесь привыкла. Дом родной, земля родная. В этой земле муж мой похоронен, мать и доченька моя, кровинушка.

— Хорошо, бабуля, как скажешь. Мы будем к тебе часто приезжать.

— Вот именно. И Анечкины родители здесь.

— Мама с папой Пашей здесь. А папа в Москве, он там работает, — тихо сказала Аня. Гера только кивнул головой.

— Так значит, Владимир Васильевич будет с вами в Москве жить? — полюбопытствовала я. Молодёжь на меня очень странно взглянула, мол, откуда мне известно имя и отчество отца. Они же не в курсе, что я всю их подноготную знаю. Но мне ответили (воспитанные дети):

— Нет, — сказали одновременно, — с нашим братом Костей.

Мёртвые плывут по течению, а живые — против, чтоб продолжать достойно жить.

Рецепты от героев этой книги

Соте из баклажанов от Эллы Глебовны

Ингредиенты:
Баклажан — 2 шт.
Морковь — 1 шт.
Болгарский перец — 1 шт.
Помидор крупный — 1 шт.
Чеснок — 2 зубка.
Зелень петрушки — 1/4 пучка.
Растительное масло — 2 столовые ложки.
Соль и чёрный перец — по вкусу.

Баклажаны нарезаем нетолстыми кружочками, обильно посыпаем солью и оставляем на 15 минут, чтоб ушла горечь. Лук нарезаем полукольцами и обжариваем на 1 столовой ложке масла до прозрачности. Морковь нарезаем соломкой, болгарский перец — полукружочками. Добавляем морковь и перец к луку и тушим ещё 10 минут.

Баклажаны промываем, просушиваем и обжариваем на сковороде в один слой. Обжаренные баклажаны выкладываем к остальным овощам, туда же добавляем нарезанный кубиком помидор, солим и перчим. Накрываем крышкой и тушим все овощи 7 минут. Затем добавляем мелко нарезанный чеснок и зелень петрушки, перемешиваем все ингредиенты, тушим 5 минут и снимаем с огня. Соте подаётся как в горячем виде, так и в холодном. Приятного аппетита!

Ленивый плов от Эллы Глебовны

Ингредиенты:
Курица.
Специи для плова.

Соль, перец.

Масло растительное — 100 мл.

Рис — 1 стакан.

Морковь — 1 шт.

Лук — 1 шт.

Вода — 1 стакан.

Курочку разрезаем на удобные для нас куски. В специи добавляем половину масла, немного соли и перца, перемешиваем с кусками курицы — и в холодильник на 1 час. На оставшемся масле обжариваем нарезанные соломкой лук и морковь. Выкладываем хорошо промытый рис на дно формы, разравниваем, сверху — зажарку, наливаем воду, потом кусочки замаринованной курицы. Накрываем фольгой и отправляем в разогретую до 180 градусов духовку на 45 минут. Затем достаём, убираем фольгу — и снова в духовку на 15 минут. Готово! Вкусно вам поесть!

Индоутка или просто утка с айвой и черносливом от Евдокии Ивановны

Ингредиенты:

Утка.

Мёд — 2 столовые ложки.

Соевый соус — 4 столовые ложки.

Сок одного апельсина.

Горчица — 2 столовые ложки.

Чеснок — 4 зубчика.

Соль, перец.

Айва — 1 шт.

Чернослив — 10 крупных шт.

Рис — полстакана.

Готовим маринад: мёд, соевый соус, чеснок, сок апельсина, горчица.

Смазываем утку маринадом, заворачиваем в пищевую плёнку — и на 3 часа в холодильник.

До полуготовности отвариваем рис. Замачиваем чернослив, нарезаем на дольки айву. Рис присаливаем немного в процессе варки. Смешиваем рис, айву и чернослив. Начиняем этим утку, зашиваем — и в духовку на 3 часа при 180 градусах, сверху обязательно два-три слоя фольги. Достаём противень, снимаем фольгу, поливаем образовавшимся соком — и снова в духовку на 15 минут при 220 градусах, пусть корочка образуется. Запах обалденный. Достаём и едим! Ням-ням. Вкусно!!!

Жаркое в горшочках от Людмилы Николаевны

Ингредиенты:

Мякоть говядины — 500 г.
Картофель — 5 шт.
Лук — 2 шт.
Морковь — 2 шт.
Болгарский перец — 2 шт.
Грибы шампиньоны — 500 г.
Сыр — 200 г.
Соль, перец.
Паприка.
Хмели-сунели.
Томатный соус.

Мясо тушим на сковороде, добавляем соль и перец. Картофель и морковь нарезаем кусочками, болгарский перец и лук — полукольцами. Все овощи смешиваем и заправляем специями. В керамические горшочки выкладываем сначала мясо, затем овощи, поливаем томатным соусом и отправляем в разогретую до 180 градусов духовку на 45 минут. Достаём, посыпаем тёртым сыром — и снова в духовку на

5 минут. Подаём в этих же горшочках, чтоб сохранить аромат блюда. Ангела за трапезой!

Кефаль по-морегорски от Веры

Ингредиенты:

Кефаль свежая — 1 шт.
Лук репчатый — 1 шт.
Картофель — 4 шт.
Помидоры — 2 шт.
Приправа « Лимонный перец».
Сметана — 3 столовые ложки.
Горчица — 2 чайные ложки.
Соль.

Кефаль разрезать на 5-6 кусков. Лук нарезать полукольцами, картофель и помидоры — тонкими кольцами.

Укладываем в жаропрочную форму сначала картофель, сверху — лук, на лук — рыбу, последний слой — помидоры. Смешиваем сметану с горчицей, разбавляем немного водой, поливаем сверху все уложенные продукты — и в разогретую духовку на 45 минут. Запах вкуснятины раздаётся по всей кухне. Приятной трапезы!

Сырники полезные от Елены

Ингредиенты:

Творог — 1 пачка.
Яйцо — 1 шт.
Мука — 1 столовая ложка.
Яблоко — 1 шт.
Соль — щепотка.

Яблоко натираем на мелкой тёрке (оно заменит нам сахар). Эти сырники полезны и для диабетиков. Разминаем

хорошенько творог. Добавляем яблоко, яйцо, муку, соль, хорошо смешиваем. Рабочую поверхность припылим мукой и формируем колбаску. Нарезаем сырники, обжариваем с двух сторон на горячей сковороде. Едим со сметаной, джемом, вареньем. Вкусного завтрака!

Малосольные огурчики «Минутка» от полковника

Ингредиенты:

Огурцы свежие — 1 кг.
Чеснок — 1 головка.
Укроп — 1 пучок.
Соль — 5 столовых ложек.

Огурцы свежие, желательно маленькие, обрезаем с двух сторон и кладём в вакуумный пакет. Если нет такого, то можно в обыкновенный. Все зубчики чеснока нарезаем — и туда же. Укроп мелко режем — и тоже в пакет, добавляем соль. Потом рьяно перемешиваем всё, что есть в пакете. Тщательно завязываем, выпуская воздух, — и в холодильник. Если нет терпения, то можно уже через час вкусить ароматнейших малосольных огурчиков. Если вы человек терпеливый, то ждите три часа. Ангелочков вам за вкуснейшей едой!

Уха заядлого рыбака от полковника

Ингредиенты:

Рыба трёх видов.
Картофель — 6 шт.
Морковь — 2 шт.
Помидоры — 2 шт.
Перец горошком — 10 шт.
Соль, перец по вкусу.

Укроп и петрушка — по полпучка.

Водка — 100 г.

Лавровый лист — 5 шт.

Чистим рыбу, моем, отрезаем голову, плавники, хвост, нарезаем на крупные куски. В кипящую 6-7-литровую кастрюлю с водой кладём головы, плавники, хвосты. Снимаем пенку, когда закипит, ждём 10 минут. Тем временем все овощи крупно нарезаем, с помидоров снимаем шкурку. Вытаскиваем всё, что варилось в кастрюле, сцеживаем бульон — и на огонь. Добавляем туда все овощи и специи, кроме помидоров. Когда овощи будут готовы, закидываем в уху рыбу и помидоры, вливаем водку и солим. Через 10 минут снимаем с огня и добавляем мелконарезанную зелень. Уха получилась вкусная, потому что рыбка свежая. Кушайте на здоровье!

Кутабы с зеленью от Карины

Ингредиенты:

Зелень всякая разная: мокрица, калачики, шпинат, конский щавель, мангольд, свекольные листья, укроп, петрушка, тонкий молодой лук зелёный, кинза, райхон, щавель — всё, что вы любите.

Сметана — 2 столовые ложки.

Яйцо — 2 шт.

Лук репчатый — 2 шт.

Топленое масло для обжарки лука.

Мука — 800 г.

Соль — 1 чайная ложка.

Растительное масло — 50 г.

Вода — 500 мл.

Из муки, растительного масла, соли и воды замешиваем мягкое тесто и оставляем отдохнуть минут на 20. Тем временем репчатый лук мелко нарезаем и обжариваем в топлё-

ном масле до золотистого цвета. Добавляем к нарезанной зелени яйца, сметану, лук, соль, перец. Перемешиваем. Раскатываем тесто в тонкий пласт, нарезаем кружочки, как на чебуреки, с помощью тарелки, начиняем, защипываем края. Обжариваем на сухой горячей сковородке. Готовые кутабы укладываем друг на друга, при этом каждый смазываем сливочным маслом. Лёгкой вкусной трапезы!

Пхали из свёклы от Карины

Ингредиенты:

Свёкла — 2 шт.

Капуста — половина кочана.

Грецкие орехи — 150 г.

Репчатый лук — 1 шт.

Чеснок — 3 зубчика.

Кинза — 1 пучок.

Соль — 1/2 чайной ложки.

Отвариваем капусту и свёклу. Грецкие орехи просушиваем в духовке 5 минут. Прокручиваем через мясорубку капусту, свёклу и орехи. Репчатый лук мелко нарезаем. Также мелко измельчаем кинзу. Чеснок раздавливаем чеснокодавилкой. Все ингредиенты смешиваем в глубокой миске, немного присаливаем. Должна получиться однородная масса. Формируем небольшие шарики и красиво укладываем на тарелку. Получается прекрасная вкусная закуска. Приятного всем аппетита!

КОНЕЦ

Содержание

Об авторе. 3

Глава 1 4

Глава 2 15

Глава 3 21

Глава 4 27

Глава 5 38

Глава 6 49

Глава 7 59

Глава 8 76

Глава 9 88

Глава 10 110

Глава 11 115

Глава 12 127

Глава 13 145

Эпилог 174

Рецепты от героев этой книги. 176

Соте из баклажанов от Эллы Глебовны 176

Ленивый плов от Эллы Глебовны. 176

Индоутка или просто утка с айвой и черносливом
от Евдокии Ивановны 177

Жаркое в горшочках от Людмилы Николаевны 178

Кефаль по-морегорски от Веры 179

Сырники полезные от Елены 179

Малосольные огурчики «Минутка» от полковника 180

Уха заядлого рыбака от полковника 180

Кутабы с зеленью от Карины 181

Пхали из свёклы от Карины 182

ISBN 978-5-907322-21-9

